

Генрих Джейне

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Генрих Тейне

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

Н. Я. ВЕРКОВСКОГО, В. М. ЖИРМУНСКОГО,
Н. М. МЕТАЛЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1957

Генрих Тейне

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

т о м

3

РОМАНСЕРО
ПОЗДНИЕ ПОЭМЫ
И СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1957

Редакция переводов и комментарии
Я. М. МЕТАЛЛОВА

Перевод с немецкого

РОМАНЦЕРО

КНИГА ПЕРВАЯ ИСТОРИИ

Когда изменят тебе, поэт,
Ты стань еще вернее, —
А если в душе твоей радости нет,
За лиру возьми живее!

По струнам ударь! Вдохновенный напев
Пожаром всколыхнется —
Расплавится мука, — и кровью твой гнев
Так сладко изольется.

РАМПСЕНИТ

Лишь владыка Рампсенит
В раззолоченную залу
К дочери вошел, — принцесса
Сразу же захохотала.

А за нею — все служанки,
Негры-евнухи, — потеха! —
Сфинксы, мумии хохочут, —
Надрываются от смеха.

Говорит царевна: «Мною
За руку был пойман вор твой,
Но сбежал, оставив руку,
Оказавшуюся мертвой.

Знаю, знаю, как похитить
Удалось так много вору
Из сокровищниц дворцовых:
Что ему замки, запоры!

Он волшебный ключ имеет,
И в какой замок ни вложит —
Дверь открыта. Тут и крепость
Устоять никак не сможет!

Я — не крепость; мне, чтоб сдаться,
Вовсе многого не надо:
Кладовую сторожа,
Я сама лишилась клада!»

Так ему царевна молвит,
Хохоча, и что ни слово —
Евнухов и камеристок
Раздается хохот снова.

В тот же день уже смеялся
Весь Мемфис, и крокодилы,
Морды высунув, смеялись
В грязно-желтых водах Нила,

Слыша грохот барабана
И рескрипт витиеватый,
Что провозглашал публично
Государственный глашатай:

«Рампсенит, по воле божьей
Царствующий пад Египтом,
Мы привет и милость нашу
Объявляем сим рескриптом.

В ночь на пятое июня,
В лето тысяча сто двадцать
Третье до Христовой эры,
Вору дерзкому пробраться

Удалось к нам в кладовую.
Много ценностей и денег
Он тогда унес. В дальнейшем
Зачастил туда мошенник.

Мы, дабы поймать злодея,
На ночь нашу дочь на страже

Там оставили. Преступник
Обокрал царевну даже!

Чтоб с хищеньями покончить
И заверить вора кстати
В нашем искреннем почтенье
И в сердечности симпатий, —

За него мы выдать замуж
Нашу дочь соизволяем,
И его наследным принцем
Милостиво объявляем.

Но пока нам адрес зятя
Остается неизвестен,
Мы свое благоволенье
Оглашаем в манифесте.

Дан второго марта, в лето
Тысяча сто двадцать пять
До Христовой эры». Подпись:
«Rhampsenitus Rex».¹ Печать.

Рампсенит исполнил слово:
Зятем в доме фараона
Зажил вор. По смерти тестя
Перешла к нему корона.

Правил он не хуже прочих:
Опекал торговлю, даже
Меценатствовал. По слухам —
Он в Египте вывел кражи.

БЕЛЫЙ СЛОН

Король Сиамский Магавазант
Владеет Индией до Мартабант.
Семь принцев, сам Великий Могол
Признали ленным свой престол.

¹ Царь Рампсенит (*лат.*).

Что год — под знамена, рожки, барабаны
Тянут к Сиаму дань караваны, —
Семь тысяч верблюдов, за парами пары
Тащат ценнейшие в мире товары.

Заслышит он трубы музыкантов —
И дух улыбается Магавазантов;
Правда, он хнычет в кулуарах,
Что мало места в его амбарах.

Но эти амбары такой высоты,
Великолепия и красоты,
Здесь действительность — точь-в-точь
Сказка про тысячу и одну ночь.

«Твердынями Индры» зовутся чертоги,
В которых выставлены все боги,
Колоннообразные, с тонкой резьбою,
С инкрустацией дорогою.

Числом пятнадцать тысяч двести
Фигур и странных и страшных вместе,
Помесь людей, льва и коровы —
Многоруки, многоголовы.

Увидишь ты средь «Пурпурного зала»
Тысяча триста деревьев коралла;
Странный вид — ствол до небес,
Разубраны ветки, красный лес.

Каменный пол хрусталем там устлап,
И отражает каждый куст он.
Фазаны в пестрейшем оперенье
Важно гуляют в помещенье.

Обезьяне любимой Магавазант
Навесил на шею шелковый бант,
А к этому банту он ключ привязал,
Которым был замкнут «Спальный зал».

Там камни цветные без цепы
Горохом насыпаны вдоль стены
В большие кучи. В них налицо
Бриллианты с куриное яйцо.

На сероватых мешках с жемчугами
Любит король завалиться с ногами,
И обезьяна ложится с сатрапом,
И оба спят со свистом и храпом.

Но гордость его, его отрада,
То, что дороже всякого клада,
Дороже, чем жизнь, дороже, чем трон —
Магавазантов белый слон.

Для высокого гостя король повелел
Построить дворец белее, чем мел;
Кровля его с золотой канителью,
Колонны с лотосной капителью.

Триста драбантов стоят наготове
В качестве лейб-охраны слоновьей,
И, упав перед ним на брюхо,
Служат ему сто три евнуха.

На блюдах золотых приносится пища,
Все что почище для хоботища,
Он пьет из серебряных ведер вино,
Приправлено специями оно.

Мастят его амброй и розовой мазью,
Главу украшают цветочной вязью,
И служит как плед для породистых ног
Ему кашемировый платок.

Полнейшее счастье дано ему в общем,
Но на земле мы вечно ропщем.
Высокий зверь, неизвестно как,
Стал меланхолик и чудаक.

И белый меланхоликус
Теряет к изобилию вкус,

Пробуют то, пробуют это, —
Все остается без ответа.

Напрасно водят пляски и песни
Пред ним баядеры; напрасно, хоть тресни,
Бубнят барабаны музыкантов, —
Слон не весел Магавазантов.

Что день, ухудшается положенье,
Магавазант приходит в смятенье;
Велит он призвать к ступеням храма
Умнейших астрологов Сиама.

«О звездочет, ты костями здесь ляжешь, —
Внушает король ему, — если не скажешь,
Что у слона случилось такое,
И почему он лишился покоя».

Но трижды падя пред высоким местом,
Тот отвечает с серьезным жестом:
«Я правду скажу о слоне недужном,
И делай все, что находишь нужным.

Живет на севере жена,
Телом бела, станом стройна,
Великолепен твой слон, несомненно,
Но даже с слоном она несравненна.

В сравнении с нею слон твой лишь
Не что иное, как белая мышь;
Стан великанши из Рамаяны,
Рост — эфесской великой Дианы.

Как эти громадные извивы
Изгибаются в строй красивый,
Несут этот строй два высоких пилястра
Из белоснежного алебастра.

И этот весь колоссальный мрамор —
Есть храм кафедральный бога Амор;
Горит лампадою там в кивоте
Сердце, в котором пятна не найдете.

Поэты напрасно лезут из кожи,
Чтоб описать белизну ее кожи;
Сам Готье здесь сух, как табель, —
О, эта белая implacable! ¹

Снег с вершин гималайских гор
В ее присутствии сер, как сор;
А лилию — если кто ей подаст, —
Желтит и ревность и контраст.

Зовется она графиня Бьянка,
Большая, белая иностранка,
В Париже у франков ее салон,
И вот в нее влюбился слон.

Предназначением душ влекомы,
Только во сне они и знакомы,
И в сердце сонное запал
К нему высокий идеал.

С тех пор им мысль владеет одна,
И вместо здорового слона
Вы серого Вертера в нем найдете.
Мечтает он о северной Лотте.

Глубокая тайна этих связей!
Не видел ее, а тоскует по ней.
Он часто топает при лупе
И стонет: «Быть бы птичкой мне».

В Сиаме осталось тело, мысли
Над Бьянкой, в области франков повисли;
Но от разлуки тела и духа
Слабеет желудок и в горле сухо.

Претит ему самый лакомый кус;
Лапша да еще Оссиан — его вкус;
Он кашлять начал, он похудел,
И ранний гроб его удел.

¹ Неумолимая (франц.).

Хочешь спасти ведь, хочешь слона ведь
В млекопитающем мире оставить,
Пошли же высокого больного
Прямо к франкам, в Париж, и готово!

Когда его реальный вид
Прекрасной дамы развеселит,
Прообраз которой ему приснился, —
Можно сказать, что он исцелился.

Где милой его смят очю —
Рассеется мрак духовной ночи;
Улыбка сгонит последние тени
Его мрачнейших ощущений.

А голос ее, как звуки лир,
Вернет душе раздвоенной мир;
И весело уха поднимет он лопасть, —
Он возрожден, исчезла пропасть!

Как весело, любо живешь, спешишь
В тебе, любезный город Париж:
Там прикоснется твой слон к культуре,
Раздолье там его натуре.

Но прежде всего открой ему кассу,
Дай ему денег по первому классу,
И срочным письмом открой кредит
У Ротшильд-frères на rue Lafitte.¹

Да срочным письмом — на миллион
Дукатов примерно. Сам барон
Фон Ротшильд скажет о нем тогда:
«Слоны — милейшие господа».

Такое астролог сказал ему слово
И трижды бросился наземь снова.
Король отпустил его с приветом
И тут же прилег — подумать об этом.

¹ У братьев Ротшильд на улице Лафитг (*франц.*).

Он думал этак, думал так;
Короли не привыкли думать никак.
Обезьяна пробралась к нему во дворец,
И оба заснули под конец.

Я расскажу вам после то, что
Он порешил; запоздала почта;
Ей долго пришлось блуждать, вертеться;
Она к нам прибыла из Суэца.

ШЕЛЬМ ФОН БЕРГЕН

На дюссельдорфский карнавал
Нарядные съехались маски.
Над Рейном замок весь в огнях,
Там пир, веселье, пляски.

Там с герцогиней молодой
Танцует франт придворный.
Все чаще смех ее звенит,
Веселый и задорный.

Под маской черной гостя взор
Горит улыбкой смелой, —
Так меч, глядящий из ножен,
Сверкает сталью белой.

Под гул приветственный толпы
По залу они проплывают.
Им Дрикес и Мариццебилль,
Кривляясь, подпевают.

Труба визжит наперекор
Ворчливому контрабасу.
Последний круг, — и вот конец
И музыке и плясу.

«Простите, прекрасная госпожа,
Теперь домой ухожу я».
Она смеется: «Открой лицо,
Не то тебя не пушу я».

«Простите, прекрасная госпожа,
Для смертных мой облик ужасен!»
Она смеется: «Открой лицо
И не рассказывай басен!»

«Простите, прекрасная госпожа,
Мне тайну смерть предписала!»
Она смеется: «Открой лицо,
Иль ты не выйдешь из зала!»

Он долго и мрачно противился ей,
Но сладишь ли с женщиной вздорной!
Насильно маску сорвала
Она рукой проворной.

«Смотрите, бергенский палач!» —
Шепнули гости друг другу.
Все замерло. Герцогиня в слезах
Упала в объятия к супругу.

Но герцог мудро спас ей честь, —
Без долгих размышлений
Он обнажил свой меч и сказал:
«Ну, малый, на колени!»

Ударом меча я дарую тебе
Сан рыцаря благородный
И титул Шельм фон Берген даю
Тебе, как шельме природной».

Так дворянином стал палач,
Прапрадед фон Бергенов нищий.
Достойный род! Он на Рейне расцвел
И спит на фамильном кладбище.

ВАЛЬКИРИИ

На земле — война... А в тучах
Три валькирии летучих
День и ночь поют над ней,
Взмылив облачных коней:

«Власти спорят, люди страждут,
Короли господства жаждут.
Власть — как благо им дана!
Добродетель их — война!

Гей, несчастные, поверьте —
Не спасет броня от смерти,
И герой в бою разбит,
А мерзавец победит.

Флаги. Арки. Стол накрытый.
Завтра явится со свитой
Тот, кто лучших одолел
И на всех ярмо надел.

Вот въезжает триумфатор.
Бургомистр или сенатор
Подлецу своей рукой
Ключ подносят городской.

Гей! Венцы, гирлянды, лавры!
Пушки бьют, гремят литавры.
Колокольный звон с утра.
Чернь беснуется: «Ура!»

Дамы нежные с балкона
Сыплют розы восхищенно
И, усталый от побед,
Он кивает им в ответ».

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ГАСТИНГСЕ

Аббат Вальдгема тяжело
Вздохнул, смущенный вестью,
Что саксов вождь — король Гарольд —
При Гастингсе пал с честью.

И двух монахов послал аббат, —
Их Астгот и Айльрик звали, —
Чтоб тотчас на Гастингс шли они
И прах короля отыскали.

Монахи пустились печально в путь,
Печально домой воротились:
«Отец преподобный, постыла нам жизнь,
Со счастьем мы простились.

Из саксов лучший пал в бою,
И Банкерт смеется, негодный:
Отребье норманское делит страну,
В раба обратился свободный.

И стали лордами у нас
Норманны — вшивые воры.
Я видел, портной из Байе гарцевал,
Надев золоченые шпоры.

О, горе нам и тем святым,
Что в небе наша опора!
Пускай трепещут и они,
И им не уйти от позора.

Теперь открылось нам, зачем
В ночи комета большая
По небу мчалась на красной метле,
Кровавым светом сияя.

То, что пророчила звезда,
В сражении мы узнали.
Где ты велел, там были мы
И прах короля искали.

И долго там бродили мы,
Жестоким горем томимы.
И все надежды оставили нас,
И короля не нашли мы».

Астгот и Айльрик окончили речь.
Аббат сжал руки, рыдая,
Потом задумался глубоко
И молвил им, вздыхая:

«У Гринфильда Скалу Певцов
Лес окружил, синея:

Там в ветхой хижине живет
Эдит, Лебязья Шея.

Лебязьей Шеей звалась она
За то, что клонила шею
Всегда, как лебедь; король Гарольд
За то пленился ею.

Ее он любил, лелеял, ласкал,
Потом забыл, покинул.
И время шло; шестнадцатый год
Теперь тому уже минул.

Отправьтесь, братья, к женщине той,
Пускай идет она с вами
Назад на Гастингс — и женский взор
Найдет короля меж телами.

Затем в обратный пускайтесь путь.
Мы прах в аббатстве скроем, —
За душу Гарольда помолимся все
И с честью тело зароем».

И в полночь хижина в лесу
Предстала пред их глазами.
«Эдит, Лебязья Шея, встань
И тотчас следуй за нами.

Норманский герцог победил,
Рабами стали бритты,
На поле гастингском лежит
Король Гарольд убитый.

Ступай на Гастингс, найди его, —
Исполни наше дело, —
Его в аббатство мы снесем,
Аббат похоронит тело».

И молча поднялась Эдит,
И молча пошла за ними.
Неистовый ветер ночной играл
Ее волосами седыми.

Сквозь чащу леса, по мху болот
Ступала ногами босыми.
И Гастингса меловой утес
Наутро встал перед ними.

Растаял в утренних лучах
Покров тумана белый,
И с мерзким карканьем воронье
Над бранным полем взлетело.

Там, на поле, тела бойцов
Кровавую землю устлали,
А рядом с ними, в крови и пыли,
Убитые кони лежали.

Эдит, Лебяжья Шея, в кровь
Ступала босою ногою,
И взгляды пристальных глаз ее
Летели острой стрелою.

И долго бродила среди бойцов
Эдит, Лебяжья Шея,
И, отгоняя воронье,
Монахи брели за нею.

Так целый день бродили они,
И вечер приближался,
Как вдруг в вечерней тишине
Ужасный крик раздался.

Эдит, Лебяжья Шея, нашла
Того, кого искала.
Склонясь, без слов и без слез она
К его лицу припала.

Она целовала бледный лоб,
Уста с запекшейся кровью,
К раскрытым ранам на груди
Склонялася с любовью.

К трем милым рубцам на плече его
Она прикоснулась губами, —

Любовной памятью были они,
Прошедшей страсти следами.

Монахи носилки сплели из ветвей,
Тихонько шепча молитвы,
И прочь понесли своего короля
С ужасного поля битвы.

Они к Вальдгему его несли,
Спускалась ночь, чернея.
И шла за гробом своей любви
Эдит, Лебязья Шея.

Молитвы о мертвых пела она,
И жутко разносились
Зловещие звуки в глухой ночи,
Монахи тихо молились.

КАРЛ I

Угрюмый, сидит король в лесу,
В избе дровосека дальней,
Качает чужого ребенка он,
Качает, поет печально:

«Спи, мальчик! Кто там в соломе шуршит?
Овечки заблеяли где-то.
Недобрый знак на лбу твоём,
И страшно смеешься во сне ты.

Спи, мальчик милый! Кота уже нет,
Ты мечен пророческим знаком,
Вот подрастешь, возьмешь топор;
Деревья охвачены мраком.

Уж прежней веры в народе нет,
Не верят простые дети —
Спи, мальчик! — ни в бога, ни в короля
И ни во что на свете.

Кота уже нет. Раздолье мышам.
Насмешкой для черни сонной
Мы стали. Спи, мальчик! — на небе бог,
Здесь я, король ваш законный.

Мой дух угас, на сердце боль,
И жизнь подходит к краю.
Спи, сын дровосека, будешь ты
Моим палачом, — я знаю.

В твоей колыбельной я смерть пою,
Спи, мальчик мой! Не жалея,
Седые ты волосы срежешь мне,
Топор приподнят над шеей.

Спи, мальчик! Кто там в соломе шуршит?
Наследник леса и пашен,
Ты голову мне снесешь долой,
А мертвый кот не страшен.

Спи, мальчик! Кто там в соломе шуршит?
То овцы блеют спросонок.
Кота уже нет, раздолье мышам.
Спи крепко, мой палачонок!»

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА

Как весело в замке Тюильри
Зеркальные окна блистают,
И все же там средь бела дня
Старые тени гуляют.

Является в Pavillion'e de Flore ¹
Мария-Антуанетта;
Она справляет там утром lever ²
По всем статьям этикета.

¹ Павильон Флоры (*франц.*).

² Торжественная церемония утреннего туалета французских королей и королев (*франц.*).

Придворные дамы. Одни стоят,
Другие сидят по праву.
Платья из шелка и парчи,
Кружево слева и справа.

Стан их тонок, фижмы пышны,
Подслушивают лукаво
Точеные ножки стройных дам.
Ах, если б им головы, право!

Ни у одной нет головы,
Без головы вся свита,
Ее величество в том числе,
И в силу сего незавита.

Она, у которой был с башню шиньон
На всех королевских визитах,
Самой Марии-Терезии дочь
И внучка царей знаменитых, —

Она без прически, без головы,
Должна бродить среди свиты
Дам безголовых, — и все на подбор,
Как и она, незавиты.

Это все революции плод,
Это ее доктрина;
Во всем виноват Жан-Жак Руссо,
Вольтер и гильотина.

Но странное дело — сдается мне,
Что бедные дамы сами
Не знают, как они мертвы
И что с их головами.

Все те же ужимки, что и встарь,
И лесть, и вздор, и вести.
Безглавые поклоны их
Страшны и забавны вместе.

Присела первая дама d'autour,¹
Несет сорочку к постели,

¹ Придворная дама, прислуживающая королеве при ее туалете
(франц.).

Вторая протягивает ее,
И обе вместе присели.

И третья там и четвертая тут
На месте приседают,
И, на коленях, чулки ее
Величеству надевают.

Присела пятая, — подает
Кофту белее мела,
Шестая нижнюю юбку несет —
И точно так же присела.

Обер-гофмейстерина стоит,
Веером машет рядом,
И, за отсутствием головы,
Она улыбается задом.

Сквозь занавески солнце порой
Бросает украдкой пятна,
Но, как заметит старую тень,
Пятится в страхе обратно.

ПОМАРЭ

I

Бог любви забыл о гневе,
Кровь кипит, гремят фанфары:
Слава, слава королеве!
Слава ветреной Помарэ!

Не из края Отохайти
(Та во власти миссионера),
Нет, прелестницы-дикарки
Не коснулась вовсе вера.

К верноподданным выходит
Раз в четыре дня, и только!
И в саду Мабиль танцует
Пред толпой канкан и польку.

Рассыпает величаво
Милость вправо, благость влево,
От бедра до ляжки, право,
В каждом жесте — королева!

Бог любви забыл о гневе,
И в груди гремят фанфары:
Слава, слава королеве!
Слава ветреной Помарэ!

II

Танцует. Боже, как стройна!
Как изгибается она!
О, легкий взлет, секунда дрожи!
Как будто рвется вон из кожи.

Танцует. Ножку вскинув вдруг,
То вертится, за кругом круг,
То вдруг замрет, взмахнув рукою...
О боже, сжался надо мною!

Танцует. Смолкло все кругом...
Так перед Иродом-царем
Плясала дочь Иродиады,
На гибель обрекая взглядом.

Танцует... Женщина-змея!
Скажи, что должен сделать я?
Молчишь? Эй, слуги! Где Креститель?
Скорее голову рубите!

III

А давно ли черствый хлеб
Ела, волею судеб?
Нынче, позабыв задворки,
Едет гордо на четверке.

Под баюканье колес
Мнет в подушках шелк волос,
Над толпой в окно смеется,
Что толпа пешком плетется.

Как увижу это я,
Заболит душа моя —
Ах, вот эта колесница
Отвезет тебя в больницу,

Где по божьему суду
Смерть прервет твою беду,
Где анатом с грязной дланью,
Безобразный, с жаждой знания,

Тело сладостное вмиг
Искромсает, как мясник.
Эти кони также скоро
Станут жертвой живодера.

IV

Смерть с тобой поторопилась
И на этот раз права —
Слава богу, все свершилось,
Слава богу — ты мертва!

В той мансарде, где уныло
Мать влачила дни свои,
Вся в слезах она закрыла
Очи синие твои.

Саван сшила, сбереженья
За могилу отдала,
Но, по правде, погребенье
Пышным сделать не смогла.

Тяжкий колокол не плакал,
Не читал молитвы поп,
Только пес да парикмахер
Провожали бедный гроб.

«Я причесывал бедняжку! —
Парикмахер говорит, —
Помню, все в одной рубашке
Перед зеркальцем сидит...»

Ну а пес умчался вскоре
От печальных похорон.
Говорят, забыв про горе,
Он живет у Роз-Помпон.

Роз-Помпон из Провансаля!
Пусть судьба оплатит ей...
Сколько сплетен мы узнали
От соперницы твоей!

Королева шутки праздной,
Спас господь твои права,
Ты лежишь в короне грязной
Божьей милостью мертва.

Ты узнала благодать бога,
Поднял он тебя во мгле,
Не за то ли, что так много
Ты любила на земле!

БОГ АПОЛЛОН

I

Стоит на вершине горы монастырь.
Под кручей Рейн струится.
К решетке прильнув, на зеркальную ширь
Глядит молодая черница.

И видит: по Рейну кораблик бежит
Невиданной оснастки,
Цветами и парчой увит,
Наряжен, точно в сказке.

Плывет светлокудрый щеголь на нем,
Как изваянье стоя,
В плаще пурпурно-золотом
Античного покроя.

У ног красавца — девять жен,
Как статуи прекрасны,

И гибкий стан их облачен
Туникою атласной.

Поет златокудрый, искусной рукой
На звонкой лире играя.
И внемлет, охвачена жгучей тоской,
Черница молодая.

Крестясь, отвернется и смотрит вновь,
Ломает в страхе руки...
Бессилён крест прогнать любовь,
Спасти от сладкой муки!

II

«Я — Аполлон, бог музыки,
Прославленный повсюду.
Был на Парнасе в Греции
Мой храм, подобный чуду.

На Монпарнасе, в Греции,
Под кипарисной сенью,
Внимал я струй Касталии
Таинственному пенью.

Но мне сходились дочери,
Смеялись, танцевали
Иль вокализ, ля-ля-ри-ри,
Веселый распевали.

В ответ им рог: тра-ра, тра-ра —
Гремел, леса пугая, —
То Артемида дичь гнала,
Сестрица дорогая.

И стоило кастальских вод
Губами мне коснуться —
Мгновенно сердце запоем,
И строфы сами льются.

Я мел — и вторила, звеня,
Мне лира золотая.

Сквозь лавры Дафна на меня
Глядела, замирая.

Я пел, и амброзийное
Лилось благоуханье,
Вселенную единое
Наполнило сиянье.

Я прогнан был из Греции,
Считаюсь на чужбине,
Но в Греции, но в Греции
Душа моя доныне».

III

В одеяние бегонок,
В плащ тяжелый с капюшоном
Из грубейшей черной саржи,
Облеклась черница тайно.

И стремительно шагает
Рейнским берегом, дорогой
На Голландию, и встречных
Вопрошает поминутно:

«Не видали Аполлона?
Плыл он вниз, одетый в пурпур,
Пел, бряцал на звонкой лире, —
Он кумир, он идол мой!»

Не хотят ответить люди:
Этот молча отвернется,
Тот, смеясь, глаза таращит,
А иной вздохнет: «Бедняжка!»

Но навстречу ковыляет
Грязный, ветхий старикашка
И, руками рассуждая,
Что-то сам себе бормочет.

За спиной его котомка,
Он в шапчонке треугольной

И, хитро прищуря глазки,
Стал и слушает монашку.

«Не видали Аполлона?
Плыл он вниз, одетый в пурпур,
Пел, бряцал на лире звонкой, —
Он кумир, он идол мой!»

Ухмыляясь и кивая
Сокрушенно головою,
Старичок перебирает
Рыжеватую бородку.

«Как я мог его не видеть!
Сорок раз видал в немецкой
Синагоге в Амстердаме.
Был он кантором и звался

Ребе Файбиш, — по-немецки
Файбиш значит Аполлон.
Но, ей-богу, он не идол!
Красный плащ? Конечно, знаю

Красный плащ! Хороший бархат —
По восьми флоринов локоть;
Счет пока не погашен.
И отца его отлично

Знал я: это Мозес Итчер,
Обрезатель крайней плоти.
У евреев португальских
Резал он и соверены.

Мать его — она кузина
Зятю моему — на грахте
Квашеной капустой, луком
И тряпьем она торгует.

Нет им радостей от сына!
Мастер он играть на лире,
Но зато он трижды мастер
Надувать в тарок и ломбер.

И притом он вольнодумец!
Ел свинину; был уволен
С должности и ныне возит
Трупшу крашенных актеров.

Представляет в балаганах
Пикельгеринга и даже
Олоферна, но известность
Заслужил царем Давидом.

Он псалмы царя Давида
Пел на древнем диалекте,
Как певал их сам Давид,
Как певали наши деды.

Он в притонах Амстердама
Девять шлюх набрал смазливых
И как девять муз их возит,
Нарядившись Аполлоном.

Есть у них одна толстуха,
Мастерица ржать и хрюкать, —
Носит лавры, и за это
Прозвана зеленой хрюшкой».

МАЛЕНЬКИЙ НАРОДЕЦ

В ночном горшке он плыл к Роттердаму,
Вниз по Рейну, одетый к лицу.
Когда же он прибыл, — увидел даму
И молвил: «Юффрэйкен, поедем к венцу.

Я вас введу, дорогая подружка,
В мой собственный замок, в спальный покой:
Стены замка — тонкая стружка,
Крыша вся из соломки резной.

И все там кукольно-мило и хрупко,
Ты будешь там жить, королева моя;
Кровать — ореховая скорлупка
И паутинка — простыня.

Яиц муравьиных нам в масле отварят,
Дадут нам червичник, разную сласть,
И мать по наследству мне оставит
Три пышечки с перцем — вкусные, страсть!

Имею сало свиное, шкварки,
Имею наперсточек вина,
И кустик морковки растет для варки,
Ты будешь счастлива, о жена!»

И все так манило, так прельщало!
Невеста вздыхала: «Мой бог! мой бог!»
Ей грустно было, она рыдала —
Но под конец спустилась в горшок.

* * *

А это о ком? Христиане иль мыши
Герои песни? Забыл я ответ.
Я сказ смешной в Беверланде слышал,
С тех пор прошло уже тридцать лет.

ДВА РЫЦАРЯ

Сволочинский и Помойский —
Кто среди шляхты им чета? —
Бились храбро за свободу
Против русского кнута.

Храбро бились и в Париже
Обрели и кров и снедь;
Столь же сладко для отчизны
Уцелеть, как умереть.

Как Патрокл с своим Ахиллом,
Как с Давидом Ионафан,
Оба вечно целовались,
Бормоча «кохан, кохан»,

Жили в дружбе; не желали
Никогда друг другу зла,
Хоть у них обоих в жилах
Кровь шляхетская текла.

Слившись душами всецело,
Спали на одной постели;
Часто взапуски чесались:
Те же вши обоих ели.

В том же кабаке питались,
Но боялся каждый, чтобы
Счет другим оплачен не был, —
Так и не платили оба.

И белье одна и та же
Генриетта им стирает;
В месяц раз придет с улыбкой
И белье их забирает.

Да, у каждого сорочек
Пара целая была,
Хоть у них обоих в жилах
Кровь шляхетская текла.

Вот сидят они сегодня
И глядят в камин горящий;
За окном — потемки, вьюга,
Стук пролеток дребезжащий.

Кубком пунша пребольшим
(Не разбавленным водицей,
Не подслащенным) они
Уж успели подкрепиться.

И взгрустнулось им обоим,
Потускнел их бравый вид.
И растроганно сквозь слезы
Сволочинский говорит:

«Ничего бы здесь, в Париже,
Но тоскую я все больше

По шлафроку и по шубе,
Что, увы, остались в Польше».

И в ответ ему Помойский:
«Друг мой, шляхтич ты примерный;
К милой родине и к шубе
Ты горюшь любовью верной.

Еще Польска не згинела;
Всё рожают жены наши,
Тем же заняты и девы:
Можем ждать героев краше,

Чем великий Ян Собеский,
Чем Шельмовский и Уминский,
Шантажевич, Попрошайский
И преславный пан Ослинский».

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ

Скрипки, систры, бубнов лязги.
Дщери Иаковлевы в пляске —
Вкруг золотого истукана,
Вкруг тельца ликуют. Срам!
Трам-трам-трам!..
Клики, хохот, звон тимпана.

И хитоны, как блудницы,
Подоткнув до поясницы, —
С быстротою урагана,
Пляшут девы — нет конца —
Вкруг тельца...
Клики, хохот, звон тимпана.

Аарон, сам жрец верховный,
Пляской увлечен греховной:
Несмотря на важность сана,
В ризах даже — в пляс пошел,
Как козел...
Клики, хохот, звон тимпана.

ЦАРЬ ДАВИД

Угасает мирно царь,
Ибо знает: впредь, как встарь,
Самовластье на престоле
Будет чернь держать в неволе.

Раб, как лошадь или бык,
К вечной упряжи привык,
И сломает шею мигом
Не смирившийся под игом.

Соломону царь Давид,
Умирая, говорит:
«Кстати, вспомни, для начала,
Иоава, генерала.

Этот храбрый генерал
Много лет мне докучал,
Но ни разу злого гада
Не пощупал я, как надо.

Ты, мой милый сын, умен,
Веришь в бога и силен,
И твое святое право
Уничтожить Иоава».

КОРОЛЬ РИЧАРД

Сквозь глушь лесную во весь опор
Неистовый всадник несется.
Он трубит в рог, сверкает взор,
Поет он и смеется.

Он в медную броню одет,
Но дух его крепче меди.
То Ричард Львиное Сердце — цвет
Христово рыцарства, едет!

Зелеными языками ему
Деревья кричат: «Поздравляем!

В австрийскую ты заточен был тюрьму,
Но вырвался. Счастья желаем!»

Король свежим воздухом упоен,
Несется сквозь доли и горы,
Но вспомнит австрийскую крепость он, —
И в лошадь вонзает шпоры.

АЗР

Каждый день в саду гуляла
Дочь прекрасная султана,
В час вечерний, в той аллее,
Где фонтан, белея, плещет.

Каждый день невольник юный
Ждал принцессу в той аллее,
Где фонтан, белея, плещет, —
Ждал и с каждым днем бледнел он.

Подойдя к нему однажды,
Госпожа спросила быстро:
«Отвечай мне, как зовешься,
Кто ты и откуда родом?»

И ответил раб: «Зовусь я
Мохаммед. Моя отчизна —
Йемен. Я из рода Азров —
Тех, кто гибнет, если любит».

ХРИСТОВЫ НЕВЕСТЫ

Монастырских окон ряд —
Что ни полночь — освещенье
Заливает: с крестным ходом
Выступают привиденья.

В мрачном шествии бредут
Тени юных урсулинок,

Нахлобучив капюшоны
Иноческих пелеринок.

Свечи в их руках дрожат,
И зловеще их мерцанье.
Эхо жутко повторяет
Всхлипыванья и стенанья.

В церковь крестный ход вошел,
Тени поднялись на хоры,
Со скамей дубовых к небу
Устремили скорбно взоры.

Свят напев литийно-чинный,
Но в словах — безумство блуда:
Души бедные! Стучатся
В двери райские отсюда!

«Все — невесты мы Христовы,
Но к земной прильнув отраве,
Кесарю мы отдавали
То, чем бог владеть был вправе.

Обольстительны усы
Да мундиры на корнетах;
Но соблазна много больше
В кесаревых эполетах!

Мы наставили рога
На чело в венце из терна.
Мы обманывали бога
Так безбожно, так позорно!»

И восплакал Иисус
О греховном человеке,
И сказал он, благ и кроток:
«Будьте прокляты навеки!..»

«Ночь нас гонит из могил,
И, рыдая о потере,
Покаянья мы приносим...
Miserere! Miserere! ¹

¹ Помилуй (лат.).

Хорошо в гробу, но гроб
Не сравним ни в коей мере
С теплым царствием небесным...
Miserere! Miserere!

О добрейший Иисус!
Смилуйся, открой нам двери
В теплое, святое небо!
Miserere! Miserere!»

Так монахини поют,
У органа — мертвый кистер;
Как помешанный, штурмует
За регистром он регистр.

ПФАЛЬЦГРАФИНЯ ЮТТА

Графиня Ютта на легком челне
Ночью по Рейну плывет при луне.
Служанка гребет, госпожа говорит:
«Ты видишь семь трупов? Страшен их вид!
Семь трупов за нами
Плывут над волнами...
Плывут мертвецы так печально!

То рыцари были в расцвете лет,
И каждый принес любовный обет,
Склонясь мне на грудь. А чтоб клятву
скрепить,
Велела я всех семерых утопить,
И в Рейне суровом
Под ночи покровом
Плывут мертвецы так печально!»

Графиня смеется, служанка гребет.
Злой хохот несется над лоном вод.
По пояс все трупы встают над водой,
Как будто клянутся ей клятвой святой

И смотрят с укором
Стеклянным взором...
Плывут мертвецы так печально!

МАВРИТАНСКИЙ КНЯЗЬ

От испанцев в Альпухару
Мавританский князь уходит.
Юный вождь, он, грустный, бледный,
Возглавляет отступленье.

С ним — на рослых иноходцах,
На носилках золоченых
Весь гарем его. На мулах —
Чернокожие рабыни.

В свите — сотня слуг надежных
На конях арабской крови.
Статны кони, но от горя
Хмуро всадники поникли.

Ни цимбал, ни барабанов,
Ни хвалебных песнопений,
Лишь бубенчики на мулах
В тишине надрывно плачут.

С вышины, откуда видно
Всю равнину вокруг Дуэро,
Где в последний раз мелькают
За горой зубцы Гранады,

Там, с коня на землю спрыгнув,
Князь глядит на дальний город,
Что в лучах зари вечерней
Блещет золотом багряным.

Но, аллах — о стыд великий! —
Где священный полумесяц?
Над Альхамброй оскверненной
Реют крест и флаг испанский.

Видит князь позор ислама
И вздыхает сокрушенно,
И потоком бурным слезы
По его щекам струятся.

Но княгиня-мать на сына
Мрачно смотрит с иноходца
И бранит его и в сердце
Больно жалит горьким словом.

«Полно, Боабдил эль Чико,
Словно женщина ты плачешь
Оттого, что в бранном деле
Вел себя не как мужчина».

Был тот злой укор услышан
Первой из наложниц князя,
И она, с носилок прыгнув,
Кинулась ему на шею.

«Полно, Боабдил эль Чико,
Мой любимый повелитель!
Верь, юдоль твоих страданий
Расцветет зеленым лавром.

О, не только триумфатор,
Вождь, увенчанный победой,
Баловень слепой богини,
Но и кровный сын злосчастья,

Смелый воин, побежденный
Лишь судьбой несправедливой,
Будет в памяти потомков
Как герой вовеки славен».

И «Последним вздохом мавра»
Называется донныне
Та гора, с которой видел
Он в последний раз Гранаду.

А слова его подруги
Время вскоре подтвердило:
Юный князь прославлен в песне,
И не смолкнет песня славы

До тех пор, покуда струны
Не порвутся до последней
На последней из гитар,
Что звенят в Андалусии.

ЖОФФРУА РЮДЕЛЬ
И МЕЛИСАНДА ТРИПОЛИ

В замке Блэ ковер настенный
Вышит пестрыми шелками.
Так графиня Триполи
Шила умными руками.

И в питье вложила душу
И слезой любви и горя
Орошала ту картину,
Где представлено и море,

И корабль, и как Рюделя
Мелисанда увидала,
Как любви своей прообраз
В умиравшем угадала.

Ах, Рюдель и сам впервые
В те последние мгновенья
Увидал ее, чью прелесть
Пел, исполнен вдохновенья.

Наклонясь к нему, графиня
И зовет и ждет ответа,
Обняла его, целует
Губы бледные поэта.

Тщетно! Поцелуй свиданья
Поцелуем был разлуки.
Чаша радости великой
Стала чашей смертной муки.

В замке Блэ ночами слышен
Шорох, шелест, шепот странный.

Оживают две фигуры
На картине шелкотканной.

И, стряхнув оцепененье,
Дама сходит с трубадуром,
И до света обе тени
Бродят вновь по залам хмурым.

Смех, объятья, нежный лепет,
Горечь сладостных обетов,
Замогильная галантность
Века рыцарей-поэтов.

«Жоффра! Погасший уголь
Загорелся жаром новым.
Сердце мертвое подруги
Ты согрел волшебным словом».

«Мелисанда! Роза счастья!
Всю земную боль и горе
Я забыл — и жизни радость
Пью в твоём глубоком взоре».

«Жоффра! Для нас любовь
Сном была в преддверье гроба.
Но Амур свершает чудо, —
Мы верны и в смерти оба».

«Мелисанда! Сон обманчив,
Смерть — ты видишь — также мнима.
Жизнь и правда — лишь в любви,
Ты ж навеки мной любима!»

«Жоффра! В старинном замке
Любо грезить под луною.
Нет, меня не тянет больше
К свету, к солнечному зною».

«Мелисанда! Свет и солнце —
Все в тебе, о дорогая!
Там, где ты — любовь и счастье,
Там, где ты — блаженство мая!»

Так болтают, так блуждают
Две влюбленных нежных тени,
И, подслушивая, месяц
Робко светит на ступени.

Но, видениям враждебный,
День восходит над вселенной —
И, страшась, они бегут
В темный зал, в ковер настенный.

ПОЭТ ФИРДУСИ

I

К одному приходит золото,
Серебро идет к другому, —
Для простого человека
Все томаты — серебро.

Но в устах державных шаха
Все томаты — золотые,
Шах дарит и принимает
Только золотые деньги.

Так считают все на свете,
Так считал и сам великий
Фирдуси, творец бессмертной,
Многославной Шах-наме.

Эту песню о героях
Начал он по воле шаха.
Шах сулил певцу награду:
Каждый стих — один томан.

Расцвело семнадцать весен,
Отцвело семнадцать весен,
Соловей прославил розу
И умолк семнадцать раз, —

А поэт сидел прилежно
У станка крылатой мысли,

День и ночь трудясь прилежно,
Ткал ковер узорной песни.

Ткал поэт ковер узорный
И вплетал в него искусно
Все легенды Фарсистана,
Славу древних властелинов,

Своего народа славу,
Храбрых витязей деянья,
Волшебство и злые чары
В раме сказочных цветов.

Все цвело, дышало, пело,
Пламенело, трепетало, —
Там сиял, как свет небес,
Первозданный свет Ирана,

Яркий, вечный свет, не меркший
Вопреки корану, муфти
В храме огненного духа,
В сердце пламенном поэта.

Завершив свое творенье,
Переслал поэт владыке
Рукопись великой песни:
Двести тысяч строк стихов.

Это было в банях Гасны, —
В старых банях знойной Гасны
Шаха черные посланцы
Разыскали Фирдуси.

Каждый нес мешок с деньгами
И слагал к ногам поэта,
На колени став, высокий,
Щедрый дар за долгий труд.

И поэт нетерпеливо
Вскрыл мешки, чтоб насладиться
Видом золота желанным —
И отпрянул, потрясенный.

Перед ним бесцветной грудой
Серебро в мешках лежало —
Двести тысяч, и поэт
Засмеялся горьким смехом.

С горьким смехом разделил он
Деньги на три равных части.
Две из них посланцам черным
Он, в награду за усердые,

Роздал — поровну обом,
Третью банщику он бросил
За его услуги в бане:
Всех по-царски наградил.

Взял он страннический посох
И, столичный град покинув,
За воротами, с презреньем,
Отряхнул с сандалий прах.

II

«Если б только лгал он мне,
Обещав — нарушил слово,
Что же, людям лгать не ново,
Я простить бы мог вполне.

Но ведь он играл со мной,
Обнадежил обещаьем,
Ложь усугубил молчаньем, —
Он свершил обман двойной.

Был он статен и высок,
Горд и благороден ликом, —
Не в пример другим владыкам —
Царь от головы до ног.

Он, великий муж Ирана,
Солнцем глядя мне в глаза,
Светоч правды, лжи гроза —
Пал до низкого обмана!»

III

Шах Магомет окончил пир.
В его душе любовь и мир.

В саду у фонтана, под сенью маслин,
На красных подушках сидит властелин.

В толпе прислужников смиренной —
Анзари, любимец его неизменный.

В мраморных вазах, струя аромат,
Буйно цветущие розы горят,

Пальмы, подобны гуриям рая,
Стоят, опахала свои колыхая.

Спят кипарисы полуденным сном,
Грезя о небе, забыв о земном.

И вдруг, таинственной вторя струне,
Волшебная песнь полилась в тишине.

И шах ей внемлет с огнем в очах.
«Чья это песня?» — молвит шах.

Анзари в ответ: «О владыка вселенной,
Той песни творец — Фирдуси несравненный».

«Как? Фирдуси? — изумился шах, —
Но где же он, великий, в каких он краях?»

И молвил Анзари: «Уж много лет
Безмерно бедствует поэт.

Он в Тус воротился, к могилам родным,
И кормится маленьким садом своим».

Шах Магомет помолчал в размышленье
И молвил: «Анзари, тебе повеленье!

Ступай-ка на скотный мой двор с людьми,
Сто мулов, полсотни верблюдов возьми.

На них нагрузи драгоценностей гору,
Усладу сердцу, отраду — взору.

Заморских диковин, лазурь, изумруды,
Резные эбеновые сосуды,

Фаянс, оправленный кругом
Тяжелым золотом и серебром,

Слоновую кость, кувшины и кубки,
Тигровы шкуры, трости, трубки.

Ковры и шали, парчовые ткани,
Изготавливаемые в Иране.

Не позабудь вложить в тюки
Оружье брони и чепраки,

Да самой лучшей снеди в избытке,
Всех видов яства и напитки,

Конфеты, миндальные торты, варенья,
Разные пироги, соленья.

Прибавь двенадцать арабских коней,
Что стрел оперенных и ветра быстрой,

Двенадцать невольников чернотелых,
Крепких, как бронза, в работе умелых.

Анзари, сей драгоценный груз
Тобой доставлен будет в Тус

И весь, включая мой поклон,
Великому Фирдуси вручен».

Анзари исполнил повеленья,
Навьючил верблюдов без промедленья, —

Была несметных подарков цена
Доходу с провинции крупной равна.

И вот Анзари в назначенный срок
Собственноручно поднял флажок

И знойною степью в глубь Ирана
Двинулся во главе каравана.

Шли восемь дней и с девятой зарей
Тус увидали вдали под горой.

Шумно и весело, под барабан,
С запада в город вошел караван.

Грянули враз: «Ля-иль-ля иль алла!»
Это ль не песня триумфа была!

Трубы ревели, рога завывали,
Верблюды, погонщики — все ликовали.

А в тот же час из восточных ворот
Шел с погребальным плачем народ.

К тихим могилам, белевшим вдали,
Прах Фирдуси по дороге несли.

НОЧНАЯ ПОЕЗДКА

Вздымалась волна. Полумесяц из туч
Мерцал так робко нам.
Когда садились мы в челнок,
Нас трое было там.

Докучливо весла плескались в воде,
Скрипели по бортам,
И с шумом волна белопенная нас
Троих заливала там.

Она, бледна, стройна, в челно
Стояла, предавшись мечтам.

Дианою мраморною тогда
Она казалась нам.

А месяц и вовсе исчез. Свистел
Ветер, хлеща по глазам.
Над нами раздался пронзительный крик
И взмыл высоко к небесам.

То призрачно-белая чайка была;
Тот вопль ужасный нам
Сулил беду. И всем троим
Так жутко стало там.

Быть может, я болен, и это — бред?
Понять не могу я сам.
Быть может, я сплю? Но где же конец
Чудовищным этим снам?

Чудовищный бред! Пригрезилось мне,
Что я — Спаситель сам,
Что я безропотно крест влачу
По каменистым стезям.

Ты, бедная, угнетена, Красота,
Тебе я спасение дам —
От боли, позора, пороков, нужды,
Всесветных зловонных ям.

Ты, бедная Красота, крепись:
Лекарство я горькое дам,
Я сам поднесу тебе смерть, и пусть
Сердце мое — пополам!

Безумный бред! Кошмарный сон!
Проклятье этим мечтам!
Зияет ночь, ревет волна...
Укрепи, дай твердость рукам,

Укрепи меня, боже милосердный мой!
Шаддай милосердный сам!
Что в море упало? Шаддай! Адонай!
Вели смириться волнам!..

И солнце взшло... Земля! Весна!
И края не видно цветам!..
Когда на берег мы сошли,
Нас было лишь двое там.

ВИЦЛИПУЦЛИ

(Прелюдия)

Вот она, Америка!
Пресловутый Новый Свет!
Не такой, как ныне, — хилый
И усталый от Европы.

Это прежний Новый Свет!
Тот, что Крестоваль Колумбус
Обнаружил в океане,
Полный бодрости и силы,

Звона, щебета, журчанья, —
Напоенный свежей влагой,
Потонувший в блеске солнца,
Полнокровный, мощный мир!

Не кладбище романтизма
С грудой рухляди старинной,
Париков полуистлевших,
Символического хлама!

На здоровой щедрой почве
И растения здоровы, —
Ни водянки, ни проклятой
Спинального сухотки!

На ветвях сидят, качаясь,
Важные большие птицы,
Перья блещут сотней красок,
Клювы длинны и солидны,

А глаза — в оправе черной,
Как пенсне. Сидят и смотрят,

И молчат. Но вдруг заспорят —
И давай галдеть, как сводни.

Ах, предмет их разногласий
Мне неведом, хоть постиг я
Птичью молвь, как Соломон:
Он ведь знал семь тысяч женщин

И наречья всех пернатых,
Знал не только все живые,
Но и мертвые наречья,
Диалекты старых чучел.

Мир иной — цветы иные!
Новый цвет — и новый запах!
Небывалый, дикий запах
Бьет мне в нос, щекочет, дразнит

И волнует сладострастно...
И в мучительном раздумье
Нос мой силится припомнить:
Где я слышал этот запах?

Может быть, на Риджент-стрит,
В знойных солнечных объятьях
Стройной бронзовой яванки,
Что всегда жевала розы?

Иль, быть может, в Роттердаме
Подле статуи Эразма,
В белой вафельной палатке,
За таинственной гардиной?

Так на Новый Свет я долго,
Обалдев, глаза тарашил
И внушил ему, как видно,
Самому немалый страх.

Осе냐сь крестом, мартышка
В чащу кинулась в испуге
И вскричала: «Старый Свет!
Наважденье! Наважденье!»

Ах, не бойся, обезьянка, —
Я не пугало, не призрак;
Кровь моя клокочет жизнью, —
Верь, я жизни верный сын!

Но средь мертвых долго жил я,
Многолетнее общенье
Придало мне странный облик
И манеры мертвецов.

Золотые годы жизни
Я провел в горе Венеры
Да в Кифгайзере и в прочих
Катакомбах романтизма.

Ты мила мне, обезьянка,
Не беги! Твой безволосый
Голый вздутый зад окрашен
В дорогие сердцу краски —

Черный, красный, золотистый, —
Колер задниц обезьяньих.
Горько узнавать в нем краски
Древних стягов Барбароссы!

I

Хоть носил он гордо лавры
И хоть золотом блистали
На его ботфортах шпоры,
Не герой он был, не рыцарь.

Был он атаманом банды,
Наглым кулаком своим
Сам вписал в анналы славы
Имя мерзостное: «Кортесс».

Нагло вставил это имя
Вслед за именем Колумба,
И на школьной парте, школьник
Зазубрил обоих вместе.

Так пролез в родню к Колумбу
Негодяй Фернандо Кортес.
Стал вторым он в пантеоне,
Коим славен Новый Свет.

Такова судьба героев:
Человеческая память
Сочетает наше имя
С именами подлецов.

Ах, не лучше ль затеряться
В неизвестности, чем вечно
На себе тащить за гробом
Имя подлого соседа?

Мессер Кристоваль Колумбус
Был герой, и дух героя
Был, как солнце, лучезарен,
Рассыпал дары, как солнце.

И другие были щедры,
Но Колумб земному миру
Целый мир сумел открыть:
Этот мир — Америка.

Он не мог освободить нас
Из тюрьмы земной юдоли,
Но темницу он расширил,
Наши цепи удлинил.

И за то его мы славим:
Ведь от Азии мы, люди,
И от Африки устали
Так же, как и от Европы.

Лишь один герой на свете
Дал нам больший дар и лучший,
Дар щедрей, чем дар Колумба, —
Тот герой открыл нам бога.

Амрам был его родитель,
Мать его звалась Йохебет,

Сам он звался Моисей, —
Вот кто мой герой любимый.

Но, Пегас мой, слишком долго
Мы гостили у Колумба,
А предлог поездки нашей
Муж поменьше весом — Кортес.

Так расправь, мой конь волшебный,
Крылья пестрые! Летим
В Новый Свет, к чудесным землям,
Чье название — Мексика!

Отнеси меня в тот замок,
Что державным Монтесумой
Для жилья гостям испанским
Отведен гостеприимно.

Царь бродягам чужеземным
Дал не только кров и пищу,
Всякой снеди в изобилье —
Он послал им и дары:

Груды яхонтов и перлов,
Горы золота и бронзы, —
Ничего не пожалела
Щедрость пышного монарха.

Сей дикарь непросвещенный,
Суевер, слепой язычник,
Слепо верил в честь и верность
И в святое право гостя.

Благосклонно внял он просьбе
Посетить роскошный праздник,
Пир, который чужеземцы
В честь его давали в замке.

И со всей придворной свитой,
Добр и милостив, явился
Царь в испанскую квартиру,
Где фанфарами был встречен.

Как торжественный спектакль
Назывался, я не знаю, —
Вероятно, «Честь испанца».
Автор был Фернандо Кортес.

И по знаку дон Фернандо
Царь был схвачен лютой сворой,
Крепко связан был и брошен,
Как заложник, в башню замка.

Но от раны царь погиб, —
И тогда снесло плотину,
Что от ярости народной
Защищала негодяев.

Буйно ринулся прибой!
Словно море в непогоду,
Бушевали, бесновались
Человеческие волпы.

Правда, храбро отражали
Натиск бешеный испанцы,
Но и штурм возобновлялся,
Истощая ратоборцев.

Им со смертью Монтесумы
Прекратили ввоз припасов,
Сократились раццоны,
Сильно вытянулись лица.

И шушукались украдкой
Отощавшие испанцы
И вздыхали, вспоминая
Христианскую отчизну, —

Драгоценную отчизну,
Звон церковей, очаг уютный
С мирно булькающей миской,
Полной *olla potrida*,¹

¹ Кушанье из мяса и разных овощей (*исп.*).

Черной от гарбанцос кашей,
Где чесночные головки,
Притаясь, благоухают
И хихикают лукаво.

Вождь созвал совет военный,
И решили отступить:
Завтра утром до восхода
Рать должна покинуть город.

Раньше Кортес хитроумный
В замок с легкостью пробрался,
Но возврат — увы! — представил
Роковые затрудненья.

Город-остров Мексико
Расположен средь залива.
На скале темнеет крепость,
Окруженная пучиной.

Средством сообщенья служат
Корабли, паромы, барки
И мосты на крепких сваях;
Мели образуют брод.

В предрассветном полумраке
Поднялись в поход испанцы;
Не гремели барабаны,
Не играли трубы зорю:

Не хотели, видно, гости
Пробудить от сна хозяев
(Двести тысяч краснокожих
Населяли Мексико).

Но испанец просчитался,
Без хозяина считал он:
В эту ночь намного раньше
Пробудились мексиканцы,

На мостах они, на бродах,
На паромах поджидали, —

Дорогим гостям хотели
Поднести прощальный кубок.

По мостам, паромам, бродам —
Гайда! Пир пошел великий!
Кровь лилась рекой багряной,
Буйно спор вели кутилы, —

Спор вели, сплетясь телами;
И нагая грудь индейца
Сохраняла отпечаток
Медных панцирей испанских.

Кто удушен, кто зарезан,
Бойня шла тяжелым шагом,
Грузно, медленно и страшно,
По мостам, паромам, бродам.

Мексиканцы пели, выли,
Но испанцы бились молча,
Шаг за шагом пролагая
Путь к отчаянному бегству.

В тесноте был непригоден
Ратный строй Европы старой,
Боевое снаряженье,
Кони, панцири и ружья.

Да притом испанец каждый
Был награбленной добычей —
Грудой золота навьючен.
Ах, проклятый желтый грех

Их давил, стеснял их в битве, —
Этот дьявольский металл,
Столь же, сколь душе несчастной,
Был губителен и телу.

Той порой залив покрыли
Челноки, плоты и барки,
А из них стрелки стреляли
По мостам, паромам, бродам.

И хоть часто били в свалке
По своим друзьям и братьям,
Но нередко доставалось
И сиятельным гидальго.

Так сражен был на мосту
Молодой Гастон, державший
Знамя, на котором вышит
Светлый лик пречистой девы.

Даже в этот лик попали
Стрелы метких мексиканцев,
Даже в сердце ей вонзились
Шесть пернатых стрел, подобных

Золотым мечам, разящим
Сердце *Mater dolorosa*¹
В дни процессии священной,
В пятницу страстной недели.

Умирая, дон Гастон
Знамя передал Гонсальве,
Но и тот, сраженный насмерть,
Пал с коня. Тогда сам Кортес

Подхватил священный стяг
И держал его надменно,
Не сходя с коня до ночи,
До конца кровавой битвы.

Двести шестьдесят испанцев
Смерть нашли в тот день кровавый,
Больше ста живьем достались
Разъяренным мексиканцам.

Многие погибли позже,
Умерли от ран тяжелых;
Кони были перебиты
Иль захвачены врагом.

¹ Скорбящая мать (*лат.*).

Только к вечеру достигли
Кортес и его дружина
Берегов надежной бухты,
Скрытой зарослями ветел.

II

После дня кровавой битвы —
Ночь бесовского триумфа:
Двести тысяч рук поднимают
Пламень факелов веселья.

Пламень факелов веселья,
Просмоленных вервий, кольев
Полыхает ярче полдня,
Озаряя буйный город,

Замки, торжища, кумирни,
Храм огромный Вицлицуцли,
Красный, весь из кирпича,
Сродный монстрам безобразным

Вавилона иль Египта —
Тем громадам первозданным,
Тем чудовищам, какие
Пишет бритт наш Генри Мартин.

Здесь такие ж анфилады
Мощных лестниц, по которым
Вьются тысячные толпы
Возмущенных мексиканцев.

И, разлегшись на ступенях,
Шайки воинов свирепых
Пьют настойку и горланят,
Пиром празднуют победу.

Эти лестницы спиралью
Поднимаются к платформе,
К обнесенной балюстрадой
Исполинской кровле храма.

Там на троне-алтаре
Восседает Вицлипуцли —
Злобный дьявол мексиканцев,
Кровожадный бог войны.

Но таким глядит он франтом,
Так наряжен, так ребячлив,
Что, внушая тайный ужас,
Он притом весьма забавен.

Оттого при виде бога
Вспоминается нам тотчас
Вместе с базельскою смертью
И брюссельский Мэннкен-Писс.

Перед богом — духовенство,
По бокам его — миряне;
Нынче в мантиях из перьев
Щеголяют все попы.

А на мраморных ступенях
Алтара стоит, нагнувшись,
Безбородый и плешивый
Старикашка в красной куртке.

Это сам верховный жрец,
Точит он свою секиру, —
Смехом давится и точит,
И косится он на бога.

И, как видно, Вицлипуцли
Понимает старикашку:
То лукаво подмигнет он,
То скривит улыбкой губы.

Тут же рядом, на ступенях,
Восседают музыканты,
Бьют в литавры, дуют в рог —
Стукотня и завыванье,

Завыванье, треск и грохот,
Хор кругом вопит и воет

Мексиканское «Te deum»,¹
Задаёт концерт кошачий.

К сожаленью, концертанты
Из породы кошек-тигров, —
Эта лютая порода
Жрет людей, а не мышей.

И скребут на сердце кошки
У сиятельных гидальго,
Лишь домчит полночный ветер
К ним на берег эти звуки.

И стоят они печально
Там, вблизи печальных ветел,
Смотрят, глаз не отрывая,
Вдаль на город, отраженный

В темных водах, что смеются,
Над веселыми огнями, —
Смотрят стоя, как в партере
Грандиозного театра,

Где сияющая сцена —
Кровля храма Вицлипуцли:
Там мистерией кровавой
Нынче празднуют победу.

«Человеческая жертва» —
Так зовется представленье;
Очень стар его сюжет.
В христианской обработке

Зрелище не столь ужасно,
Ибо кровь там претворилась
В красное вино, а плоть —
В безобидную лепешку, —

Но у диких эта шутка
Вышла дикой, безобразной:

¹ Католический гимн («Тебя, бога, хвалим»).

Жрали мясо, проливали
Человеческую кровь.

Эта кровь была, конечно,
Чистокровно христианской, —
Никогда не замутилась
Кровью мавров иль евреев.

Возликуй же, Вицлипуцли!
Нынче день испанской крови,
Нынче теплым благовоньем
Нюх твой жадный усладится!

Из зажаренных испанцев
Выйдет чудное жаркое, —
А твои жрецы, как ты,
Любят лакомиться мясом.

Люди — жалкие обжоры,
А жрецы ведь тоже люди —
И не могут жить, как боги,
Лишь бесплотным благовоньем.

Чу! Гремят литавры смерти,
Злобно воеет рог воловий:
Отправляют на закланье
Сто приговоренных к смерти —

Сто испанцев, голых, жалких!
За спиной связав им руки,
Их волочат, гонят, тащат
Высоко на кровлю храма,

Там их ставят на колени
Пред кумиром Вицлипуцли,
А потом жестокой пыткой
Гонят в пляску шутовскую, —

И терзают так жестоко,
Что мучительные вопли
Обреченных заглушают
Беснованье каннибалов.

Горе зрителям бессильным!
Кортес и его дружина
Различали, узнавали
Голоса друзей, их крики.

Там, на ярко освещенной
Сцене, ясно выделялись
Их фигуры, даже лица,
Нож мучителя и кровь.

И испанцы сняли шлемы
И склонились на колени,
Затянув псалом погибшим,
Скорбно пели «De profundis!».¹

Там, средь обреченных смерти,
Был Раймондо де Мендоса,
Сын прекрасной аббатисы —
Первой страсти дон Фернандо.

Юноша хранил на сердце
Медальон с ее портретом;
И, узнав тот медальон,
Залился слезами Кортес.

Но тотчас отер он слезы
Грубой кожаной перчаткой,
И вздохнул, и вместе с хором
Затянул он: «De profundis!»

III

Побледнели в небе звезды,
Над водой туманы встали,
Поднялись, как привиденья
В длинных белых покрывалах.

На просторной кровле храма
Пир и факелы угасли.
Захрапели в лужах крови
И миряне и жрецы.

¹ «Из глубины» (лат.) — католическая зауспокойная молитва.

Только старец в красной куртке
Не уснул; при свете лампы
Сладко скалясь, томно жмурясь,
Говорит священник богу:

«Вицлипуцли, Пуцливицли,
О божок мой Вицлипуцли!
Ты сегодня забавлялся,
Наслаждался благовоньем;

Нынче было вдоволь крови,
Пахло очень аппетитно,
И, вспотев от сладострастья,
Нюхал лакомства твой носик.

Завтра мы коней зарежем,
Чудищ, так забавно ржущих,
Порожденных духом ветра,
Что блудил с морской коровой.

Будешь паинькой — зарежу
Для тебя моих двух внучков,
Пухлых, с кровью сладкой-сладкой,
Дряхлых лет моих отраду!

Только будь всегда послушен,
И даруй ты нам победу,
Дай победу нам, божок мой
Пуцливицли, Вицлипуцли!

О, срази врагов проклятых,
Чужеземцев, что приплыли
К нам из неоткрытых стран
По большому океану!

Что их гнало из отчины?
Родовая месть иль голод?
Уж сидели б лучше дома
И трудом кормились честным.

Что им нужно? Напихали
Наше золото в карманы

И сулят, что кто-то, где-то
Осчастливит нас на небе.

Мы поверили, что белый —
Существо породы высшей,
Сын бессмертный бога солнца,
Властелин громов и молний.

Но они такие ж люди,
Как мы все, и так же смертны, —
Нож мой нынче испытал их
Человеческую смертность.

Да, они такие ж люди,
И нисколько не красивой,
А иные гаже всякой
Обезьяны; волосаты

Лица их, как обезьяньи;
Говорят, у них в штанах
Спрятан обезьяний хвостик, —
Да ведь кто не обезьяна,

Тот штанов носить не станет.
И они морально гнусны —
Пиетет у них не в моде,
Сами жрут своих богов.

О, сотри с земли отродье
Нечестивых богоедов!
Вицлипуцли, Пуцливицли,
Дай победу, Вицлипуцли!»

Так молил священник бога.
И раздался божий голос,
Застонал, завыл, как ветер
В камыше болотном в полночь:

«Живодер в кровавой куртке,
Ты зарезал много тысяч,
Нынче нож вонзи в свое
Старое, сухое тело.

Из проколотого тела
Улизнет твоя душошка,
По корням, по мхам, по кочкам
Побежит в болото жабье,

Где мою увидит тетку,
Королеву крыс, — та пискнет:
«Добрый день, душа нагая,
Как живет племянник милый?»

Вицлипуцствует ли сладко
В блеске золота медовом?
Счастье гонит мух докучных
И тоску с его лица?

Иль беднягу Кацлагара —
Хвори мерзкая богиня —
Поскребла железным когтем,
Напоенным ядом змей?»

Молви так, душа нагая:
«Вицлипуцли шлет привет свой
И тебе холеру в брюхо
Пожелать велит, проклятой.

Ты в войну его втянула —
И совет твой был погибель!
В незапамятные годы
Предсказали колдуны,

Будто нас погубят орды
Бородатых, страшных тварей,
Что на птицах деревянных
Прилетят в наш край с востока.

Мудрость праотцев учила:
Воля жен есть воля божья, —
Но вдвойне то воля божья,
Коль жена есть мать бога.

Я разгневан на гордячку,
Я взбешен царицей неба —

Этой девой непорочной,
Многомудрой, чудотворной.

Ведь она хранит испанцев
И несет погибель злую
Мне, несчастнейшему богу,
Бедной Мексике моей».

А когда приказ исполнишь,
Уползай, душа нагая,
Глубже в нору, — там усни,
Чтоб моих не видеть бедствий.

Этот храм священный рухнет,
Я же сам, я расплывусь
Черным паром — дым да щебень, —
И никто меня не узрит.

Но не думай, что умру я:
Боги, словно попугай,
Только старятся, линяют
И меняют оперенье.

В край моих врагов заклятых —
Он Европою зовется —
Я сбегу, чтоб на свободе
Новую избрать карьеру.

Там я обратным стану, —
Бог преобразится в черта;
Злейший враг моих врагов,
Я начну плести интриги.

Всех врагов я буду мучить,
Одурять зловоньем серы:
Пусть им кажется, проклятым,
Что летят они в геенну!

И глупцов и мудрых буду
Завлекать, прельщать соблазном,
Щекотать их добродетель,
Чтоб визжала словно девка.

Да, теперь я стану чертом!
Шлю привет моим коллегам —
Сатане и Белиалу,
Астароту, Вельзевулу!

И тебе привет, Лилита,
Мать греха, змея соблазна!
Научи меня коварству,
Посвяти в искусство лжи.

Если Мексику родную
Я спасти, увы, не в силах,
Буду мстить кровавой мстью
Я за Мексику мою».

КНИГА ВТОРАЯ
ЛАМЕНТАЦИИ

Уходит Счастье без оглядки, —
Не любит ветреница ждать.
Рукой со лба откинет прядки,
Вас поцелует — и бежать!

А тетка Горе из объятий
Вас не отпустит долгий срок.
Присядет ночью у кровати
И вяжет-вяжет свой чулок.

ЛЕСНОЕ УЕДИНЕНИЕ

Бывало, в годы молодые
Венком украшал я кудри густые;
Чудесен каждый был цветок,
И полон чар был мой венок.

Венок был, правда, всем по вкусу!
Не столь — его обладатель безусый.
Бежал от зависти людской,
Бежал я в зеленый приют лесной.

В лесу, в лесу — лишь там свободой
Я мог ушиться вдвоем с природой!
Фей и серны, в ветвистых рогах,
Ко мне подходили, забыв всякий страх.

Ко мне подходили они совсем близко,
Не видя в том ни капельки риска:
Не был охотником я для зверей,
Тварью разумной я не был для фей.

Про ласковость фей лишь глупцы бы трубили;
Но что другие приветливы были
Почетные граждане леса ко мне —
Это признать могу я вполне.

Как мило вокруг меня эльфы порхали!
Воздушный народец! Болтали, визжали!
Чуть-чуть колюч лишь взор их был, —
За миг наслажденья он гибель сулил,

Меня они тешили играми, пляской,
А то забавляли какой-нибудь сказкой
Иль сплетней про свидания
Царицы их Титании.

Сию ль пад ручьем, — погружались, ныряли,
В серебряном длинном своем покрывале,
В порхающем взлете кудрей, из пучин,
Водные духи, толпы ундиин.

Они ударяли по цитрам, по скрипкам,
Кружась в хороводе неистово-зыбком;
Позы, движенья, мелодии звук —
То был звенящий, летящий круг.

Бывали, впрочем, у них минутки,
Когда затихали мои малютки;
Тогда садились они отдохнуть,
Головкой прильнув ко мне на грудь.

Трели мурлыкали, пели романсы.
К примеру, заморский — про три померанца;
Награждали также хвалой
Меня и возвышенный облик мой.

Песни порою они прерывали
Смехом — и сложный вопрос предлагали,
К примеру: «Скажи, на какой предмет
Создал господь человека на свет?»

Бессмертна ль у всех вас душа, или тоже,
Подобно телу, она из кожи

Или из прочного льна? Почему
Так недалек человек по уму?»

Что отвечал я им, конечно,
Я скрою здесь, но душе моей вечной
Обиды вовсе не нанес
Ундины маленький вопрос.

Ундины и эльфы прелестны, лукавы, —
Земные же духи открытого права
И преданы людям всем сердцем. Меж них
Мне нравились гномы больше других.

Одежда их — плащик пурпуровый, длинный;
У них любознательно-робкие миши;
Я не дал понять им, что знал, отчего
Ступни они прячут пуще всего.

О том, что у них утиные ножки,
Никто не знает, думают крошки;
Боль причинял им этот порок,
Я насмеяться над ними не мог.

Подобно карлам этим — ах, боже! —
Все мы скрываем что-нибудь тоже
И мним, что никто никогда не узрит,
Где наша утиная ножка торчит.

Саламандры знакомства со мной не водили,
И очень немного о них сообщили
Мне духи лесные. Ночью глухой,
Как тени, скользнули они предо мной.

Тонки, как спички, тщедушны, юрки,
Узко обтянуты брючки и куртки,
Цвета багрянца, с шитьем золотым,
С видом угрюмым, желчным, больным.

Венчик из золота, в ярких рубинах,
Носят они на головках змеиных, —
И каждая хочет разыгрывать роль,
Как будто она — абсолютный король.

То, что в огне они не сгорают,
Хитрая штука — всякий признает;
Но и при этом они для меня
Не настоящие духи огня!

Меж духов других — обитателей бора —
Смышленной всех — старички-мандрагоры;
Длинные бороды, рост с ноготок, —
Что за народ, никому невдомек!

Когда при луне они кувыркались,
Просто сморчками они мне казались;
Но так как от них лишь добро я видал,
То в их родословную я не вникал.

Учили они меня разным уловкам:
Птиц заколдовывать окриком ловким;
В ночь на Ивана Купалу срывать
Цвет-невидимку; огонь заклинать.

Учили гадать по звездам без осечки,
На ветре скакать без седла и уздечки
И с помощью вещей рунических слов
Выманывать мертвых из их гробов.

Учили проделкам меня и таким:
Как дятла обманывать свистом глухим,
Чтобы добыть разрыв-траву
И клад отыскать, зарытый во рву.

Словам, что бормочут при поисках клада,
И всем наговорам, каким только надо,
Меня обучали, — да только не впрок!
Искусства наживы постичь я не мог.

К тому ж не нуждался я в этом, пожалуй:
Немногим довольствуясь, тратил я мало;
Воздушными замками я обладал
И на доходы от них проживал.

О, чудное время, когда, бывало,
Душа от счастья трепетала!

Кобольдов шутки, танцы наяд
В сердце волшебный вливали мне яд!

О, чудное время! Помню, в те годы
Яркой листвы триумфальные своды
Мне, как герою, лес открывал;
Лавром увенчан, в него я вступал!

То чудное время давно улетело,
И все изменилось с тех пор, потускнело;
Навек похищен был — увы! —
Венок волшебный с моей головы.

Венка чело мое лишилось, —
Не знаю, как это приключилось,
Одно лишь знаю — с этих пор
Душа пуста и пуст мой взор.

Глазеют вокруг какие-то маски
Бессмысленно жутко! Небо без ласки,
Как мрачный погост, без бога, немой;
В лес я вхожу с поникшей главой.

Из лесу эльфы скрылись проворно;
Лай псов там слышен, охотничьи горны;
Прячется серна в чаще лесной,
Раны зализывая с тоской.

А где мандрагоры? Наверно, засели
Они от испуга в горные щели!
Вновь посещаю, друзья мои, вас, —
Но без венка и без счастья в сей раз!

Где светлая фея, чью нежность впервые
Изведал я в те дни золотые?
Дуб, где она обитала в дупле,
Ветром растерзан, склонился к земле.

Мрачно, как Стикс, шумит стремнина;
На берегу пустынном ундина,
Как изваянье, смертельно бледна,
Словно в глубоком горе она.

К ней с состраданием я подхожу, —
В страхе вскочила ундина, гляжу,
И ускользает с таким выраженьем,
Словно столкнулась она с привиденьем.

ИСПАНСКИЕ АТРИДЫ

В лето тысяча и триста
Восемьдесят три, под праздник
Сан Губерто, в Сеговии
Пир давал король испанский.

Все дворцовые обеды
На одно лицо, — все та же
Скука царственно зевает
За столом у всех монархов.

Яства там — откуда хочешь,
Блюда — только золотые,
Но во всем свинцовый привкус,
Будто ешь стряпню Локусты.

Та же бархатная сволочь,
Расфуфырившись, кивает —
Важно, как в саду тюльпаны.
Только в соусах различье.

Словно мак, толпы жужжанье
Усыпляет ум и чувства,
И лишь трубы пробуждают
Одуревшего от жвачки.

К счастью, был моим соседом
Дон Диэго Альбукерке,
Увлекательно и живо
Речь из уст его лилась.

Он рассказывал отлично,
Знал немало тайн дворцовых,
Темных дел времен дон Педро,
Что Жестокий Педро прозван.

Я спросил, за что дон Педро
Обезглавил дон Фредрего,
Своего родного брата.
И вздохнул мой собеседник.

«Ах, синьор, не верьте вракам
Завсегдатаев трактирных,
Бредням праздных гитаристов,
Песням уличных певцов.

И не верьте бабьим сказкам
О любви меж дон Фредрего
И прекрасной королевой
Донной Бланкой де Бурбон.

Только мстительная зависть,
Но не ревность венценосца
Погубила дон Фредрего,
Командора Калатравы.

Не прощал ему дон Педро
Славы, той великой славы,
О которой донна Фама
Так восторженно трубила.

Не простил дон Педро брату
Благородства чувств высоких,
Красоты, что отражала
Красоту его души.

Как живого, я доньше
Вижу юного героя —
Взор мечтательно-глубокий,
Весь его цветущий облик.

Вот таких, как дон Фредрего,
От рожденья любят феи.
Тайной сказочной дышали
Все черты его лица.

Очи, словно самоцветы,
Синим светом ослепляли,

Но и твердость самоцвета
Проступала в зорком взгляде.

Пряди локонов густые
Темным блеском отливали,
Сине-черною волною
Пышно падая на плечи.

Я в последний раз живого
Увидал его в Коимбре,
В старом городе, что отнял
Он у мавров, — бедный принц!

Узкой улицей скакал он,
И следя за ним из окон,
За решетками вздыхали
Молодые мавританки.

На его высоком шлеме
Перья вольно развевались,
Но отпугивал греховность
Крест нагрудный Калатравы.

Рядом с ним летел прыжками,
Весело хвостом виляя,
Пес его любимый, Аллан,
Чье отечество — Сиерра.

Несмотря на рост огромный,
Он, как серна, был проворен.
Голова, при сходстве с лисьей,
Мощной формой поражала.

Шерсть была нежнее шелка,
Белоснежна и курчава.
Золотой его ошейник
Был рубинами украшен.

И, по слухам, талисман
Верности в нем был запрятан.
Ни на миг не покидал он
Господина, верный пес.

О, неслыханная верность!
Не могу без дрожи вспомнить,
Как раскрылась эта верность
Перед нашими глазами.

О проклятый день злодейства!
Это все свершилось здесь же,
Где сидел я, как и ныне,
На пиру у короля.

За столом, на верхнем месте,
Там, где ныне дон Энрико
Осушает кубок дружбы
С цветом рыцарей кастильских,

В этот день сидел дон Педро,
Мрачный, злой, и, как богиня,
Вся сияя, восседала
С ним Мария де Падила.

А вон там, на нижнем месте,
Где, одна, скучает дама,
Утопающая в брыжах
Плоских, белых как тарелка —

Как тарелка, на которой
Личико с улыбкой кислой,
Желтое и все в морщинах,
Выглядит сухим лимоном, —

Там, на самом нижнем месте,
Стул незанятым остался.
Золотой тот стул, казалось,
Поджидал большого гостя.

Да, большому гостю был он,
Золотой тот стул, оставлен,
Но не прибыл дон Фредрего,
Почему — теперь мы знаем.

Ах, в тот самый час свершилось
Небывалое злодейство:

Был обманом юный рыцарь
Схвачен слугами дон Педро,

Связан накрепко и брошен
В башню замка, в подземелье,
Где царили мгла и холод,
И горел один лишь факел.

Там, среди своих подручных,
Опираясь на секиру,
Ждал палач в одежде красной.
Мрачно пленнику сказал он:

«Приготовьтесь к смерти, рыцарь.
Как гроссмейстеру сан Яго,
Вам из милости дается
Четверть часа для молитвы».

Преклонил колени рыцарь
И спокойно помолился,
А потом сказал: «Я кончил»
И удар смертельный принял.

В тот же миг, едва на плиты
Голова его скатилась,
Подбежал к ней верный Аллан,
Незамеченный доселе.

И схватил зубами Аллан
Эту голову за кудри
И с добычей драгоценной
Полетел стрелою наверх.

Вопли ужаса и скорби
Раздавались там, где мчался
Он по лестницам дворцовым,
Галереям и чертогам.

С той поры, как Валтасаров
Пир свершался в Вавилоне,
За столом никто не видел
Столь великого смятенья,

Как меж нас, когда вбежал он
С головою дон Фредрего,
Всю в пыли, в крови, за кудри
Волоча ее зубами.

И на стул пустой, где должен
Был сидеть его хозяин,
Вспрыгнул пес и, точно судьям,
Показал нам всем улику.

Ах, лицо героя было
Так знакомо всем, лишь стало
Чуть бледнее, чуть серьезней,
И вокруг ужасной рамой

Кудри черные змеились,
Вроде страшных змей Медузы,
Как Медуза, превращая
Тех, кто их увидел, в камень.

Да, мы все окаменели,
Молча глядя друг на друга,
Всем язык одновременно
Этикет и страх связали.

Лишь Мария де Падилья
Вдруг нарушила молчанье,
С воплем руки заломила,
Вещим ужасом полна.

«Мир сочтет, что я — убийца,
Что убийство я свершила,
Рок детей моих постигнет,
Сыновей моих безвинных».

Дон Диэго смолк, заметив,
Как и все мы, с опозданием,
Что обед уже окончен
И что двор покинул залу.

По-придворному любезный,
Предложил он показать мне

Старый замок, и вдвоем
Мы пошли смотреть палаты.

Проходя по галерее,
Что ведет к дворцовой псарне,
Возвещавшей о себе
Визгом, лаем и ворчаньем,

Разглядел во тьме я келью,
Замурованную в стену
И похожую на клетку
С крепкой толстою решеткой.

В этой клетке я увидел
На соломе полусгнившей
Две фигурки, — на цепи
Там сидели два ребенка.

Лет двенадцати был младший,
А другой чуть-чуть постарше.
Лица тонки, благородны,
Но болезненно бледны.

Оба были полуголы
И дрожали в лихорадке.
Тельца худенькие были
Полосаты от побоев.

Из глубин безмерной скорби
На меня взглянули оба.
Жутки были их глаза,
Как-то призрачно-пустые.

«Боже, кто страдальцы эти?» —
Вскрикнул я и дон Диего
За руку схватил невольно. .
И его рука дрожала.

Дон Диего, чуть смущенный,
Оглянулся, опасаясь,
Что его услышать могут,
Глубоко вздохнул и молвил

Нарочито светским тоном:
«Это два родные брата,
Дети короля дон Педро
И Марии де Падила.»

В день, когда в бою под Нарвас
Дон Энрико Транстамаре
С брата своего дон Педро
Сразу снял двойное бремя:

Тяжкий гнет мопаршей власти
И еще тягчайший — жизни,
Он тогда, как победитель,
Проявил и к детям брата

Милосердые. Он обоих
Взял, как подобает дяде,
В замок свой и предоставил
Им бесплатно кров и пищу.

Правда, комнатка тесна им,
Но зато прохладна летом,
А зимой хоть не из теплых,
Но не очень холодна.

Кормят здесь их черным хлебом,
Вкусным, будто приготовлен
Он самой Церерой к свадьбе
Прозерпиночки любимой.

Иногда пришлет им дядя
Чашку жареных бобов,
И тогда уж дети знают:
У испанцев воскресенье.

Не всегда, однако, праздник,
Не всегда бобы дают им.
Иногда начальник псарни
Щедро потчует их плетью.

Ибо сей начальник псарни,
Коего надзору дядя

Кроме псарни вверил клетку,
Где племянники живут,

Сам — весьма несчастный в браке
Муж той самой Лимонессы
В брыжах белых, как тарелка,
Что сидела за столом.

А супруга так сварлива,
Что супруг, сбежав от брани,
Часто здесь, на псах и детях
Плетью вымещает злобу.

Но такого обращенья
Наш король не поощряет.
Он велел ввести различье
Между принцами и псами.

От чужой бездушной плети
Он племянников избавил
И воспитывать обоих
Будет сам, собственноручно».

Дон Диэго смолк внезапно,
Ибо сенешаль дворцовый,
Подошел к нам и спросил:
Как изволили откусать?

ЭКС-ЖИВОЙ

«О Брут, где Кассий, где часовой,
Глашатай идеи священной,
Не раз отводивший душу с тобой
В вечерних прогулках над Сеной?

На землю взирали вы свысока,
Паря наравне с облаками.
Была туманней, чем облака,
Идея, владевшая вами.

О Брут, где Кассий, твой друг, твой брат,
О мщенье забывший так рано?
Ведь он на Неккаре стал, говорят,
Чтецом при особе тирана!»

Но Брут отвечает: «Ты круглый дурак!
О, близорукость поэта!
Мой Кассий читает тирану, но так,
Чтоб сжить тирана со света.

Стихи Мадерата выкопал плут,
Страшней кинжала их звуки.
Рано иль поздно тирану капут, —
Бедняга погибнет от скуки».

БЫВШИЙ СТРАЖ НОЧЕЙ

Недовольный переменой, —
Штутгарт с Неккаром, прости! —
Он на Изар, править сценой,
В Мюнхен должен был уйти.

В той земле, где все красиво, —
Ум и сердце веселя,
Бродит мартовское пиво,
И гордится им земля.

Но, попавши в интенданты,
Он, бедняга, говорят,
Ходит сумрачный, как Данте,
И, как Байрон, хмурит взгляд.

Он не весел от комедий,
В бредни виршей не влюблен,
И над страхами трагедий
Не смеется даже он.

Девы рвением объаты —
Сердцу скорбному помочь,
Но отводят, встретив латы,
Взоры ласковые прочь.

Из-под чепчика веселье
В смехе Наннерле звучит —
«Ах, голубка, шла бы в келью!»
Он, как датский принц, ворчит.

Принялись, хоть труд напрасен,
Развлекать его друзья
И поют: «Твой светоч ясен —
Пей улады бытия!»

Как же груз хандры тяжелой
Не спадет с твоей груди
В этой местности веселой,
Где шутами пруд пруди?

Но теперь там смеха мало,
Смех там несколько заглох:
Стали реже запевалы,
А без них ведь город плох.

Будь тебе хоть Массман дан там,
Этот бравый господин
Цирковым своим талантом
Разогнал бы весь твой сплин.

Шеллинг, кто его заменит?
Без него не мил и свет!
Мудрецов смешней нигде нет
И шутов почтенней нет.

Что ушел творец Валгаллы,
Что — как плод его труда —
Им завещан том немалый,
Это разве не беда?

За Корнелиусом спикли
Свиты всей его чины,
Ибо волосы остригли,
А без оных не сильны.

Шеф был опытнее вдвое:
В гривах сеял колдовство,

Что-то двигалось живое
В них нередко оттого.

Геррес пал. Гиена сохла.
Краха клириков не снес
Инквизитор, чье не сохло
Веко, красное от слез.

Этим хищником лишь кролик
Нам в наследье был прижит:
Жрет он снадобья от колик,
Сам же — тоже ядовит.

Кстати, папский Доллингерь —
Так ведь, бишь, мерзавца звать? —
Продолжает в прежней мере
Он на Изаре дышать?

В самый светлый день я даже
Вспоминаю эту тварь!
И ни мерзостней, ни гаже
Не видал еще я харь.

Говорят болтуньи наши,
Что на свет он вышел вдруг
Между ягодиц мамаша,
Чей понятен перепуг.

Перед пасхой в крестном ходе
Как-то мне попался он —
Был он в темном этом сброде
Самой темной из персон.

Да, Monacho Monachorum ¹
Есть монашья цитадель,
Град Vigorum obscurorum,²
Шуток Гуттеновых цель.

¹ Monacho — латинское название Мюнхена.

² Темные люди (лат.) — от Epistolae vigorum obscurorum — сатиры Гуттена на монахов-обскурантов.

Словом «Гуттен» потрясенный,
Встань же, бывший страж почей,
И поповский хлам зловонный
Бей, как прежде, не жалей!

Как когда-то рыцарь Ульрих,
В кровь лупи их по крестцам!
Не страшась их воплей, дурь их
Выбивал он смело сам.

В корчах смеха у Эразма —
Столь он рад был той игре —
Лопнул чирей из-за спазмы
И полегчало в нутре.

Зикинген от воплей своры,
Как безумный, хохотал,
И любой немецкий город
Эбернбургу подражал.

Дружный хохот брал измором
Даже тех, кто вечно хмур.
В Виттенберге пели хором
«Gaudeamus igitur!»¹

Выбирая рясы, Гуттен
С омерзеньем морщил лоб;
Тучей блох он был окутан
И частенько кожу скреб.

Кличем «Alea est jacta»²
Им суля переполох,
Рыцарь этак бил и так-то
И священников и блох.

Что ж ты, бывший страж полночный,
Не встряхнешься, часовой,

¹ Будем веселиться (*лат.*) — первые слова старинной студенческой песни.

² Жребий брошен (*лат.*) — слова Юлия Цезаря, сказанные при переходе через Рубикон. Эти слова были также девизом Гуттена.

Благой Изара проточной
Сплин не вылечится твой?

В путь, к победам! Ноги длинные, —
Рви сутану, все равно,
Шелк на ней ли благочинный
Или грубое рядно.

Хрустнув кистью, с кислой миной,
Он, вздыхая, говорит:
«Что с того, что ноги длинные?
Я Европой слишком сыт.

Я натер себе мозоли —
Узок родины штиблет,
Где ступню он жмет до боли,
Знаю сам — охоты нет!»

ПЛАТЕНИДЫ

«Илиаду», «Одиссею»
Ты изволишь возвещать,
И немецким корифеем
Мы должны тебя признать.

Подвиг совершить словесный
Вздумал, музам вопреки,
О! Мне издавна известны
Выспренности должники.

Здесь Родос, яви нам чудо
Мастерства, — здесь в моде пляс!
Иль проваливай отсюда,
Жоль не пляшется сейчас.

Принц из гениев плеяды
За свои же деньги сыт.
Гете с Шиллером награды
Не желали брать в кредит.

Славы громкие литавры
Не звенели им взаем,
И авансовые лавры
Не взвивались над челом.

Старый юнкер спит в гробнице,
Но растет сего зерно.
О! Я слышал небылицы
О бессмертии давно.

Зреет платенское семя —
Галлермюнде славный род.
Платениды! Ваше племя
Знаю я наперечет.

МИФОЛОГИЯ

Да! Европа покорилась —
Бык унес ее, играя...
И не странно, что Даная
Золотым дождем прельстилась.

И Семела — жертва страсти,
Не подумала, что туча,
Идеальнейшая туча,
В небесах таит напасти.

Только Леде не простится
За оплошность даже ныне, —
Надо ж быть такой гусыней,
Чтобы лебедем плениться.

МАТИЛЬДЕ В АЛЬБОМ

На стертых лоскутах тетради
Тебе обязан я, как муж,
Пером гусиным, шутки ради,
Строчить рифмованную чушь, —

Хоть изъясняюсь я недурно
На розах губ твоих в тиши,
Когда лобзанья рвутся бурно,
Как пламя, из глубин души!

О моды роковая сила!
Бесись, но если ты поэт,
Как все поэзии светила
Строчи в альбом жене куплет.

ЮНЫМ

Пусть не смущают, пусть не прельщают
Плоды гесперидских садов в пути,
Пусть стрелы летают, мечи сверкают, —
Герой бесстрашно должен идти.

Кто выступил смело, тот сделал полдела;
Весь мир, Александр, в твоих руках!
Минута приспела! Героя Арбеллы
Уж молят царицы, склонившись во прах.

Прочь страх и сомненья! За муки лишенья
Награда нам — Дария ложе и трон!
О сладость паденья, о верх упоенья —
Смерть встретить, победно войдя в Вавилон!

НЕВЕРУЮЩИЙ

В моих объятьях будешь ты!
И неге нет названья,
И сердце бьется и дрожит
От сладостного мечтанья.

В моих объятьях будешь ты!
Кудрями я играю
Златыми! И на плечо мое
Ты склонишься, я знаю.

В моих объятьях будешь ты!
Мечта должна свершиться,
Небесной радостью дано
Мне на земле ушиться.

Святой Фома! Опасаюсь я,
Дотоле верить не стану,
Пока не вложу свои персты
В раскрытую счастья рану.

ПОХМЕЛЬЕ

Море счастья омрачив,
Поднялся туман похмелья, —
От вчерашнего веселья
Я сегодня еле жив.

Как сумел в горчайший ром
Сладкий нектар превратиться?
От похмелья мозг мутится,
Тошнота — в путре пустом.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Много женщин — блох немало,
Блох немало — много зуда.
Как блоха бы ни кусала,
Я терпеть безмолвно буду.

Да и женщины, признаться,
Ночью мучают мужчину.
Ты захочешь к ним прижаться,
А они подставят спину.

ТЕПЕРЬ КУДА?

Ну, теперь куда? — Опять
Рад бы встретиться с отчизной.
Но, качая головой,
Разум шепчет с укоризной:

«Хоть окончилась война,
Но остались трибуналы.
Угодишь ты под расстрел!
Ведь крамольничал немало!»

Это верно. Не хочу
Ни расстрела, ни ареста.
Не герой я. Чужды мне
Патетические жесты.

Я бы в Англию уплыл,
Да пугают англичане
И фабричный дым... От них
Просто рвет меня заране.

Как я часто плыть готов
Сквозь бушующие воды,
Чтоб в Америку попасть,
В тот гигантский хлев свободы.

Но боюсь! Там все плюют,
А куда — не разбирают,
Целый день жуют табак,
В кегли без царя играют.

Может быть, в России я
Проживу ничуть не хуже,
Да не вынесу кнута
В дни жестокой зимней стужи.

Грустно на небо смотрю,
Вижу звездный рой несметный,
Но нигде не нахожу
Я звезды моей заветной.

В лабиринте золотом,
В мире звездного смятенья,
Заблудилась, как поэт
Средь земного треволненья.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

Ты умерла и не знаешь о том,
Искры угасли во взоре твоём;
Бледность легла на ротик алый,
Да, ты мертва, ты жить перестала.

В страшную ночь, ночь скорби и слез,
Сам я тебя к могиле отнес.
Жалобой песнь соловья звенела,
Звезды, плача, теснились над телом.

Лесом мы шли, и эхо кругом
Вторило плачу во мраке ночном.
В траурных мантиях темные сли
Скорбно молитву о мертвых шумели.

К озеру вышли мы, где хоровод
Эльфов кружился у дремлющих вод.
Нас увидав, они вдруг замолчали,
Словно застыв в неподвижной печали.

Вот и к могиле твоей поворот..
Месяц на землю спустился с высот.
Речь говорит он... Рыдания и стоны,
И колокольные дальние звоны...

ГАРАНТИЯ

Страсть сказала богу песен,
Что потребует залога
Прежде, чем ему отдаться, —
Жить так трудно и убого.

Отвечал ей бог со смехом:
«Изменилось все на свете.
Говоришь как ростовщик ты,
Должников ловящий в сети.

Хочешь, дам тебе я лиру —
Правда, лиру золотую.
Под залог ее, красотка,
Сколько дашь ты поцелуев?»

СТАРАЯ РОЗА

Нераскрывшийся цветок, —
Ты была мне сладкой грезой;
Не влюбиться я не мог,
Встретившись с расцветшей розой;

Розу лучшую в стране
Я сорвать хотел уж было,
Но шипы свои ко мне
Роза гневно обратила.

А теперь цветок увял,
Лепестков нет и в помине,
И любезен я ей стал,
«Милый Генрих» я отныне.

Генрих так да Генрих сяк —
Нежно льется с губ красотки,
И спастись нельзя никак
От шипов на подбородке.

Бородавка ведь остра,
Коль щетиною покрылась.
В монастырь, дружок, пора!
Или ты бы хоть побрилась.

АУТОДАФЕ

Пыльный локон, бант поблекший,
Рванный стершийся билет
И увядшая фиалка, —
Пыл, восторги юных лет!

Их бросаю с озлобленьем
Я в камин перед собой;
И уж тлеют боль и радость
За решеткою резной.

Клятвы пылкие, измены —
Все слилось в огне, в дыму.

И божок любви смеется, —
Только где он? — Не пойму.

И, притихший, в час вечерний
Я гляжу на головни,
На мерцающие искры...
Что ж, любовь, — прощай!.. Усни!..

ЛАЗАРЬ

1. ЗАКОН ЖИЗНИ

Если много у тебя,
Станет больше — так ведется.
Если мало, то отдать
Даже малое придется.

Если же ты вовсе нищ,
Смерть помочь тебе сумеет:
Жить имеет право тот,
Кто хоть чем-нибудь владеет.

2. ОГЛЯДКА

На милой, земной этой кухне когда-то
Вдыхал я все запахи, все ароматы.
Знавал я такие восторги порой,
Каких ни один не изведал герой!
Пил кофе, пирожными я обедался,
С прекрасными куклами забавлялся
И в модном всегда щеголял сюртуке.
Дукаты звенели в моем кошельке.
Как Геллерт, крылатого гнал я коня,
Дворец восхитительный был у меня.
В долинах блаженства дремал я, бывало,
И солнце лучами меня целовало. :
Лавровый венок мне чело обвивал
И грезы волшебные мне навевал.
Мечтанья о розах, о радостях мая
Тогда я лелеял, печали не зная.

Не думал о смерти, не ведал забот,
И рябчики сами летели мне в рот.
Потом прилетали ко мне ангелочки
С бутылкой шампанского в узелочко.
Но лопнули мыльные пузыри!
На мокрой траве я лежу, смотри —
Свело ревматизмом мне ноги и руки.
Душа скорбит от стыда и муки.
Все то, чем когда-то так счастлив я был,
Я самой ужасной ценой оплатил.
Отраву мне подливали в напитки,
Меня клопы подвергали пытке,
Невзгоды одолевали всюду.
Я должен был лгать и выклянчивать ссуду
У старых кокоток и юных кутил,
Как будто я милостыню просил.
Теперь надоело мне по свету шляться,
Теперь я в могиле хочу належаться.
Итак, прощайте собратья Христовы,
Надеюсь, в раю мы увидимся снова!

3. ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Весь мир наполнил трубный рев,
Гудит земля сырая.
И мертвецы встают на зов,
Костями громыхая.

Кто на ногах, те, знай, бредут,
Лишь саваном белым одеты,
В Иосафат, где будет суд, —
Там сбор со всей планеты.

Судья — Христос. Он окружен
Апостолами снова.
Их вызвал как присяжных оп,
И кротко их мудрое слово.

Они вершат в открытую суд.
В день светлый, в день расплаты,
Когда нас трубы призовут,
Все маски будут сняты.

В Иосафатской долине, меж гор,
Стоят мертвецы по уступам,
И грешников столько, что здесь приговор
Выносят суммарно — по группам.

Овечек направо, налево козлят, —
Постановление мгновенно:
Невинным овцам — райский сад,
Козлам похотливым — геенна.

4. УМИРАЮЩИЙ

Солнца ты искал и благ, —
Возвратился тощ и наг.
Дух родной, рубаху даже —
Распродал ты все, бродяжа.

Стал ты бледен как мертвец,
Но — ты дома наконец.
Словно у камина в детской,
Спать тепло в земле немецкой.

Кое-кто, увы, стал хром —
Не вернется в отчий дом;
Клянчит он, чужой и лишний,
Чтоб его призрел всевышний.

5. ПИЩЕСТВО

Когда богатым людям льстим, —
Лесть плоская на это есть,
Ведь деньги — плоские, а им
Приятна в плоской форме лесть.

Пред каждым золотым тельцом
Ты фимиами кури смелей,
И падай в грязь и в пыль лицом, —
Но лести, друг мой, не жалея.

Слова — товар недорогой,
А хлеб стал дорог, просто страсть!
Ты Меценатову воспой
Собаку, — и нажрешься власть.

6. ВОСПОМИНАНИЕ

Ларец одному, а другому — алмаз.
О Вилли Визецкий, ты рано угас,
Но котик спасен был тобою.

Доска сломалась, когда ты взбирался,
Ты с моста в бурлящую реку сорвался,
Но котик спасен был тобою.

И шли мы за мальчиком славным к могиле,
Средь ландышей маленький гроб твой зарыли,
Но котик спасен был тобою.

Ты мальчик был умный, ты был осторожный,
От бурь ты укрылся под кров надежный,
Но котик спасен был тобою.

Был умный ты, Вилли, от бурь ты укрылся,
Еще не болел, а уже исцелился,
Но котик спасен был тобою.

Я с грустью и завистью здесь, на чужбине,
Тебя, мой дружок, вспоминаю и ныне,
Но котик спасен был тобою.

7. НЕСОВЕРШЕНСТВО

Нет совершенства в существах земных.
Есть розы, но растут шипы на них.
На небесах есть ангелы, и что же —
У них найдутся недостатки тоже.

Тюльпан не пахнет. Немцы говорят:
«Свинью стащить подчас и честный рад».
Лукреция, не будь у ней кинжала,
Могла родить — и клятвы б не сдержала.

Павлин красив, а ноги — сущий стыд.
С милейшей дамой вдруг тебя пронзит
Такая смесь и скуки и досады,
Как будто начитался «Генриады».

В латыни слаб и самый умный бык,
Как Массман наш. Канова был велик,
Но он Венере сплющил зад. И схожа
С обширным задом Массманова рожа.

В нежнейшей песне рифма вдруг режет, —
Так с медом жало попадает в рот.
Дюма — метис. И пятка погубила
Никем не побежденного Ахилла.

Ярчайшая звезда на небесах
Подцепит насморк — и сорвется в прах.
От сидра пахнет бочки терпким духом.
Да и на солище пятна есть, по слухам.

А вы, мадам, вы — идеал как раз.
Но ах! Кой-что отсутствует у вас.
«А что?» — глядите вы, не понимая.
Грудь! А в груди — нет сердца, дорогая!

8. СМИРЕННОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Душа бессмертная, остерегись,
Тебе не пришлось бы худо,
Когда полетишь ты отсюда,
В последний путь, в беззвездную высь.

К небесной столице ворота ведут,
Стоят там солдаты господни,
Нужны им деянья сегодня, —
А званье и чин не ценятся тут.

Тяжелую обувь, и лишний груз
Оставь же, странник, у входа, —
Здесь будет покой и свобода,
И мягкие туфли, и пение муз.

9. ОХЛАДЕЛЫЙ

Умрешь — так знай: придется в прах
Надолго слечь. И гложет страх.
Да, страх берет: до воскресенья
Сойдешь с ума от нетерпенья.

Еще б хоть раз, пока светло
В глазах и сердце не сдало,
Хоть раз в конце пути земного
Щедрот любви отведашь снова!

И пусть мне явится она
Блондинкой, нежной, как луна, —
Вредней, чем солнце в полдень знойный,
Мне пыл брюнетки беспокойной.

Цветущим юношам милей
Кипенье бешеных страстей,
Размолвки, клятвы, беснованья
И обоюдные терзанья.

А я не молод, не здоров,
И пусть бы мне под грустный кров
Любовь, мечты послали боги,
И счастье — только без тревоги!

10. СОЛОМОН

Умолкли песен застольных напевы.
Недвижно вокруг ложа царя Соломона
Небесных стражей стоят легионы —
Шесть тысяч справа, шесть тысяч слева.

Полночный сон владыки тревожен;
Недобрые мучат его сновиденья.
Вот брови он сдвинул, и в то же мгновенье
Блестят мечи, вылетая из ножен.

Но снова спрятан клинок блестящий.
От сердца царя отступает тревога;
Разгладились брови, что хмурились строго,
И только слышно, как шепчет спящий:

«О Суламифь! Мое царство без края,
На свете нет державы сильнее.
Я — царь Израиля, царь Иудей,
Но ты не любишь, и я умираю».

11. ПОГИВШИЕ НАДЕЖДЫ

Привлеченные взаимно
Сходством душ в любой детали,
Мы всегда друг к другу льнули,
Хоть того не сознавали.

Оба честны, оба скромны,
Даже мысли сплошь да рядом
Мы угадывали молча,
Обменявшись только взглядом.

О, я жаждал быть с тобою
До последнего момента, —
Боевым твоим собратом
В тихом *dolce far niente*.¹

Да, об этой жизни вместе
Я мечтал почти с экстазом,
Я бы сделал что угодно,
Чуть мой друг моргнул бы глазом.

Ел бы все, что ты прикажешь
И притом хвалил бы с жаром,
Прочих блюд и не касался б,
Пристрастился бы к сигарам.

И тебя, как в годы оны,
Угощал бы для забавы
На еврейском диалекте
Анекдотами Варшавы.

Ах, забыть бы все мечтанья,
Все скитанья по чужбинам,

¹ Сладкое ничегоседелание, безделье (*итал.*).

К очагу твоей фортуны
Воротиться блудным сыном.

Но, как жизнь, умчались грезы,
Сны растаяли, как пена.
Я лежу, приговоренный,
Мне не вырваться из плена.

Да, и грезы и надежды —
Все прошло, погибло даром.
Ах, мечтатель прямо в сердце
Насмерть поражен ударом!

12. поминки

Не прочтут унылый кадош,
Не отслужат мессы чинной,
Ни читать, ни петь не будут
В поминальный день кончины.

Но, быть может, на поминки,
Если будет день хороший,
На Монмартр моя Матильда
С Паулиной выйдет все же,

Принесет из импортелей
Для могилы украшенья
И, вздыхая: «Раувге homme!»¹
Прослезится на мгновенье.

Жаль, что я живу высоко,
Не могу я, как бывало,
Кресло предложить любимой,
Ах, она в пути устала!

Милая моя толстушка,
Вновь пешком идти не надо.
Посмотри — стоят фиакры
Пред кладбищенской оградой.

¹ Бедняжка (*франц.*).

13. СВИДАНИЕ

Беседка. Жимолость. В сумраке сада
Опять у окна мы в тиши запустенья.
Всходила луна, струилась прохлада,
Лишь мы были с нею как два привиденья.

Двенадцать лет уж прожито нами
С тех пор, как здесь мы вдвоем сидели;
И нежный пыл и жаркое пламя
За этот срок остыть успели.

Я молча сидел. Говорунья пустая,
Болтала она между тем, то и дело
Остывший пепел любви разгребая,
Хоть искорки в нем ни единой не тлепо.

О том, как соблазны она побеждала,
Я слушал рассказ докучливо-длинный, —
Как шатка ее добродетель бывала...
Состроил при этом я глупую мину.

Я вскоре уехал. В полях замелькали,
Как духи, луной озаренные ели.
Мне слышались зовы тоски и печали...
Но мы стремглав с мертвецами летели.

14. ГОСПОЖА ЗАБОТА

Тогда, в дни солнечной поры,
Как тут отплясывали комары!
Мне другом каждый был в те дни:
Со мной по-братски все они
Делились моей котлетой,
Моей последней монетой.

Но счастье — прочь, карман мой пуст,
И ни друзей, ни братских чувств.
Затмилось солнце той поры, —
Ни комаров, ни их игры.
Друзья с комарами схожи:
Ушли со счастьем тоже.

Забота у койки моей — точь-в-точь
Сиделка — всю проводит ночь.

Белейшая кофта, черный колпак,
Сидит и нюхает свой табак.
Скрипит табакерка сухо, —
Противная старуха!

Мне снится юный май порой,
Былое счастье, комариный рой,
Беспечный смех друзей и подруг...
Но, боже, скрипит табакерка вдруг,
Пузырь мой лопнул мыльный —
Старуха сморкнулась сильно.

15. К АНГЕЛАМ

На сером, призрачном коне
Несется Танатос ко мне;
Я слышу топот, слышу скок,
Летит, нагнал меня ездок.
Схватил и мчит, ах, мысль моя мутится;
С Матильдою я должен распротиться,

Мое дитя, жена моя,
Когда тебя цакину я,
Ты здесь, оставленная мной,
Вдовою станешь, сиротой, —
Жена-дитя, что мирно так, бывало,
У сердца моего опочивала.

Вы, духи светлые в раю,
Услышите плач, мольбу мою,
От зол, от бед и темных сил
Храните ту, что я любил.
Свой щит, свой меч над нею вы прострите,
Сестру свою, Матильду, защитите.

Во имя слез, что столько раз
Роняли вы, скорбя по нас,
Во имя слова, что в сердцах
Священников рождает страх,
Во имя благости, что вы таите,
Взываю к вам: Матильду защитите.

Умчалась буря — тишь да гладь.
Германия, большой ребенок,
Готова елку вновь справлять
И радуется празднику спросонок.

Семейным счастьем мы живем,
От беса — то, что манит выше!
Мир воротился в отчий дом,
Как ласточка под сень знакомой крыши.

Все спит в лесу и на реке,
Залитой лунными лучами.
Но что там? Выстрел вдалеке, —
Быть может, друг расстрелян палачами!

Быть может, одолевший враг
Всадил безумцу пулю в тело.
Увы, не все умны, как Флакк, —
Он уцелел, бежав от битвы смело!

Вновь треск... Не в честь ли Гете пир?
Иль, новым пламенем согрета,
Вернулась Зоннтаг в шумный мир,
И славит лиру дряхлую ракета?

А Лист? О милый Франц, он жив!
Он не заколот в бойне дикой,
Не пал среди венгерских нив,
Пронзенный царской иль кроатской пикой.

Пусть кровью изошла страна,
Пускай раздавлена свобода, —
Что ж, дело Франца сторона,
И шпагу он не вынет из комода.

Он жив, наш Франц! Когда-нибудь
Он сможет прежнею отвагой
В кругу своих внучат хвастнуть:
«Так я лежал, так действовал я шпагой».

О, как моя вскипает кровь
При слове «Венгрия»! Мне тесен

Немецкий мой камзол, и вновь
Я слышу трубы, зов знакомых песен.

Опять звучит в душе моей,
Как шум далекого потока,
Песнь о героях прошлых дней,
О Нибелунгах, павших жертвой рока.

Седая быль повторена,
Как будто вспять вернулись годы.
Пусть изменились имена —
В сердцах героев тот же дух свободы.

Им так же гибель рок судил:
Хоть стяги реют в гордом строе, —
Пред властью грубых, темных сил
Обречены падению герои.

С быком вступил в союз медведь,
Ты пал, мадьяр, в неравном споре,
Но верь мне — лучше умереть,
Чем дни влачить подобно нам, в позоре.

И ведь хозяева твои —
Вполне пристойная скотина,
А мы — рабы осла, свиньи,
В вонючем псе признали господина!

Лай, хрюканье — спасенья нет,
И что ни день — смердит сильнее.
Но не волнуйся так, поэт, —
Ты нездоров, и помолчать — вернее.

17. ЗЛЫЕ СНЫ

Во сне сегодня снова юным стал я, —
То было в старом доме, и к реке
На перегонки с милой побежал я,
С Оттилией моей, рука в руке.

Как тонко сложена она! Сияют
Русалочки глаза ее порой,

И маленькие ножки умиляют
Упругого изящества игрой.

И голос у нее звучит как пенье,
Я зрелищем души ее пленен;
В словах ее — глубокое значенье,
И рот ее — как розовый бутон.

Я не влюблен, мой разум судит строго,
Я не взволнован страстной тоской,
Но, странно существом ее растроган,
Дрожа склоняюсь над ее рукой.

Я, кажется, потом сорвал ей лилию
И положил пред нею, говоря:
«Дай руку мне, будь мне женой, Оттилия,
Чтоб тих, как ты, и счастлив был бы я».

А что она ответила, — не знаю,
Проснулся — и виденья больше нет,
И снова болен я, и изнываю,
К одру прикован вот уж много лет.

18. ОНА ПОГАСЛА

Темнеет рампа в час ночной,
И зрители спешат домой.
— Ну, как успех? — Неплохо, право:
Я слышал сам, кричали «браво»,
В почтенной публике кругом
Неслись, как шквал, рукоплесканья...
Теперь же — тих нарядный дом,
Ни света в нем, ни ликования.

Но — чу! Раздался резкий звук,
Хотя подмостки опустели.
Не порвалась ли где-то вдруг
Одна из струн виолончели?
Но тут в партер из-за кулис,
Шурша, метнулась пара крыс;

И никнет в горьком чаде масла
Фитиль последний, чуть дыша...
А в нем была моя душа.
Тут лампа бедная погасла.

19. ДУХОВНАЯ

Близок мой конец. Итак —
Вот моей духовной акт:
В ней по-христиански щедро
Награжден мой каждый недруг.

Вам, кто всех честней, любезней,
Добродетельнейшим снобам,
Вам оставлю, твердолобым,
Весь комплект моих болезней:

Колики, что, словно клещи,
Рвут мои кишки все резче,
Мочевой канал мой узкий,
Гнусный геморрой мой прусский.

Эти судороги — тоже,
Спазмы, течь мою слюнную
И сухотку вам спинную
Завещаю, волей божьей.

К сей духовной примечанье:
Пусть о вас навек, всеместно
Вытравит отец небесный
Всякое воспоминаье!

20. ENFANT PERDU ¹

Как часовой, на рубеже свободы
Лицом к врагу стоял я тридцать лет.
Я знал, что здесь мои промчатся годы,
И я не ждал ни славы, ни побед.

¹ Дословно: потерянное дитя (*франц.*). Так назывался часовой на передовом посту в армии времен французской революции 1789 года.

Пока друзья храпели беззаботно,
Я бодрствовал, глаза вперив во мрак.
(В иные дни прилег бы сам охотно,
Но спать не мог под храп лихих вояк.)

Порой от страха сердце холодело
(Ничто не страшно только дураку!) —
Для бодрости высвистывал я смело
Сатиры злой звенящую строку.

Ружье в руке, всегда на страже ухо, —
Кто б ни был враг — ему один конец!
Вогнал я многим в мерзостное брюхо
Мой раскаленный, мстительный свинец.

Но что таить! И враг стрелял порою
Без промаха, — забыл я рапам счет.
Теперь — увы! Я все равно не скрою —
Слабеет тело, кровь моя течет.

Свободен пост! Мое слабеет тело...
Один упал — другой сменил бойца!
Я не сдаюсь! Еще оружие цело,
И только жизнь иссякла до конца.

КНИГА ТРЕТЬЯ
ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

О, пусть не без утех земных
Жизнь твоя протекает!
И если ты стрел не боишься ничьих,
Пускай — кто хочет — стреляет.

А счастье — мелькнет оно пред тобой —
Хватай за полу проворно!
Совет мой: в долине ты хижину строй,
Не на вершине горной.

ПРИНЦЕССА ШАБАШ

Видим мы в арабских сказках,
Что в обличи зверином
Ходят часто чародеем
Заколдованные принцы.

Но бывают дни — и принцы
Принимают прежний образ:
Принц волочится и дамам
Серенады распевает.

Все до часа рокового;
А настанет он — мгновенно
Светлый принц четвероногим
Снова делается зверем.

Днесь воспеть такого принца
Я намерен. Он зовется

Израилем и в собаку
Злою ведьмой обращен.

Всю неделю по-собачьи
Он и чувствует и мыслит,
Грязный шляется и смрадный,
На позор и смех мальчишкам.

Но лишь пятница минует,
Принц становится, как прежде,
Человеком и выходит
Из своей собачьей шкуры.

Мыслит, чувствует как люди;
Гордо, с поднятой главою,
И разряженный, вступает
Он в отцовские чертоги.

«Прародительские сени! —
Их приветствует он нежно, —
Дом Иаковлев! Целую
Прах порога твоего!»

По чертогам пробегают
Легкий шепот и движенье;
Дышит явственно в тиши
Сам невидимый хозяин.

Лишь великий сенешаль
(Vulgo ¹ служка в синагоге)
Лазит вверх и вниз поспешно,
В храме лампы зажигая.

Лампы — светочи надежды!
Как горят они и блещут!
Ярко светят также свечи
На помосте альмемора.

И уже перед ковчегом,
Занавешенным покровом

¹ В просторечии (лат.).

С драгоценными камнями
И в себе хранящим тору,

Занимает место кантор,
Пренарядный человек;
Черный плащик свой на плечи
Он кокетливо накиннул,

Белой ручкой щеголяя,
Потрепал себя по шее,
Перст к виску прижал, большим же
Пальцем горло расправляет.

Трели он пускает тихо;
Но потом, как вдохновенный,
Возглашает громогласно:
«Лехо дауди ликрас калле!

О гряди, жених желанный,
Ждет тебя твоя невеста —
Та, которая откроет
Для тебя стыдливый лик!»

Этот чудный стих венчальный
Сочинен был знаменитым
Миннезингером великим,
Дон Иегудой бен Галеви.

В этом гимне он воспел
Обрученье Израиля
С царственной принцессой Шабаш,
По прозванью Молчаливой.

Перл и цвет красот вселенной
Эта чудная принцесса!
Что тут Савская царица,
Соломонова подруга,

Эфиопская педантка,
Что умом блистать старалась
И загадками своими,
Наконец, уж надоела!

Нет! Принцесса Шабаш — это
Сам покой, и ненавидит
Суемудренные битвы
И ученые дебаты;

Ненавидит этот дикий
Пафос страстных декламаций,
Искры сыплющий и бурно
Потрясающий власами.

Под чепец свой скромно прячет
Косы тихая принцесса,
Смотрит кротко, как газель,
Станом стройная, как аддас.

И возлюбленному принцу
Дозволяет все, но только —
Не курить. «Курить в субботу
Запрещает нам закон.

Но зато, мой милый, нынче
Ты продушишься взамен
Чудным кушаньем: ты будешь
Нынче шалет, друг мой, кушать».

«Шалет — божеская искра,
Сын Элизия!» — запел бы
Шиллер в песне вдохновенной,
Если б шалета вкусил.

Он — божественное блюдо;
Сам всевышний Моисей
Научил его готовить
На горе Синайской, где

Он открыл ему попутно,
Под громовые раскаты,
Веры истинной ученье —
Десять заповедей вечных.

Шалет — истинного бога
Чистая амброзия,

И в сравненье с этой снедью
Представляется вонючей

Та амброзия, которой
Услаждалися лжебоги
Древних греков, — те, что были
Маскированные черти.

Вот наш принц вкушает шалет;
Взор блаженством засветился.
Он жилетку расстегнул
И лепечет, улыбаясь:

«То не шум ли Иордана,
Не журчанье ль струй студепых
Под навесом пальм Бет-Эля,
Где верблюды отдыхают?»

Не овец ли тонкорунных
Колокольчики лепечут?
Не с вершин ли Гилеата
На ночь сходят в дол барашки?»

Но уж день склонился. Тени
Удлиняются. Подходит
Исполинскими шагами
Срок ужасный. Принц вздыхает.

Точно хладными перстами
Ведьмы за сердце берут.
Предстоит метаморфоза —
Превращение в собаку.

Принцу милому подносит
Нарду тихая принцесса;
Раз еще вдохнуть спешит он
Этот запах благовонный;

И с питьем прощальным кубок
Вслед за тем она подносит;
Пьет он жадно, — две-три капли
Остаются лишь на дне.

И кропит оп ими стол;
К брызгам свечку восковую
Приближает, — и с шипеньем
Гаснет грустная свеча.

ИЕГУДА БЕН ГАЛЕВИ

I

«Да прилипнет в жажде к небу
Мой язык и да отсохнут
Руки, если я забуду
Храм твой, Иерусалим!..»

Песни, образы так бурно
В голове моей теснятся,
Чудятся мужские хоры,
Хоровые псалмопенья.

Вижу бороды седые,
Бороды печальных старцев.
Призраки, да кто ж из вас
Иегуда бен Галеви?

И внезапно — все исчезло:
Робких призраков пугает
Грубый оклик земнородных.
Но его узнал я сразу, —

Да, узнал по древней скорби
Многомудрого чела,
По глазам проникновенным
И страдальчески пытливым.

Но и без того узнал бы
По загадочной улыбке
Губ, срифмованных так дивно,
Как доступно лишь поэтам.

Год приходит, год проходит, —
От рожденья Иегуды

Бен Галеви пролетело
Семь столетий с половиной.

В первый раз увидел свет
Он в Кастилии, в Толедо;
Был младенцу колыбельной
Говор Тахо золотого.

Рано стал отец суровый
Развивать в ребенке мудрость, —
Обученье началось
С божьей книги, с вечной торы.

Сыну мудро толковал он
Древний текст, чей живописный,
Иероглифам подобный,
Завитой квадратный шрифт,

Этот чудный шрифт халдейский,
Создан в детстве нашим миром
И улыбкой нежной дружбы
Сердце детское встречает.

Тексты подлинников древних
Заучил в цитатах мальчик,
Повторял старинных тропов
Монотонные напевы

И картавил так прелестно,
С легким горловым акцентом,
Тонко выводил шалшелет,
Щелкал трелью, словно птица.

Также Таргум Онкелос,
Что написан на народном
Иудейском диалекте, —
Он зовется арамейским

И примерно так походит
На язык святых пророков,
Словно швабский на немецкий.
Этот желтоцвет еврейский

Тоже выучил ребенок
И свои познания вскоре
Превосходно применил он
В изучении талмуда.

Да, родитель очень рано
Ввел его в талмуд, а после —
И в великую галаху,
В эту школу фехтованья,

Где риторики светила,
Первоклассные атлеты
Вавилона, Пумпедиты
Упражнялись в состязаньях.

Здесь ребенок изощрился
В полемическом искусстве, —
Этим мастерством словесным
Позже он блеснул в «Козари».

Но, как небо нам сияет
Светом двойственной природы:
То горячим светом солнца,
То холодным лунным светом, —

Так же светит нам талмуд,
Оттого его и делят
На галаху и агаду.
Первую назвал я школой

Фехтованья, а вторую
Назову, пожалуй, садом,
Садом странно фантастичным,
Двойником другого сада,

Порожденного когда-то
Тоже почвой Вавилона:
Это сад Семирамиды,
Иль восьмое чудо света.

Дочь царей Семирамиду
Воспитали в детстве птицы,

И царица сохранила
Целый ряд привычек птичьих:

Не хотела променады
Делать по земле, как все мы,
Млеко вскармленные тварь,
И взрастила сад воздушный, —

Высоко на колоссальных
Колоннадах заблестали
Клумбы, пальмы, апельсины,
Изваянья, водометы —

Скреплены хитро и прочно,
Как плющом переплетенным,
Сетью из мостов всяких,
Где качались важно птицы,

Пестрые большие птицы,
Мудрецы, что молча мыслят,
Глядя, как с веселой трелью
Подле них порхает чижик.

Все блаженно пьют прозрачный,
Как бальзам душистый, воздух,
Не отравленный зловонным
Испарением земли.

Да, агада — сад воздушный
Детских вымыслов, и часто
Юный ученик талмуда,
Если сердце, запылившись,

Глохло от сварливой брани
И от диспутов галахи,
Споров о яйце фатальном,
Что снесла наседка в праздник,

Иль от столь же мудрых прений
По другим вопросам, — мальчик
Убегал, чтоб освежиться,
В сад, в цветущий сад агады,

Где так много старых сказок,
Подлинных чудесных былей,
Житий мучеников славных,
Песен, мудрых изречений,

Небылиц таких забавных,
Полных чистой пылкой веры.
О, как все блистало, цело,
Расцветало в пышном блеске!

И невинный, благородный
Дух ребенка был захвачен
Буйной дерзостью фантазий,
Волшебством блаженной скорби,

Страстным трепетом восторга, —
Тем прекрасным тайным миром,
Тем великим откровеньем,
Что поэзией зовется.

И поэзии искусство —
Высший дар, святая мудрость —
Мастерство стихосложения
Сердцу мальчика открылось,

И Иегуда бен Галеви
Стал не только мудрый книжник,
Но и мастер песнопенья,
Но и первый из поэтов.

Да, он дивным был поэтом,
Был звездой своей эпохи,
Солнцем своего народа, —
И огромным, чудотворным,

Огненным столпом искусства
Он пред караваном скорби,
Пред Израилем-страдальцем,
Шел пустынями изгнанья.

Песнь его была правдива
И чиста и непорочна,

Как душа его; всевышний,
Сотворив такую душу,

Сам доволен был собою,
И прекраснейшую душу
Радостно поцеловал он, —
И трепещет тихий отзвук

Поцелуя в каждой песне,
В каждом слове песнотворца,
Посвященного с рожденья
Божьей милостью в поэты.

Ведь в поэзии, как в жизни,
Эта милость — высший дар!
Кто снискал ее — не может
Ни в стихах грешить, ни в прозе.

Называем мы такого
Божьей милостью поэта
Гением; он в царстве духа
Абсолютный самодержец,

Он дает ответ лишь богу,
Не народу, — ведь в искусстве
Нас народ, как в жизни, может
Лишь казнить, но не судить.

II

«Так на реках вавилонских
Мы рыдали, наши арфы
Прислонив к плакучим ивам», —
Помнишь песню древних дней?

Помнишь — старое сказанье
Стонет, плачется уныло,
Ноет, словно суп в кастрюльке,
Что кипит на очаге!

Сотни лет во мне клокочет,
Скорбь во мне кипит! А время

Лижет рану, словно псс,
Иову лизавший язвы.

За слюну спасибо, псс,
Но она лишь охлаждает;
Исцелить меня могла бы
Смерть, — но я, увы, бессмертен!

Год приходит, год проходит!
Деловито ходит шпулька
На станке, — а что он ткет,
Ни единый ткач не знает.

Год приходит, год проходит, —
Человеческие слезы
Льются, капают на землю, —
И земля сосет их жадно.

Ах, как бешено кипит!
Скачет крышка!.. Слава мужу,
Чья рука твоих младенцев
Гневно разобьет о камень.

Слава господу! Все тише
Котелок клокочет. Смолк.
Мой угрюмый сплин проходит,
Западно-восточный сплин.

Ну, и мой конек крылатый
Ржет бодрее, отряхает
Злой ночной кошмар и, мнится,
Молвит умными глазами:

«Что ж, опять летим в Толедо
К маленькому талмудисту,
Что великим стал поэтом, —
К Иегуде бен Галеви?»

Да, поэт он был великий —
Самодержец в мире грезы,
Властелин над царством духов,
Божьей милостью поэт.

Он в священные сирвенты,
Мадригалы и терцины,
Канцонетты и газеллы
Влил огонь души, согретой

Светлым поделуем бога!
Да, поистине был равен
Этот трубадур великий
Несравненным песнотворцам

Руссильона и Прованса,
Пуату и прочих славных
Померанцевых владений
Царства христиан галантных.

Царства христиан галантных
Померанцевые земли!
Их цветеньем, блеском, звоном
Скрашен мрак воспоминаний!

Чудный соловьиный мир!
Вместо истинного бога —
Ложный бог любви да музыки, —
Вот кому тогда молились!

Розами венчая плечи,
Клирики псалмы там пели
На веселом лангедоке,
А мирянин, знатный рыцарь,

На коне гарцуя гордо,
В стихотворных выкрутасах
Славил даму, чьим красотам
Радостно служил он сердцем.

Нет любви без дамы сердца!
Ну, а уж певец любви —
Миннезингер, — тот без дамы,
Что без масла бутерброд!

И герой, воспетый нами,
Иегуда бен Галеви,

Увлечен был дамой сердца, —
Но совсем особой дамой.

Не Лаурой, чьи глаза,
Эти смертные светила,
На страстной зажгли во храме
Знаменитейший пожар,

Не нарядной герцогиней
В блеске юности прекрасной,
Королевою турниров,
Присуждавшей храбрым лавры,

Не постельной казуисткой,
Поцелуйным крючкотвором,
Доктринолухом, ученым
В академиях любви, —

Нет, возлюбленная рабби
В жалкой нищете томилась,
В лютой скорби разрушенья
И звалась: Иерусалим.

С юных лет в ней воплотилась
Вся его любовь и вера,
Приводило душу в трепет
Слово «Иерусалим».

Весь пунцовый от волненья,
Замирая, слушал мальчик
Пилигрима, что в Толедо
Прибыл из восточных стран

И рассказывал, как древний
Город стал пустыней дикой, —
Город, где в песке доньше
Пламенеет след пророка,

Где дыханьем вечным бога,
Как бальзамом, полон воздух.
«О юдоль печали!» — молвил
Пилигрим, чья борода

Белым серебром струилась,
А у корня каждый волос
Черен был, как будто сверху
Борода омоложалась, —

Странный был он пилигрим;
Вековая скорбь глядела
Из печальных глаз, и горько
Он вздыхал: «Иерусалим!

Ты, людьми обильный город,
Стал пустынею, где грифы,
Где гиены и шакалы
В гнили мерзостно пируют,

Где гнездятся змеи, совы
Средь покинутых развалин,
Где лиса глядит спесиво
Из разбитого окошка,

Да порой, в тряпье одетый,
Бродит нищий раб пустыни
И пасет в траве высокой
Худосочного верблюда.

На Сионе многославном,
Где твердыня золотая
Гордым блеском говорила
О величье властелина, —

Там, поросшие бурьяном,
Тлеют грудями обломки
И глядят на нас так скорбно,
Так тоскливо, будто плачут.

Ах, они и вправду плачут,
Раз в году рыдают камни —
В месяц аба, в день девятый;
И, рыдая сам, глядел я,

Как из грубых диких глыб
Слезы тяжкие катились,

Слышал, как колонны храма
В прахе горестно стонали».

Слушал речи пилигрима
Юным сердцем Иегуда
И проникся жаждой страстной
Путь свершить в Иерусалим.

Страсть поэта! Роковая
Власть мечтаний и предчувствий,
Чью святую мощь изведаль
В замке Блэ видам прекрасный,

Жоффруа Рюдель, услышав,
Как пришедшие с востока
Рыцари при звоне кубков
Громогласно восклицали:

«Цвет невинности и чести,
Перл и украшение женщины —
Дева-роза Мелисанда,
Маркграфиня Триполи!»

Размечтался трубадур наш
И запел о юной даме
И почувствовал, что сердцу
Стало тесно в замке Блэ, —

И тоска им овладела.
К Цетте он поплыл, но в море
Тяжко заболел и прибыл,
Умирая, в Триполи.

Там увидел Мелисанду
Он телесными очами,
Но тотчас же злая смерть
Их покрыла вечной тенью.

И в последний раз запел он
И, не кончив песню, мертвый,
Пал к ногам прекрасной дамы,
Мелисанды Триполи.

Как таинственно и дивно
Сходны судьбы двух поэтов,
Хоть второй лишь мудрым старцем
Совершил свой путь великий!

И Иегуда бен Галеви
Принял смерть у ног любимой, —
Преклонил главу седую
У колен Иерусалима.

III

После битвы при Арбеллах
Юный Александр Великий
Землю Дария и войско,
Двор, гарем, слонов и женщин,

Деньги, скипетр и корону —
Золотую дребедень —
Все набил в свои большие
Македонские шальвары.

Дарий, тот удрал от страха,
Как бы в них не угодить
Царственной своей персоной.
И герой в его шатре

Захватил чудесный ларчик,
Золотой, в миниатюрах,
Инкрустированный тонко
Самоцветными камнями.

Был тот ларчик сам бесценен,
А служил лишь для хранения
Драгоценностей короны,
Разных царских лейб-сокровищ.

Александр их раздарил
Самым храбрым — и смеялся,
Что мужчины, словно дети,
Рады пестрым побрякушкам.

Драгоценнейшую гемму
Милой матери послал он, —
И кольцо с печатью Кира
Стало просто дамской брошкой.

Ну, а старый Аристотель —
Знаменитый забияка,
Мир поставивший вверх дном, —
Для коллекции диковин

Получил оникс огромный.
В ларчике имелись перлы,
Нить жемчужин, что Атоссе
Подарил Смердис поддельный, —

Жемчуг был ведь настоящий!
И веселый победитель
Отдал их Таис, прекрасной
Танцовщице из Коринфа.

Та, украсив жемчугами
Волосы, их, как вакханка,
Распустила в ночь пожара,
В Персеполисе танцую,

И швырнула в царский замок
Факел свой, — и с громким треском
Яростно взметнулось пламя
Карнавальным фейерверком.

После гибели Таис,
Что скончалась в Вавилоне
От болезни вавилонской,
Перлы были в зале биржи

Пущены с аукциона, —
И купил их жрец мемфисский
И увез их в свой Египет,
Где они явились позже

В шифоньерке Клеопатры,
Что толкла прекрасный жемчуг

И, с вином смешав, глотала,
Чтоб Антония дурачить.

А с последним Омаядом,
Перлы прибыли в Гренаду
И блистали на тюрбане
Кордуанского калифа.

Третий Абдергам украсил
Ими панцырь на турнире,
Где пронзил он тридцать бронь
И Зюлеймы юной сердце.

Но с паденьем царства мавров
Перешли и эти перлы
Во владенье христиан,
Властелинов двух Кастилий,

Католических величеств, —
И испанских государынь
Украшали на турнирах,
На придворных играх, в цирке,

На больших аутодафе,
Где величества с балконов
Наслаждались ароматом
Старых жареных евреев.

Правнук черта Мендицабель
Заложил потом все перлы
Для покрытия дефицита
В государственных финансах.

В Тюильри, в дворцовых залах,
Вновь на свет они явились
И сверкали там на шее
Баронессы Соломон.

Вот судьба прекрасных перлов!
Ларчик меньше приключений
Испытал, — его оставил
Юный Александр себе,

И в него сложил он песни
Бесподобного Гомера,
Своего любимца. На ночь
Ставил он у изголовья

Этот ларчик, и оттуда,
Чуть заснет король, вставали,
В сон проскальзывали тихо
Образы героев светлых.

Век иной — иные птицы!
Ах, и я любил когда-то
Эти песни о деяньях
Одиссея и Пелида,

И в душе моей, как солнце,
Рдели золото и пурпур,
Виноград вполетен был в кудри,
И, ликуя, пели трубы.

Смолкни, память! Колесница
Триумфальная разбита,
А пантеры упряжные
Передохли все, как девы,

Что под цитры и кимвалы
В пляске шли за мной; и сам я
Извиваюсь в адских муках,
Лежа в прахе. Смолкни, память!

Смолкни, память!.. Речь вели
Мы о ларчике царевом,
И такая мысль пришла мне:
Будь моим подобный ларчик, —

Не заставь меня финансы
Обратить его в монету, —
Я бы запер в этот ларчик
Золотые песни рабби

Иегуды бен Галеви —
Гимны радости, газеллы,

Песни скорби, путевые
Впечатленья пилигрима —

Дал бы лучшему цофару
На пергаменте чистейшем
Их списать и положил бы
Рукопись в чудесный ларчик;

И держал бы этот ларчик
На столе перед кроватью,
Чтоб могли дивиться гости
Блеску маленькой шкатулки,

Превосходным барельефам,
Мелким, но таким прекрасным,
Инкрустациям чудесным
Из огромных самоцветов.

Я б гостям с улыбкой молвил:
— Это что! — Лишь оболочка
Лучшего из всех сокровищ:
Там сияют бриллианты,

Отражающие небо,
Там рубины пламенеют
Кровью трепетного сердца,
Там смарагд обетованья,

Непорочные лазури,
Перлы, краше дивных перлов,
Принесенных Лже-Смердисом
В дар пленительной Атоссе,

Бывших лучшим украшеньем
Вышей знати в этом мире,
Обегаемом луною:
И Таис, и Клеопатры,

И жрецов, и грозных мавров,
И испанских государынь,
И самой высокочтимой
Баронессы Соломон.

Те прославленные перлы —
Только сгустки бледной слизи,
Выделенья жалких устриц,
Тупо прозябавших в море.

Мною ж собранные перлы
Рождены душой прекрасной,
Светлым духом, чьи глубины
Глубже бездны океана,

Ибо эти перлы — слезы
Иегуды бен Галеви, —
Ими горько он оплакал
Гибель Иерусалима.

И связал он перлы-слезы
Золотою ниткой рифмы,
В ювелирне стихотворства
Сделал песней драгоценной.

И доньше эта песня,
Этот плач великой скорби
Из рассеянных по свету
Авраамовых шатров

Горько льется в месяц аба,
В день девятый, — в годовщину
Гибели Иерусалима,
Уничтоженного Титом.

Эта песня — гимн сионский
Иегуды бен Галеви,
Плач предсмертный над священным
Пеплом Иерусалима.

В покаянной власнице,
Босоногий, там сидел он
На поверженной колонне;
И густой седою чащей

Волосы на грудь спадали,
Фантастично оттеняя

Бледный, скорбный лик поэта
С вдохновенными очами.

Так сидел он там и пел,
Словно древний ясновидец, —
И казалось, из могилы
Встал пророк Иеремия.

И в руинах смолкли птицы,
Слыша вопли дикой скорби,
Даже коршуны, приблизясь,
Им внимали с состраданьем.

Вдруг, на стремях качаясь,
Мимо, на коне огромном,
Дикий сарацин промчался,
Белое копьё колебля, —

И, метнув оружие смерти
В грудь несчастного поэта,
Ускакал быстрее ветра,
Словно призрак окрыленный.

Кровь певца текла спокойно,
И спокойно песню скорби
Он допел, и был предсмертный
Вдох его: «Иерусалим!»

Молвит старое сказанье,
Что жестокий сарацин
Был не человек преступный,
А переодетый ангел,

Посланный на землю небом,
Чтоб унести любимца бога
Из юдоли слез, без муки
Взять его в страну блаженных.

В небе был он удостоен
Крайне лестного приема, —
Это был сюрприз небесный,
Драгоценный для поэта,

Хоры ангелов навстречу
Вышли с музыкой и пенем,
И в торжественном их гимне
Он узнал свою же песню, —

Брачный гимн синагогальный,
Гимн субботний Гименею,
Строй ликующих мелодий,
Всем знакомых, — что за звуки!

Ангелы трубили в трубы,
Ангелы на скрипках пели,
Ликовали на виолах,
Били в бубны и кимвалы.

И в лазурных безднах неба
Так приветливо звенело,
Так приветливо звучало:
«Лехо дауди ликрас калле». ¹

IV

Рассердил мою супругу
Я последнею главой,
А особенно рассказом
Про бесценный царский ларчик.

Чуть не с горечью она мне
Заявила, что супруг
Подлинно религиозный
Обратил бы ларчик в деньги,

Что на них он приобрел бы
Для своей жены законной
Белый кашемир, который
Нужен, бедной, до зарезу;

Что с Иегуды бен Галеви
Было бы довольно чести
Сохраняться просто в папке
Из красивого картона,

¹ «Выйди, друг, невесту встретить» (*древнеевр.*).

По-китайски элегантно
Разрисованной узором,
Вроде чудных бонбоньерок
Из пассажа «Панорама».

«Странно! — вскрикнула супруга, —
Если он такой уж гений,
Почему мне незнакомо
Даже имя бен Галеви?»

«Милый друг мой, — отвечал я, —
Ангел мой, прелестный неуч,
Это результат пробелов
Во французском воспитанье.

В пансионах, где девицам,
Этим будущим мамашам
Вольного народа галлов,
Преподносят мудрость мира:

Чучела владык Египта,
Груды старых мумий, тени
Меровингских властелинов
С ненапудренной гривой,

Косы мудрецов Китая,
Царства пагод из фарфора, —
Все зубрить там заставляют
Умных девочек. Но, боже!

Назови-ка им поэта,
Гордость золотого века
Всей испано-мавританской
Старой иудейской школы,

Назови им Ибен Эзру,
Иегуду бен Галеви,
Соломона Габироля —
Триединое созвездье, —

Словом, самых знаменитых, —
Сразу милые малютки

Сделают глаза большие
И на вас глядят овцой.

Мой тебе совет, голубка,
Чтоб такой пробел заполнить,
Позаймись-ка ты еврейским —
Брось театры и концерты,

Посвяти годок иль больше
Неустанной штудировке, —
И прочтешь в оригинале
Ибен Эзру, Габироля

И, понятно, бен Галеви —
Весь триумвират поэтов,
Что с волшебных струн Давида
Лучшие похитил звуки.

Аль-Харизи — я ручаюсь,
Он тебе знаком не больше,
А ведь он остряк французский,
Он переострил Харири

В хитроумнейших макамах
И задолго до Вольтера
Был чистейшим вольтерьянцем.
Этот Аль-Харизи пишет:

«Габироль — властитель мысли,
Он мыслителям любезен;
Ибен Эзра — царь искусства,
Он художников любимец.

Но достоинства обоих
Сочетал в себе Галеви:
Величайший из поэтов,
Стал он всех людей кумиром».

Ибен Эзра был старинный
Друг — быть может, даже родич
Иегуды бен Галеви;
И Галеви в книге странствий

С болью пишет, что напрасно
Он искал в Гренаде друга, —
Что нашел он только брата,
Рабби Мейера — врача

И к тому же стихотворца
И отца прекрасной девы,
Заронившей безнадежный
Пламень страсти в сердце Эзры.

Чтоб забыть свою красотку,
Взял он страннический посох,
Стал, как многие коллеги,
Жить без родины, без крова.

На пути к Иерусалиму
Был татарами он схвачен
И, привязанный к кобыле,
Унесен в чужие степи.

Там впрягли беднягу в службу,
Недостойную раввина,
А тем более поэта:
Начал он доить коров.

Раз на корточках сидел он
Под коровой и усердно
Вымя терсбил, стараясь
Молоком наполнить крынку, —

Не почетное занятие
Для раввина, для поэта, —
Вдруг, охвачен страшной скорбью,
Песню он запел; и пел он

Так прекрасно, так печально,
Что случайно шедший мимо
Хан татарский был растроган
И вернул рабу свободу,

Много дал ему подарков:
Лисью шубу и большую

Сарадинскую гитару,
Выдал денег на дорогу.

Злобный рок, судьба поэта!
Всех потомков Аполлона
Истерзала ты и даже
Их отца не пощадила:

Ведь, догнав красотку Дафну,
Не нагое тело нимфы,
А лавровый куст он обнял, —
Он, божественный Шлемиль.

Да, сиятельный дельфиец
Был Шлемиль, и даже в лаврах,
Гордо увенчавших бога, —
Признак божьего шлемильства.

Слово самое «Шлемиль»
Нам понятно. Ведь Шамиссо
Даже в Пруссии гражданство
Дал ему (конечно, слову),

И осталось неизвестным,
Как исток святого Нила,
Лишь его происхождение;
Долго я над ним мудрил,

А потом пошел за справкой,
Много лет назад в Берлине,
К другу нашему Шамиссо,
К обер-шефу всех Шлемилей.

Но и тот не мог ответить
И на Гицига сослался,
От которого узнал он
Имя Петера без тени

И фамилию. Я тотчас
Дрожки взял и покатил
К Гицигу. Сей криминальрат
Прежде звался просто Ициг,

И когда он звался Ициг,
Раз ему приснилось небо,
И на небе надпись: Гициг, —
То есть Ициг с буквой Г.

«Что тут может значить Г? —
Стал он размышлять, — герр Ициг
Или горний Ициг? Горний —
Титул славный, но в Берлине

Неуместный». Поразмыслив,
Он решил назваться «Гициг», —
Лишь друзьям шепнув, что горний
В Гициге сидит святой.

«Гициг пресвятой! — сказал я,
Познакомься, — вы должны мне
Объяснить языковые
Корни имени Шлемиль».

Долго мой святой хитрил,
Все не мог припомнить, много
Находил уверток, клялся
Иисусом, — наконец,

От моих штанов терпенья
Отлетели все застёжки,
И пошел я тут ругаться,
Изощряться в богохульстве,

Так что пиетист почтенный
Побледнел как смерть, затрясся,
Перестал мне прекословить
И повел такой рассказ:

«В библии прочесть мы можем,
Что частенько в дни скитаний
Наш Израиль утешался
С дочерьми Ханаанитов.

И случилось, некий Пинхас
Увидал, как славный Зимри

Мерзкий блуд свершал с женою
Из колена Ханаана, —

И тотчас же в лютом гневѣ
Он схватил копье и Зимри
Умертвил на месте блуда.
Так мы в библии читаем.

Но из уст в уста в народе
С той поры передается,
Что своим оружіем Пинхас
Поразил совсем не Зимри

И что, гневом ослепленный,
Вместо грешника убил он
Неповинного. Убитый
Был Шлемиль бен Цури-Шаддай».

Этим-то Шлемилом Первым
Начат был весь род Шлемилей:
Наш родоначальник славный
Был Шлемиль бен Цури-Шаддай.

Он, конечно, не прославлен
Доблестью, мы только знаем
Прозвище, да нам известно,
Что бедняга был Шлемилом.

Но ведь родовое древо
Ценно не плодом хорошим,
А лишь возрастом, — так наше
Старше трех тысячелетий!

Год приходит, год проходит;
Больше трех тысячелетий,
Как погиб наш прародитель,
Герр Шлемиль бен Цури-Шаддай.

Уж давно и Пинхас умер,
Но копье его донныне
Нам грозит, всегда мы слышим,
Как свистит оно над нами.

И оно сражает лучших —
Как Иегуда бен Галеви,
Им сражен был Ибен Эзра,
Им сражен был Габироль;

Габироль — наш миннезингер,
Посвятивший сердце богу,
Соловей благочестивый,
Чьею розой был всевышний, —

Чистый соловей, так нежно
Пел он песнь любви великой
Средь готического мрака,
В тьме средневековой ночи.

Не страшился, не боялся
Привидений и чудовищ,
Духов смерти и безумья,
Наводнявших эту ночь!

Чистый соловей, он думал
Лишь о господе любимом,
Лишь к нему пылал любовью,
Лишь его хвалою славил!

Только тридцать весен прожил
Вещий Габироль, но Фама
Раструбила по вселенной
Славу имени его.

Там же, в Кёрдове, с ним рядом,
Жил какой-то мавр; он тоже
Сочинял стихи и гнусно
Стал завидовать поэту.

Чуть поэт начнет, бывало,
Петь — вскипает желчь у мавра,
Сладость песни у мерзавца
Обращалась в горечь злобы.

Ночью в дом свой заманил он
Ненавистного поэта
И убил его, а труп
Закопал в саду за домом.

Но из почвы, где зарыл он
Тело, вдруг росток пробился,
И смоковница возникла
Небывалой красоты.

Плод был странно удлиненный,
Полный сладости волшебной,
Кто вкусил его — изведal
Несказанное блаженство.

И тогда пошли в народе
Толки, сплетни, пересуды,
И своим светлейшим ухом
Их услышал сам калиф.

Сей же, собственоязычно
Насладившись феноменом,
Учредил немедля строгий
Комитет по разыскашью.

Дело взвесили суммарно:
Всыпали владельцу сада
В пятки шестьдесят бамбуков —
Он сознался в злодеяшье;

После вырыли из почвы
Всю смоковницу с корнями,
И народ узрел воочью
Труп кровавый Габироля.

Пышно было погребенье,
Беспредельно горе братьев.
В тот же день калифом был
Нечестивый мавр повешен.

ДИСПУТ

Заливаются фанфары
В зале города Толедо,
Толпы пестрые стеклись
На духовную беседу.

Тут оружие не заблещет,
Как при светской грубой свалке, —
Будут копьями слова
В схоластической закалке.

То сошлись не на турнир
Два галантных паладина, —
Предстоит словесный бой
Капуцина и раввина.

Прикрывают их скуфья
И ермолка — те же шлемы.
«Арбеканфес» и нарамник —
Их доспехи и эмблемы.

Кто воистину господь?
Бог ли то евреев старый
И единый, чей поборник —
Рабби Юда из Наварры,

Или это триединый
Бог по вере христианской,
Чей поборник — патер Хозе,
Настоятель францисканский?

Подбирая аргументы
И логические звенья
И ссылаясь на ученых,
Вес которых — вне сомненья,

Хочет каждый *ad absurdum*¹
Привести слова другого,
Превосходство доказав
Иисуса или Еговы.

Решено, что кто потерпит
В этом споре поражение,
Должен будет перейти
В победившее ученье;

¹ К абсурду (*лат.*).

Что окрестит иудея
Францисканец в наказанье,
И обратно — что грозит
Капуцину обрезанье.

И еврея и монаха
Окружают их клеветы;
Разделить судьбу вождей
Принесли они обеты.

В торжество Христовой веры
Твердо верят капуцины:
Со святой водой купели
Притащили на крестины

И уж держат паготове
И кропила и кадила;
Между тем ножи евреи
Бодро точат о точила.

Так стоят, готовясь к бою,
Обе своры среди зала,
И столпившийся народ
С нетерпеньем ждет сигнала.

Под навесом золотым,
С королем-супругом рядом,
Королева озирает
Круг придворных детским взглядом.

Носик вздернутый французский,
Шаловливые гримаски,
Уст улыбчивых рубины —
Сколько чар и сколько ласки!

Как цветок, она прекрасна.
Боже, бедную помилуй!
С берегов веселой Сены
Привезли ее в унылый

Край сухого этикета,
И зачахла, как в пустыне.

Бланш Бурбон в отчизне звали,
Доньей Бланкой стала ныне.

Сам король «Жестокий Педро»
Прозван слугами своими,
Но сегодня в духе он,
Лучше он, чем это имя.

С приближенными любезно
Разговаривает Педро,
Маврам и евреям тоже
Комплименты сыплет щедро.

В рыцарях без крайней плоти
Он обрел друзей бесценных —
Превосходных финансистов,
Выдающихся военных.

Затрещали барабаны,
Затрубили трубы, — это
Значит, что открылись пренья,
Что схватились два атлета.

Францисканец начал диспут
В тоне ярости священной.
Хриплым голосом рычит он
И визжит попеременно.

Именем отца и сына
И святого духа властно
Бесов он заклял, сидящих
В чаде Якова злосчастном.

Ведь известно, что при спорах
Часто черт сидит в еврее
И нашептывает мысли
Побойчей да поострее.

Чудодейством заклинанья
Выгнав дьявола умело,
За догматику он взялся,
Катехизис двинул в дело.

Говорит, что божество
Воплощается в трех лицах.
Но все трое, если нужно,
Воедино могут слиться;

Что постигнуть это чудо
И поверить не на шутку
Может только тот, кто бросит
Вызов здравому рассудку;

Что родился наш господь
В Вифлееме, в скромном хлеве,
И внушен святым был духом
Сохранившей девство деве;

Что лежал спаситель в яслях,
И смотрели, выгнув спины,
На него бычок и телка
Взором набожной скотины;

Что бежал в Египет бог,
Жизнь от Ирода спасая,
Но затем его постигла
В Палестине участь злая,

Ибо Понтием Пилатом
По наветам фарисеев
Был он отдан на распятие
В руки мерзостных евреев;

Что уже на третий день
Гроб господь пустым оставил
И прямым путем оттуда
В небо свой полет направил;

Но, когда настанет время,
Он на землю возвратится
И живым и мертвым тварям
Повелит на суд явиться.

«Трепещите, — взвизгнул он, —
Перед богом, злые черти!

Вы его терзали, били
И подвергли крестной смерти.

О мучители Христовы,
Злонамеренное племя!
Вы поднесь — убийцы бога,
Как и были в оно время.

Род еврейский — это падаль,
Обиталище драконов,
И тела у вас — казармы
Для бесовских легионов.

Так сказал Фома Аквинский,
Муж великий и ученый,
Светоч знанья, коим горд,
Коим славен мир крещеный.

Вы, как волки, как шакалы,
Кровожадны и свирепы,
Вы — гены, на кладбищах
Расхищающие склепы!

Иудей! Вы — вампиры,
Носороги, крокодилы,
Кабаны, гиппопотамы,
Павианы и гориллы!

Совы, филины, вороны,
Пугачи, сычи, удоды,
Нечисть ночи, васплиски,
Богомерзкие уроды!

Гады, ящеры, ехидны,
Черви, пакостные жабы!
Искупителю вас всех
Раздавить давно пора бы.

Если ценно вам, проклятым,
Ваших бедных душ спасенье, —
Прочь из гнусной синагоги
В наши мирные селенья,

В светлый храм любви Христовой!
Там вам головы окатит,
Из святой струясь купели,
Ключ господней благодати.

Сбросьте ветхого Адама,
О повапленные гробы,
Смойте грех, отмойте плесень
Застарелой вашей злобы.

Божий глас ужель не внятен?
Он зовет вас, неофитов,
На груди Христа стяхнуть
Вашей скверны паразитов.

Воплотил наш бог любовь,
И святым его ученьем
Мы прониклись — милосердьем,
Миролюбьем и смиреньем.

Мы — такие добряки,
Что и мухи не обидим,
И когда-нибудь за это
В царство божие мы внидем.

Райским светом просияв,
Станем мы, как ангелочки,
Там бродить, держа в руках
Белых лилий стебелечки.

Вместо грубых ряс наденем
Белоснежные хитоны
Из парчи, муслина, шелка,
Ленты пестрые, помпоны.

И не будет лысин! Будут
Золотые кудри виться,
Заплетать их станут в косы
Нам красивые девицы.

Чаши для вина на небе,
Несомненно, будут шире,

Чем вспененные хмельпою
Влагой кубки в этом мире,

Но, напротив, много ўжс,
Чем у женщин, здесь желанных,
Будут ротики красавиц,
В небе нам обетованных.

Вечно будем мы вкушать
Хмель вина и поцелуя
И блаженно гимны петь
«Ирис» и «аллилуйя».

Так закончил он. Монахи,
Возомнив, что одолели,
Стали было для крещенья
Наполнять водой купели;

Но больны водобоязнью
Все евреи от рожденья;
Рабби Юда из Наварры
Слово взял для возраженья:

«Ты хотел во мне удобрить
Почву духа для посева,
Забросав меня навозом
Сквернословия и гнева.

На приемах — отпечаток
Воспитанья и пошиба.
Не сержусь я, и по дружбе
Говорю тебе спасибо.

Догмат троицы для нас —
Не спасительное средство:
Все мы правилом тройным
Занимаемся сыздетства.

Совместились три лица
В вашем боге? Что ж, немного!
У язычников шесть тысяч
Разных форм и видов бога.

Бог, по имени Христос,
Мне, признаться, неизвестен.
С дево́й-матерью встречаться
Не имел я также чести.

Если с ним тому назад
Более тысячелетья
Приключилась неприятность,
Рад об этом пожалеть я.

Но евреи ли убийцы, —
Вряд ли кто-нибудь дознался,
Если сам *delicti cognus*¹
К третьей ночи затерялся.

А что с ним наш бог в родстве —
Это просто чьи-то бредни,
Ведь насколько нам известно,
Был бездетен сей последний,

Бог наш для людского рода
Не согбен под крестной ношей,
Он совсем не филантроп,
Не слюнтяй и не святоша.

Бог наш — не любовь! К нему
С поцелуями не лезьте,
Ибо это грозный бог,
Громовержущий бог мести.

Гнев господень мечет стрелы
И разит виновных метко,
Отдаленные потомки
Часто платятся за предка.

Наш господь царит доселе
Средь небесного чертога,
И вовеки несть конца
В небесах господству бога.

¹ Вещественное доказательство преступления (*лат.*).

И притом он здоровяк,
А не миф какой-то хилый,
Тощий, бледный, как облатка
Иль как призрак из могилы.

Бог силен: в руках он держит
Все светила небосвода,
А когда нахмурит брови,
Гибнут троны и народы.

Бог велик — наш царь Давид
Говорит: величье божье
Нет возможности измерить,
Вся земля — его подножье.

Любит музыку наш бог,
Звуки струн и песнопенья,
Но к церковному трезвону
Он питает отвращенье.

И у бога рыба есть.
Слышал о Левиафане?
Каждый день по часу с ним
Бог играет в океане.

Только в день девятый аба,
В день, когда был храм развален,
Бог наш с рыбой не играет,
Слишком он тогда печален.

У той рыбы плавники
Велики, как царь Васанский
Ог, длина ее, — сто миль,
Хвост — как старый кедр ливанский.

Ну, а мясо у нее —
Это просто объеденье!
В день восстания из мертвых
Бог отправит приглашенье

Всем, кто шел его стезею,
С ним совместно отобедать

И его любимой рыбы,
Рыбы господа, отведать,

Частью в соусе чесночном,
Частью в винном. А винцо-то!
Приготовят эту рыбу
Наподобье мателота.

В белом соусе чесночном
Редька плавает в приправу.
Я уверен, патер Хозе,
Что наешься ты на славу.

Но и винную подливку
Неприменно ты попробуй,
Если ты, мой патер Хозе,
Ублажишь свою утробу.

Бог наш знает в кухне толк,
Так не будь же ты болваном:
Распрощайся с крайней плотью,
Насладись Левиафаном!»

Так противника прельщает
Рабби сладкими словами,
И еврей, ухмыляясь,
Приближаются с ножами,

Чтобы в знак своей победы
Поживиться плотью крайней,
Этим *spolium orimum*¹
В сей борьбе необычайной.

Но враги за веру предков
И за плоть свою держались,
Не хотели с ней расстаться
И упорно не сдавались.

Принялся монах раввина
Поносить еще безбожней,

¹ Оружие, отнятое у врага (*лат.*).

Речь его — ночной горшок,
И к тому же не порожний.

Снова рабби возражает,
В сердце затаив обиду,
И, хоть кровь кипит от гнева,
Все же он спокоен с виду.

Он ссылается на «мишну»,
Комментарии, трактаты,
Почерпнул и в «Таусфес-Ионтеф»
Очень веские цитаты.

Но какое допустил
Богохульство патер грубый:
Он послать себе позволил
«Таусфес-Ионтеф» к черту в зубы.

«Боже, тут всему конец! —
Крикнул рабби в испугленьи
И совсем осатанел —
Видно, лопнуло терпеньи. —

«Таусфес-Ионтефу» велишь ты
К черту в зубы убираться?
Покарай кощунство, боже,
Ниспровергни святотатца,

Ибо «Таусфес-Ионтеф» — это
Ты, создатель, и фигляру
За хулу на «Таусфес-Ионтеф»
Должен ты назначить кару.

Пусть провалится сквозь землю,
Как погибли те злодеи,
Что восстали на тебя
Под командою Корея!

Громыхни громчайшим громом,
Изуродуй изувера, —
Ведь нашлись же для Содома
И Гоморры огнь и сера.

Порази ты капуцинов,
Как однажды фараона,
От которого стречка
Дали мы во время оно.

Он стотысячное войско
Приготовил для погони,
Потрясавшее мечами
И закованное в брони,

Но ты спас, простерши длань,
Свой народ от супостата:
Все сто тысяч в Красном море
Утонули, как котятa.

Так ударь по капуцинам,
Чтоб не думали, обломы,
Что твой гнев уже не страшен,
Что твои заглохли громы.

Я тогда твою победу
Прославлять не перестану
И пущусь, как Мирьям, в пляс
И ударю по тимпану».

Но разгневанного рабби
Перебил католик рьяный:
«Чтоб ты сам пропал, проклятый,
Чтоб ты сгинул, окаянный!

Мне не страшен бог твой грязный,
Не боюсь чертей нимало —
Люцифера, Вельзевула,
Астарота, Белиала.

Не боюсь твоих я духов,
Темной силы преисподней, —
Сам Христос в меня вселился,
Плоти я вкусил господней.

Причастился я Христа,
Им я лакомиться стану,

Не притронусь я к дрянному
Твоему Левиафану.

Чем на споры время тратить,
Всех бы вас я, к пользе вящей,
На костре жарчайшем жарил
Иль варил в смоле кипящей!»

Так за веру и творца
Исступленно бьются оба,
И конца не видно спору,
И не может стихнуть злоба.

Длится диспут целый день,
Но противники упрямы.
Очень публика устала,
И потеют сильно дамы.

Все придворные зевают
И клюют от скуки носом.
Наконец король к жене
Обращается с вопросом:

«Каково решение ваше?
Чья религия мудрее?
Подаете ли вы голос
За монаха иль еврея?»

Донья Бланка на него
Посмотрела в размысленье
И, прижав ко лбу ладони,
Так сказала в заключение:

«Ничего не поняла
Я ни в той, ни в этой вере,
Но мне кажется, что оба
Портят воздух в равной мере».

ЗАМЕТКИ

РАМПСЕНИТ

По свидетельству египетских жрецов, казна Рамсепита была так богата, что ни один из последующих царей не мог не только превзойти его, но даже сравниться с ним. Желая сохранить в неприкосновенности свои сокровища, выстроил он будто бы каменную кладовую, одна стена которой прилегала к наружной стороне его дворца. Однако зодчий со злым умыслом устроил следующее. Он приспособил один из камней таким образом, что два человека или даже один могли легко вынуть его из стены. Соорудив эту кладовую, царь укрыл в ней свои сокровища. И вот по прошествии некоторого времени позвал к себе зодчий, незадолго перед кончиною, сыновей (коих у него было двое) и поведал им про то, как он позаботился о них, чтобы жить им в изобилии, и про хитрость, которую применил при сооружении царской сокровищницы; и точно объяснив, как вынимать тот камень, указал он им также нужную для сего меру и в заключение добавил, что если они станут все это исполнять, то царские сокровища будут в их руках. Затем кончилась его жизнь; сыновья же его не замедлили приступить к делу: они пошли ночью к царскому дворцу, в самом деле нашли камень в стене, с легкостью обошлись с ним и унесли с собою много сокровищ. Когда же царь снова открыл кладовую, то изумился, увидав, что сосуды с сокровищами не полны до краев. Однако обвинить в этом он никого не мог, так как печати (на дверях)

были целы и кладовая оставалась запертой... Однако когда он, побывав дважды и трижды, увидел, что сокровище становится все меньше (так как воры не переставали обкрадывать его), он сделал следующее. Он приказал изготовить капканы и поставил их вокруг сосудов с сокровищами. Когда же воры пришли снова и один из них прокрался внутрь и приблизился к сосуду, он тотчас же попал в капкан. Поняв приключившуюся с ним беду, он окликнул брата, объяснил ему случившееся и приказал как можно скорее влезть и отрезать ему голову, дабы и того не вовлечь в погибель, если его увидят и узнают, кто он такой. Тот согласился со сказанным и поступил по совету брата, затем приладил камень снова так, чтобы совпадали швы, и пошел домой, унося с собой голову брата. Когда же наступил день и царь вошел в кладовую, был он весьма поражен видом обезглавленных останков вора, застрявшего в капкане, между тем как кладовая оставалась нетронутой и не было в нее ни входа, ни какой-нибудь лазейки. Говорят, что, попав в такое затруднительное положение, он поступил следующим образом. Он велел повесить труп вора на стене и подле него поставил стражу, приказав ей схватить и привести к нему всякого, кто будет замечен плачущим или стенающим. Когда же труп был таким образом повешен, мать вора очень скорбела об этом. Она поговорила со своим оставшимся в живых сыном и потребовала от него каким бы то ни было способом снять труп брата; и когда он хотел уклониться от этого, она пригрозила, что пойдет к царю и донесет, что это он взял сокровища. Когда же мать проявила такую суровость к оставшемуся в живых сыну и все его увещания не привели ни к чему, говорят, он употребил следующую хитрость. Он снарядил несколько ослов, навьючил на них мехи с вином и затем погнал ослов впереди себя; и когда он поравнялся со стражей, сторожившей повешенный труп, он дернул развязанные концы трех или четырех мехов. Когда вино потекло, он стал с громким криком бить себя по голове, как бы не зная, к которому из ослов раньше броситься. Сторожа, однако, увидав вытекавшее в изобилии вино, сбежали с сосудами на дорогу и собрали вытекавшее вино в качестве законной своей добычи, — чем он притворился немало рассерженным и ругал всех их. Но когда стража стала утешать его, он притворился, будто

мало-помалу смягчается и гнев его проходит; наконец он согнал ослев с дороги и стал поправлять на них сбрую. Когда же теперь слово за слово они разговорились и стали смешить его шутками, он отдал им еще один мех в придачу, и тогда они решили улечься тут же на месте пить, пожелали также его присутствия и приказали ему остаться, чтобы выпить здесь вместе с ними, на что он согласился и остался там. В конце концов, так как стража ласково обращалась с ним во время попойки, он отдал ей в придачу еще второй мех... Тогда вследствие основательной выпивки сторожа перепились сверх всякой меры и, обессиленные сном, растянулись на том самом месте, где пили. Так как была уже глухая ночь, он снял труп брата и обстриг еще в знак поругания всем сторожам правые половины бород; положил затем труп на ослев и погнал их домой, исполнив таким образом то, что заповедала ему мать.

Царь же, когда ему донесли, что труп вора украден, будто бы очень разгневался; и так как он во что бы то ни стало хотел открыть виновника этих проделок, то употребил, чему я не верю, следующее средство. Родную дочь он поместил в балагане, как если бы она продавала себя, и приказал ей допускать к себе всякого без различия; однако прежде чем сойтись, она должна была заставлять каждого рассказать ей самую хитрую и самую бессовестную проделку, какую он совершил в своей жизни, и если бы при этом кто-нибудь рассказал ей историю о воре, того должна была она схватить и не выпускать. Девушка действительно поступила так, как ей приказал отец, но вор дознался, к чему все это устроено, решил еще раз превзойти царя хитростью и будто сделал следующее. Он отрезал от свежего трупа руку по плечо и взял ее под плащом с собою. Таким образом пошел он к царевой дочери, и, когда она его, так же как и других, спросила, он рассказал ей, как самую бессовестную свою проделку, что он отрезал голову родному брату, попавшемуся в царской сокровищнице в капкан, и как самую хитрую, что он напоил стражу допьяна и снял повешенный труп брата. При этих словах она хотела его схватить, но вор протянул ей в темноте мертвую руку, которую она схватила и удержала, убежденная, что держит его собственную руку; между тем он отпустил эту последнюю и поспешно скрылся

в дверь. Когда же об этом донесли царю, он совсем изумился изворотливости и смелости того человека. Но в конце концов он будто бы велел объявить по всем городам, что дарует безнаказанность этому человеку и обещает ему всяческие блага, если тот откроет себя и предстанет перед ним.

Вор этому доверился и предстал пред ним; и Рамсеснит чрезвычайно восхищался им, даже отдал ему в жены ту дочь, как умнейшему из людей, поскольку египтян он считал мудрейшим из народов, а этого человека мудрейшим из египтян.

(Г е р о д о т. История, книга II, глава 121)

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ГАСТИНГСЕ ПОГРЕБЕНИЕ КОРОЛЯ ГАРОЛЬДА

Два саксонских монаха, Асгот и Айльрик, посланные настоятелем Вальдгема, просили разрешения перенести останки своего благодетеля к себе в церковь, что им и разрешили. Они ходили между горами тел, лишенных оружия, и не находили того, кого искали: так был он обезображен ранами. В печали, отчаявшись в счастливом исходе своих поисков, обратились они к одной женщине, которую Гарольд, прежде чем стать королем, содержал в качестве любовницы, и попросили ее присоединиться к ним. Ее звали Эдит, и она носила прозвище Красавицы с лебединой шеей. Она согласилась пойти вместе с обоими монахами, и оказалось, что ей легче, чем им, найти тело того, кого она любила.

(О. Ть е р р и. История завоевания Англии норманнами)

ВОСПОМИНАНИЕ

И маленький Вильгельм лежит там, и в этом я виноват. Мы были школьными товарищами в монастыре францисканцев, играли в том месте его, где между каменных стен течет Дюссель, и я сказал: «Вильгельм, вытащи кошечку, которая упала в воду!» И он весело вскочил на доску,

перекипугую через ручей, вытащил копейку из воды, но сам упал туда, и когда его извлекли, он был мокр и мертв. Кошечка жила еще долго.

(«Путевые картины» Генриха Гейне, вторая часть, гл. VI)

ИЕГУДА БЕН-ГАЛЕВИ

Песнь, пропетая левитом Иегудой, украшает главу общины, точно драгоценнейшая диадема, точно жемчужная цепь обвивает его шею. Он — столп и утверждение храма песнопения, — пребывающий в чертогах науки, могучий, мечущий песнь, как копьё... повергнувший исполнителей песни, их победитель и господин. Его песни лишают мудрых мужества песнопения — перед ними почти иссякают сила и пламень Ассафа и Иедутана, и пение карахитов кажется слишком долгим. Он ворвался в житницы песнопения, и разграбил запасы их, и унес с собою прекраснейшие из орудий, — он вышел наружу и затворил врата, чтобы никто после него не вступил в них. И тем, кто следует за ним по стопам его, чтобы перенять искусство его пения, — им не настичь даже пыли его победной колесницы. Все певцы несут на устах его слово и добывают землю, по которой он ступал. Ибо в творениях художественной речи язык его проявляет силу и мощь. Своими молитвами он увлекает сердца, покоряя их, в своих любимых песнях он нежен, как роса, и воспламеняет, как пылающие угли, и в своих жалобах струится облаком слез, в посланиях и сочинениях, которые он слагает, заключена вся поэзия.

(«Рабби Соломон Аль-Харизи о раббине Иегуде Галеве»)

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОМАНСЕРО

Я назвал эту книгу «Романсеро», поскольку тон романа преобладает в стихах, которые здесь собраны. Я написал их, за немногими исключениями, в течение трех последних лет, среди всевозможных физических тягот и мучений. Одновременно с «Романсеро» я выпускаю в том же издательстве небольшую книжечку, которая носит название «Доктор Фауст, поэма для танца, а также курьезные сообщения о дьяволе, ведьмах и стихотворном искусстве». Я рекомендую последнюю достопочтенной публике, которая не прочь приобретать знания о такого рода предметах без всякого умственного напряжения; это тонкая, ювелирная работа, при виде которой покачает головою не один неискусный кузнец. Я намеревался первоначально включить это произведение в «Романсеро», но отказался от этого, чтобы не нарушать единства настроения, которое господствует в последнем и создаст его колорит. Эту поэму для танца я написал в 1847 году, в то время когда мой злой недуг шагнул уже далеко вперед, хотя не бросил еще свои мрачные тени на мою душу. Я сохранил еще в то время немножко мяса и язычества и еще не был исхудалым, спиритуалистическим скелетом, нетерпеливо ожидающим своего окончательного уничтожения. Но в самом деле, разве я еще существую? Плоть моя до такой степени измождена, что от меня не осталось почти ничего, кроме голоса, и кровать моя напоминает мне вещающую могилу волшебника Мерлина, погребенного в лесу Броселиан, в Бретани, под сенью высоких дубов, вершины которых

пылают, подобно зеленому пламени, устремленному к небу. Ах, коллега Мерлин, завидую тому, что у тебя есть эти деревья и их свежее веяние; ведь ни единый шорох зеленого листка не доносится до моей матрацной могилы в Париже, где я слышу с утра до вечера только грохот экипажей, стук, крики и бречанье на рояле. Могила без тишины, смерть без привилегий мертвецов, которым не приходится тратить деньги и писать письма или даже книги, — печальное положение! Давно уже сняли с меня мерку для гроба, да и для некролога тоже, но умираю я так медленно, что это становится прямо-таки несносным и для меня и для моих друзей... Но терпение! Всему приходит конец. Как-нибудь утром вы найдете закрытым балаганчик, в котором вас так часто потешали кукольные комедии моего юмора.

Но что станется, когда я умру, с бедными петрушками, которых я годы выводил на сцену во время этих представлений? Какая судьба ждет, например, Массмана? Я расстаюсь с ним так неохотно, и мною овладевает поистине глубокая печаль, когда я вспоминаю стихи:

О, где же короткие ножки его,
У носа бородавки?
Как пудель, он быстро, бодро, свежо
Кувьркается на травке.¹

И он знает латынь. Правда, я так часто утверждал противоположное в своих писаниях, что никто уже не сомневался в моих утверждениях, и несчастный стал предметом всеобщего осмеяния. Мальчишки в школе спросили его, на каком языке написан «Дон-Кихот»? И когда мой бедный Массман отвечал: на испанском, — они возразили, что он ошибается, — «Дон-Кихот» написан по-латыни, и он спутал ее с испанским. Даже у собственной его супруги достало жестокости кричать во время домашних недоразумений, что ей странно, как супруг не понимает того, что она разговаривает с ним все-таки по-немецки, а не по-латыни. Бабушка Массмана, прачка безукоризненной нравственности, стиравшая когда-то на Фридриха Великого, умерла, огорченная позором своего внука; дядя, честный старопрусский латальщик сапог, вообразил, будто опозорен весь его род, и от досады спился.

¹ Перевод Ю. Тынянова.

Я сожалею, что юношеское мое легкомыслие натворило столько бедствий. Почтенной прачке я, к сожалению, уже не могу вернуть жизнь и не могу отвадить от водки чувствительного дядюшку, валяющегося пыле в сточных канавах Берлина; но его самого, моего бедного шута Массмана, я намерен реабилитировать в общественном мнении, торжественно взяв обратно все, что когда бы то ни было высказывал по поводу его безлатинья, его латинской импотенции, его *magna linguae romanae ignorantia*.¹

Я все-таки облегчил бы таким образом свою совесть. Когда лежишь на смертном одре, становишься очень чувствительным и мягкосердечным и не прочь примириться с богом и с миром. Признаю: многих я царапал, многих кусал и отнюдь не был агнцем. Но, поверьте мне, прославленные агнцы кротости вовсе не вели бы себя так смиренно, если бы обладали клыками и когтями тигра. Я могу похвалиться тем, что лишь изредка пользовался этим естественным оружием. С тех пор как я сам нуждаюсь в милосердии божьем, я даровал амнистию всем своим врагам; много превосходных стихотворений, направленных против очень высоких и очень низменных персон, не были поэтому включены в настоящий сборник. Стихотворения, хотя бы отдаленно заключающие в себе колкости против господ бога, я с боязливым рвением предал огню. Лучше пусть горят стихи, чем стихотворец. Да, я пошел на мировую с создателем, как и с созданием, к величайшей досаде моих просвещенных друзей, которые упрекали меня в этом отступничестве, в возвращении назад, к старым суевериям, как им угодно было окрестить мое возвращение к богу. Иные, по нетерпимости своей, выражались еще резче. Высокий собор служителей атеизма предал меня анафеме, и находятся фанатические попы неверия, которые с радостью подвергли бы меня пытке, чтобы вынудить у меня признание во всех моих ересьях. К счастью, они не располагают никакими другими орудиями пытки, кроме собственных писаний. Но я готов и без пытки признаться во всем. Да, я возвратился к богу, подобно блудному сыну, после того как долгое время пас свиней у гегельянцев. Были ли то беды, что пригнали меня обратно? Были ли то несчастья, что пригнали меня обратно?

¹ Великого поведения языка римлян (*лат.*)

Быть может, менее ничтожная причина. Тоска по небесной родине напала на меня и гнала через леса и ущелья, по самым головокружительным тропинкам диалектики. На пути мне попался бог пантеистов, но я не мог им воспользоваться... Это убогое мечтательное существо переплелось и срослось с миром, оно как бы заточено в нем и зевает тебе в ответ, безвольное и немощное. Обладать волей можно только будучи личностью, а проявить волю можно только тогда, когда не связаны локти. Когда страстно желаешь бога, который в силах помочь, — а ведь это все-таки главное, — нужно принять и его личное бытие, и его внемирность, и его священные атрибуты, всеблагодать, всеведение, всеправедность и т. д. Бессмертие души, наше потустороннее существование, достается нам в придачу, точно прекрасная мозговая кость, которую мясник бесплатно подсовывает в корзинку, когда он доволен покупателем. Такого рода прекрасная мозговая кость зовется на языке французской кухни *la réjouissance*,¹ и на ней готовят совершенно замечательные бульоны, чрезвычайно крепительные и усладительные для бедного истощенного больного. То, что я не отказался от такого рода *réjouissance*, но напротив, с приятностью воспринял ее душою, одобрит всякий не лишенный чувства человек.

Я говорил о божестве пантеистов, но не могу при этом не заметить, что он в сущности вовсе не бог, да и собственно говоря пантеисты — не что иное, как стыдливые атеисты; они страшатся не столько самого предмета, сколько тени, которую он отбрасывает на стену, или его имени. В Германии во времена реставрации большинство разыгрывало такую же пятнадцатилетнюю комедию с господом богом, какую здесь, во Франции, разыгрывали с королевской властью конституционные роялисты, бывшие по большей части в глубине души республиканцами. После Июльской революции маски были сброшены и по ту и по другую сторону Рейна. С тех пор, в особенности же после падения Луи-Филиппа, лучшего монарха, когда бы то ни было носившего конституционный терновый венец, здесь, во Франции, сложился взгляд, согласно которому только две формы правления, абсолютная монархия и республика,

¹ Кости, которые мясник дает в придачу к отвешенному мясу (франц.).

могут выдержать критику разума или опыта, и необходимо выбрать одну из двух, промежуточные же смеси ложны, неосновательны и пагубны. Точно таким же образом в Германии всплыло убеждение в том, что необходимо сделать выбор между религией и философией, между откровением, ниспосланным догматами веры, и последними выводами мышления, между абсолютным библейским богом и атеизмом.

Чем мужественнее умы, тем легче становятся они жертвою подобных дилемм. Что касается меня, я не могу похвастаться особенным прогрессом в политике; я оставался при тех же демократических принципах, которым моя юность поклялась в верности и во имя которых я с тех пор пылал все горячее. В теологии, наоборот, мне приходится каяться в регрессе, причем возвратился я, как уже заявлено выше, к старому суеверию, к личному богу. Этого никак нельзя затушевать, что пытались сделать иные просвещенные и доброжелательные друзья. Однако же я должен категорически опровергнуть слух, будто мое отступление привело меня к порогу той или иной церкви или даже в самое ее лоно. Нет, мои религиозные убеждения и взгляды по-прежнему свободны от всякой церковности; никаким колокольным звоном я не соблазнился, и ни одна алтарная свеча не ослепила меня. Я никогда не играл в ту или иную символику и не вполне отрекся от моего разума. Я никого не предал, даже своих языческих богов, от которых я, правда, отвернулся, однако расставшись с ними дружески и любовно. Это было в мае 1848 года, в день, когда я в последний раз вышел из дому и простился с милыми кумирами, которым поклонялся во времена моего счастья. Лишь с трудом удалось мне доплестись до Лувра, я чуть не упал от слабости, войдя в благородный зал, где стоит на своем постаменте вечно благословенная богиня красоты, наша мать божья из Милоса. Я долго лежал у ее ног и плакал так горестно, что слезами моими тронулся бы даже камень. И богиня глядела на меня с высоты сочувственно, но так безнадежно, как будто хотела сказать: «Разве ты не видишь, что у меня нет рук и я не могу тебе помочь?!»

Я не стану продолжать, ибо впадаю в плаксивый тон, который, пожалуй, может стать еще более плаксивым, когда я подумаю о том, что должен ныне расстаться

и с тобою, дорогой читатель... Нечто вроде умиления овладевает мною при этой мысли, ибо расстаюсь я с тобою неохотно. Автор привыкает в конце концов к своей публике, точно она разумное существо. Да и ты как будто огорчен тем, что я должен проститься с тобою: ты растроган, мой дорогой читатель, и драгоценные перлы катятся из твоих слезных мешочков. Но успокойся, мы свидимся в лучшем мире, где я к тому же рассчитываю написать для тебя книги получше. Я исхожу из предположения, что там поправится и мое здоровье и что Сведенборг не налгал мне. Ведь он с большою самоуверенностью рассказывает, будто в ином мире мы будем спокойно продолжать наши старые занятия точь-в-точь так же, как предавались им в этом мире, будто сохраним там в неприкосновенности свою индивидуальность и будто смерть не вызовет особых пертурбаций в нашем органическом развитии. Сведенборг — честен до мозга костей, и достойны доверия его показания об ином мире, где он самолично встречался с персонами, игравшими значительную роль на нашей земле. Большинство из них, говорит он, никак не изменились и занимаются теми же делами, которыми они занимались и раньше; они остались стационарными, одряхлели, впали в старомодность, что иногда бывало очень смешно. Так, например, драгоценный наш доктор Мартин Лютер застрял на своем учении о благодати и в защиту его ежедневно в течение трехсот лет переписывает одни и те же заплесневелые аргументы — совсем как покойный барон Экштейн, который двадцать лет подряд печатал во «Всеобщей газете» одну и ту же статью, упорно пережевывая старую иезуитскую закваску. Не всех, однако, игравших роль на земле, застал Сведенборг в таком окаменелом оцепенении: иные изрядно усовершенствовались как в добре, так и во зле, и при этом происходят весьма странные вещи. Герои и святые сего мира стали там отъявленными негодьями и беспутниками, но наряду с этим случалось и обратное. Так, например, святому Антонию ударил в голову хмель высокомерия, когда он узнал, какое необыкновенное почитание и преклонение воздает ему весь христианский мир, и вот он, поборовший здесь, на земле, ужаснейшие искушения, стал теперь совсем наглым проходимцем и достойным петли распутником и валяется в дерьме, соревнуясь с собственной свиньей. Целомудренная

Сусанна дошла до предельного позора потому, что тщеславилась собственно нравственностью, в непобедимость которой она уверовала, устояв когда-то столь достопаувно перед старцами; и она поддалась прелести юного Авессалома, сына Давидова. Дочери Лота, напротив, с течением времени очень укрепились в добродетели и сльвут в том мире образцами благопристойности; старик же, по несчастью, как и раньше, привержен к винной бутылке.

Как бы глупо ни звучали эти рассказы, они, однако, столь же знаменательны, сколь и остроумны. Великий скандинавский ясновидец проник в единство и неделимость нашего бытия и в то же время вполне правильно познал и признал неотъемлемые права человеческой индивидуальности. Посмертное бытие у него вовсе не какой-нибудь идеальный маскарад, ради которого мы облекаемся в новые куртки и в нового человека: человек и костюм остаются у него неизменными. В ином мире Сведенборга уютно почувствуют себя даже бедные гренландцы, которые в старину, когда датские миссионеры попытались обратить их в христианство, задали им вопрос: водятся ли в христианском рау тюлени? Получив отрицательный ответ, они с огорчением заявили: в таком случае христианский рай не годится для гренландцев, которые, мол, не могут существовать без тюленей.

Как противится душа мысли о прекращении нашего личного бытия, мысли о вечном уничтожении. *Noggor vasu!*¹ которую приписывают природе, гораздо более сродни человеческому чувству. Утешься, дорогой читатель, мы будем существовать после смерти и в ином мире также найдем своих тюленей.

А теперь будь здоров, и если я тебе что-нибудь должен, пришли мне счет.

Написано в Париже, 30 сентября 1851 г.

Генрих Гейне

¹ Боязнь пустоты (лат.).

СТИХОТВОРЕНИЯ
1853 и 1854

1

АЛКАЯ ПОКОЯ

Пусть кровь течет из раны, пусть
Из глаз струятся слезы чаще.
Есть тайная в печали страсть,
И нет бальзама плача слаще.

Не ранен ты чужой рукой,
Так должен сам себя ты ранить,
И богу отдавай хвалу,
Коль взор начнет слеза туманить.

Спадает шум дневной; идет
На землю ночь с протяжной дремой, —
В ее руках тебя ни плут
Не потревожит, ни знакомый.

Здесь ты от музыки спасен,
От пытки фортепьяно пьяных,
От блеска Оперы Большой
И страшных всплесков барабанных.

Здесь виртуозы не теснят
Тебя тщеславною оравой,
И с ними гений Джакомо
С его всемирной клакой славы.

О гроб, ты рай для тех ушей,
Которые толпы боятся.

Смерть хороша, — всего ж милей,
Когда б и вовсе не рождался.

2

В МАЕ

Друзьями, которых я пылко любил,
Бесстыдно обманут и предан я был.
Мне грустно. А солнце, смеясь и сверкая,
Приветствует буйство веселого мая.

Все празднично. Птицы поют в вышине.
Цветы и девушки рады весне,
И светится счастье в улыбке их ясной.
Но как ты мерзок, мир прекрасный!

Я в Орк бежать готов подчас.
Он гнусным контрастом не режет нам глаз,
И легче тянуть постылые годы
В ночи, где плачут стигийские воды.

Лай Цербера сторожевой,
Хрип стимфалид и фурий вой,
И Леты призрачная гладь,
Все раздражающе под стать

Недугам и тоске сердечной.
В проклятом царстве скорби вечной,
Подвластном хмурому Плутону,
Все как-то созвучно страданью и стону.

А здесь, наверху, мне горьки до слез
Сиянье солнца и запах роз,
Дразнящие сердце надеждой напрасной.
О, как ты мерзок, мир прекрасный!

ТЕЛО И ДУША

Так говорит душа: «О тело!
 Я одного бы лишь хотела:
 С тобой вовек не разлучаться,
 С тобой во мрак и в ночь умчаться.
 Ведь ты — мое второе я,
 И одекаешь ты меня,
 Как бы наряд, что шелком шит
 И горностаями подбит.
 Увы мне! Я теперь должна,
 Абстрактна и оголена,
 Навек блаженным стать Ничем,
 В холодный перейти эдем,
 В чертоги те, где свет не тмится,
 Где бродит эонов немых вереница,
 Уныло зевая, — тоску вокруг
 Наводит их туфель свинцовых стук.
 Как я все это претерплю?
 О тело, будь со мной — молю!»

И тело отвечает ей:
 «Утешься от своих скорбей!
 Должны мы выносить с тобою,
 Что нам назначено судьбою.
 Я лишь фитиль; его удел —
 Чтоб в лампе он дотла сгорел.
 Ты — чистый спирт, и станешь ты
 Звездой небесной высоты
 Блистать навек. Я, прах исконный,
 Остаток вещества сожженный,
 Как все предметы, стану гнилью
 И, наконец, смешаюсь с пылью.
 Теперь прости, не унывай!
 Приятнее, быть может, рай,
 Чем кажется отсюда он.
 Привет медведю, если б он,
 Великий Бер¹ (не Мейербер),
 Предстал тебе средь звездных сфер!»

¹ Игра слов: Бер — медведь (нем.).

КРАСНЫЕ ТУФЛИ

Кошка была стара и зла,
Она сапожницею слыла;

И правда, стоял лоток у окошка,
С него торговала туфлями кошка,
А туфельки, как напоказ,
И под сафьян и под атлас,
Под бархат и с золотою каймой,
С цветами, с бантами, с бахромой.
Но издали на лотке видна
Пурпурно-красная пара одна;
Она и цветом и видом своим
Девчонкам нравилась молодым.

Благородная белая мышка одна
Проходила однажды мимо окна;
Прошла, обернулась, опять подошла,
Посмотрела еще раз поверх стекла —
И вдруг сказала, робея немножко:
«Сударыня киска, сударыня кошка,
Красные туфли я очень люблю,
Если недорого, я куплю».

«Барышня, — кошка ответила ей, —
Будьте любезны зайти скорей,
Почтите стены скромного дома
Своим посещением, я знакома
Со всеми по своему занятию —
Даже с графинями, с высшей знатью.
Туфельки я уступлю вам, поверьте, —
Только подходят ли вам, примерьте —
Ах, право, один уж ваш визит...» —
Так хитрая кошка лебезит.

Неопытна белая мышь была,
В притон убийцы она вошла,
И села белая мышь на скамью
И ножку вытянула свою —
Узнать, подходят ли туфли под меру, —
Являя собою невинность и веру.

Но в это время, грозы внезапней,
Кошка ее возьми да цапни
И откусила ей голову ловко
И говорит ей: «Эх ты, головка!
Вот ты и умерла теперь.

Но эти красные туфли, поверь,
Поставлю я на твоём гробу,
И когда затрубит архангел в трубу,
В день воскресения, белая мышь,
Ты из могилы выползи лишь,
Как все другие в этот день, —
И сразу красные туфли надень».

М о р а л ь

Белые мышки — мой совет:
Пусть не прельщает вас суетный свет,
И лучше пускай будут босы ножки,
Чем спрашивать красные туфли у кошки.

5

ВАВИЛОНСКИЕ ЗАБОТЫ

Да, смерть зовет... Но я, признаться,
В лесу хочу с тобой расстаться,
В той дикой чаще, где среди хвои
Блуждают волки, глухо воя,
И мерзко хрюкает жена
Владыки леса — кабана.

Да, смерть зовет... Но в час кончины
Хочу, чтоб посреди пучины
Любовь моя, мое дитя,
Осталась ты... Пусть вихрь, свистя,
Взбивает волны, в бездне тонет,
Со дна морских чудовищ гонит
И алчно жертву рвут на части
Акул и крокодилов пасти.
Матильда! О мой друг прекрасный!
Поверь мне, что не так опасны
Ни дикий лес, ни шальной прибой,
Как город, где нынче живем мы с тобой.

Куда страшнее, чем волки и совы,
И всякие твари со дна морского
Те бестии, что не в лесах, а тут —
В блестящей столице, в Парлже, живут.

Сей пьющий, поющий, танцующий край
Для ангелов — ад и для дьяволов — рай.
Тебя ли оставить мне в этом аду?!
Нет, я рехнусь, я с ума сойду!

С жужжаньем насмешливым надо мной
Черных мух закружился рой,
Иная на лоб или на нос садится.
У многих из них — человечесьи лица,
И хоботок над губой подвешен,
Как в Индостане, у бога Ганеши.
В мозгу моем слышится грохот и стук.
Мне кажется — там забивают сундук.
И прежде, чем землю покину я сам,
Мой разум пускается в путь к небесам.

6

НЕВОЛЬНИЧИЙ КОРАБЛЬ

I

Сам суперкарго мингер ван Кук
Сидит погруженный в заботы.
Он калькулирует груз корабля
И проверяет расчеты.

«И гумми хорош, и перец хорош, —
Всех бочек больше трех сотен.
И золото есть, и кость хороша,
И черный товар добротен.

Шестьсот чернокожих задаром я взял
На берегу Сенегала.
У них сухожилья — как толстый канат,
А мышцы — тверже металла.

В уплату пошло дрянное вино,
Стеклярус да сверток сатина.

Тут виды — процентов на восемьсот,
Хотя б умерла половина.

Да, если триста штук доживет
До гавани Рио-Жанейро,
По сотне дукатов за каждого мне
Заплатит Гонзалес Перейро.

Так передается мингер ван Кук
Мечтам, но в эту минуту
Заходит к нему корабельный хирург
Герр ван дер Смиссен в каюту.

Он сух, как палка; малиновый нос,
И три бородавки под глазом.
«Ну, эскулап мой! — кричит ван Кук, —
Не скучно ль моим черномазым?»

Доктор, отвесив поклон, говорит:
«Не скрою печальных известий.
Прошедшей ночью весьма возросла
Смертность среди этих бесний.

На круг умирало их по́ двое в день,
А нынче семеро пали —
Четыре женщины, трое мужчин.
Убыток проставлен в журнале.

Я трупы, конечно, осмотру подверг.
Ведь с этими шельмами горе:
Прикинется мертвым, да так и лежит,
С расчетом, что вышвырнут в море.

Я цепи со всех покойников снял
И утром, поближе к восходу,
Велел, как мною заведено,
Дохлятину выкинуть в воду.

На них налетели, как мухи на мед,
Акулы — целая масса;
Я каждый день их снабжаю пайком
Из негритянского мяса.

С тех пор как бухту покинули мы,
Они плывут подле борта.
Для этих каналов вонючий труп
Вкуснее всякого торта.

Занятно глядеть, с какой быстротой
Они учиняют расправу:
Та в ногу вцепится, та в башку,
А этой лохмотья по праву.

Нажравшись, они подплывают опять
И пялят в лицо мне глазищи,
Как будто хотят изъявить свой восторг
По поводу лакомой пищи».

Но тут ван Кук со вздохом сказал:
«Какие ж вы приняли меры?
Как нам убыток предотвратить
Иль снизить его размеры?»

И доктор ответил: «Свою беду
Накликали черные сами:
От их дыханья в трюме смердит
Хуже, чем в свалочной яме.

Но часть безусловно подохла с тоски, —
Им нужен какой-нибудь роздых.
От скуки безделья лучший рецепт —
Музыка, танцы и воздух».

Ван Кук вскричал: «Дорогой эскулап!
Совет ваш стоит червонца.
В вас Аристотель воскрес, педагог
Великого македонца!

Клянусь, даже первый в Дельфте мудрец,
Сам президент комитета
По улучшенью тюльпанов — и тот
Не дал бы такого совета!

Музыку! Музыку! Люди, наверх!
Ведите черных на шканцы,
И пусть веселятся под розгами те,
Кому неуютны танцы!»

II

В бездонной лазури мильоны звезд
Горят над простором безбрежным;
Глазам красавиц подобны они,
Загадочным, грустным и нежным.

Они, любясь, глядят в океан,
Где, света подводного полны,
Фосфоресцируя в розовой мгле,
Шумят сладострастные волны.

На судне свернуты паруса,
Оно лежит без оснастки,
Но палуба залита светом свечей, —
Там пенье, музыка, пляски.

На скрипке пиликает рулевой,
Доктор на флейте играет,
Юнга неистово бьет в барабан,
Кок на трубе завывает.

Сто негров, танцуя, беснуются там, —
От грохота, звона и пляса
Им душно, им жарко, и цепи, звеня,
Впиваются в черное мясо.

От бешеной пляски судно гудит,
И, с темным от похоти взором,
Иная из черных красоток, дрожа,
Сплятается с голым партнером.

Надсмотрщик — maître de plaisirs.¹
Он хлещет каждое тело,
Чтоб не ленились танцоры плясать
И не стояли без дела.

И ди-дель-дум-дей и шнед-дере-денг!
На грохот, на гром барабана
Чудовища вод, пробуждаясь от сна,
Плывут из глубин океана.

Спросонья акулы тянутся вверх,
Ворочая туши лениво,

¹ Распорядитель тапцев (франц.).

И одурело таращат глаза
На небывалое диво.

И видят, что завтрака час не настал,
И, чавкая сонно губами,
Протяжно зевают, — их пасть, как пила,
Усажена густо зубами.

И шнед-дере-денг и ди-дель-дум-дей, —
Все громче и яростней звуки!
Акулы кусают себя за хвост
От истерпенья и скуки.

От музыки их, вероятно, тошнит,
От этого гама и звона.
«Не любящим музыки тварям не верь», —
Сказал поэт Альбиона.

И ди-дель-дум-дей и шнед-дере-денг, —
Все громче и яростней звуки!
Стоит у мачты мингер ван Кук,
Скрестив молитвенно руки.

«О господи, ради Христа пощади
Жизнь этих грешников черных!
Не гневайся, боже, на них, ведь они
Глушей скотов безнадзорных.

Помилуй их ради Христа, за нас
Ислившего чашу позора!
Ведь если их выживет меньше трехсот,
Погибла моя контора!»

7

АФФРОНТЕНБУРГ

Прошли года! Но замок тот
Еще до сей поры мне снится.
Я вижу башню пред собой,
Я вижу слуг дрожащих лица,

И ржавый флюгер, в вышине
Скрипевший злобно и визгливо.

Едва слышав этот скрип,
Мы все смолкали боязливо,

И долго после мы за ним
Следили, рта раскрыть не смея:
За каждый звук могло влететь
От старого брюзги Борся.

Кто был умней — совсем замолк.
Там никогда не знали смеха.
Там и невинные слова
Коварно искажало эхо.

В саду у замка старый сфинкс
Дремал на мраморе фонтана,
И мрамор вечно был сухим,
Хоть слезы лил он непрестанно.

Проклятый сад! Там нет скалы,
Там нет заброшенной аллеи,
Где я не лил бы горьких слез,
Где сердце не терзали б змеи.

Там не нашлось бы уголка,
Где скрыться мог я от бесчестий,
Где не был уязвлен одной
Из грубых или тонких бестий.

Лягушка, подглядев за мной,
Донос строчила жабе серой,
А та, набравши силетен, шла
Шептаться с тетушкой виперой.

А тетка с крысой — две кумы,
И, спевшись, обе шельмы вскоре
Спешили в замок — всей родне
Трезвонить о моем позоре.

Рождались розы там весной,
Но не могли дожить до лета, —
Их отравлял незримый яд,
И розы гибли до расцвета.

И бедный соловей зачах, —
Безгрешный обитатель сада,

Он розам пел свою любовь
И умер от того же яда.

Ужасный сад! Казалось, он
Отягощен проклятьем бога.
Там сердце среди бела дня
Томила темная тревога.

Там все глумилось надо мной,
Там призрак мне грозил зеленый.
Порой мне чудились в кустах
Мольбы, и жалобы, и стоны.

В конце аллеи был обрыв,
Где, разыгравшись на просторе,
В часы прилива, в глубине
Шумело Северное море.

Я уходил туда мечтать.
Там были безграничны дали.
Тоска, отчаянье и гнев
Во мне, как море, клокотали.

Отчаянье, тоска и гнев,
Как волны, шли бессильной сменой, —
Как эти волны, что утес
Дробил, взметая жалкой пеной.

За вольным бегом парусов
Следил я жадными глазами.
Но замок проклятый меня
Держал железными тисками.

8

К ЛАЗАРИЮ

I

Брось свои иносказанья
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?

Кто виной? Иль воле бога
На земле не все доступно?
Или он играет нами? —
Это подло и преступно!

Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
Не забьют нам рта землею...
Да ответ ли это, полно?

II

Висок мой вся в черном госпожа
Нежно к груди прижала.
Ах! Проседи легла межа,
Где соль ее слез бежала.

Я ввергнут в недуг, грозит слепота, —
Вот как она целовала!
Мозг моего спинного хребта
Она в себя впивала.

Отживший прах, мертвец теперь я,
В ком дух еще томится —
Бьет он порой через края,
Он рвет, и мечет, и злится.

Проклятья бессильны! И ни одно
Из них не свалит мухи.
Неси же свой крест — роптать грешно,
Похнычь, но в набожном духе.

III

Как медлит время, как ползет
Оно чудовищной улиткой!
А я лежу не шевелясь,
Терзаемый все той же пыткой.

Ни солнца, ни надежды луч
Не светит в этой темной келье,
И лишь в могилу, знаю сам,
Отправлюсь я на новоселье.

Быть может, умер я давно,
И лишь видения былого
Толпою пестрой по ночам
В мозгу моем проходят снова?

Иль для языческих богов,
Для призраков иного света
Ареной оргий гробовых
Стал череп мертвого поэта?

Из этих страшных, сладких снов,
Бегущих в буйной перекличке,
Поэта мертвая рука
Стихи слагает по привычке.

IV

Цветами цвел мой путь весенний,
Но лень срывать их было мне.
Я мчался, в жажде впечатлений,
На быстроногом скакуне.

Теперь, уже у смерти в лапах,
Бессильный, скрюченный, больной,
Я слышу вновь дразнящий запах
Цветов, не сорванных весной.

Из них одна мне, с юной силой,
Желтофиоль волнует кровь.
Как мог я сумасбродки милой
Отвергнуть пылкую любовь!

Но поздно! Пусть поглотит Лета
Бесплодных сожалений гнет
И в сердце вздорное поэта
Забвенье сладкос прольет.

V

Я знал их в радости и в горе,
 В паденье, в торжестве побед,
 Я видел гибель их в позоре,
 Но холодно глядел им вслед.

Их гроб я провожал порою,
 Печально на кладбище брел,
 Но, выполнив обряд, — не скрою —
 Садился весело за стол.

И пыне в горести бесплодной
 Я об умерших мыслью вновь.
 Как волшебство, в груди холодной
 Внезапно вспыхнула любовь.

И слезы Юлии рекою
 Струятся в памяти моей;
 Охвачен страстною тоскою,
 Я день и ночь взываю к ней.

В бреду ночном я вдруг, ликуя,
 Цветок погибший узнаю:
 Загробным жаром поцелуя
 Она дарит любовь мою.

О тень желанная! К рыданиям
 Моим склонись, приди, приди!
 К устам прижми уста — лобзаньем
 Мне горечь смерти улады.

VI

Ты девушкой была изящной, стройной,
 Такой холодной и всегда спокойной.
 Напрасно ждал я, что придет мгновенье,
 Когда в тебе проснется вдохновенье,

Когда в тебе то чувство вспыхнет разом,
С которым проза не в ладах и разум.
Но люди с ним во имя высшей цели
Страдали, гибли, на кострах горели.

Вдоль берегов, увитых виноградом,
Ты летним днем со мной бродила рядом,
Светило солнце, шло кричали,
Цветы волшебный запах источали.

Пылая жаром, розы полевые
Нам поцелуй слали огневые;
Казалось: и в ничтожнейшей из трав
Жизнь расцвела, оковы разорвав.

Но ты в атласном платье рядом шла,
Воспитанна, спокойна и мила,
Напоминая Нетшера картину, —
Не сердце под корсетом скрыв, а льдину.

VII

Да, ты оправдана судом
Неумолимого рассудка.
«Ни словом, — приговор гласит, —
Ни делом не грешна малютка».

Я видел, корчась на костре,
Как ты, взглянув, прошла спокойно
Не ты, не ты огонь зажгла,
И все ж проклятья ты достойна!

Упрямый голос мне твердит,
Во сне он шепчет надо мною,
Что ты мой демон, что на казнь
Я обречен тобой одною.

Он сети доводов плетет,
Он речь суровую слагает,
Но вот заря — уходит сон,
И обвинитель умолкает.

В глубины сердца он бежит,
Судейских актов прячет свитки,
И в памяти звучит одно:
Ты обречен смертельной пытке!

VIII

Как молнией, во мгле неверной
Твоим письмом я озарен;
И ясно мне, что я сражен
Несчастьем, что оно безмерно.

Ты сострадания полна!
А прежде на мои страданья
Взирала ты, как изваянье,
Как мрамор статуй, холодна.

О боже, жалок мой удел!
Она — и то заговорила,
Письмо слезами оросила, —
Меня и камень пожалел!

Я и тебя, господь, молю
О милости! Так ниспошли же
Покоя мне, так заверши же
Ужасную трагедию.

IX

Образ сфинкса наделен
Всеми женскими чертами,
Лишь придаток для него —
Тело львиное с когтями.

Мрак могильный! В этом сфинкса
Вся загадка роковая,
И труднейшей не решал
Иокасты сын и Лайя.

К счастью, женщине самой
Дать разгадку не под силу, —
Будь иначе — целый мир
Превратился бы в могилу!

х

Три пряжи сидят у распутья;
Ухмылками скалясь,
Кряхтя и печалясь,
Они прядут — и веет жутью.

Одна сучит початок,
Все нити кряду
Смочить ей надо;
Так что в слюне у нее недостаток.

Другой мотовилка покорна:
Направо, налево
И не без напева;
Глаза у карги — воспаленной горна.

В руках у третьей парки —
Ножницы видно,
Поет панихидно.
На остром носу — подобие шкварки.

О, так покончи же с ниткой
Проклятой кудели,
Дай средство от хмеля
Страшного жизненного напитка!

хI

Меня не тянет в рай небесный, —
Нежнейший херувим в раю
Сравнится ль с женщиной прелестной,
Заменит ли жену мою?

Мне без нее не надо рая!
А сесть на тучку в вышине
И плыть, молитвы распевая, —
Ей-ей, занятие не по мне!

На небе — благодать, но все же
Не забирай меня с земли,
Прибавь мне только денег, боже,
Да от недуга исцели!

Греховна суета мирская,
Но к ней уж притерпелся я,
По мостовым земли шагая
Дорогой скорбной бытия.

Я огражден от черни вздорной,
Гулять и трудно мне и лень.
Люблю, халат надев просторный,
Сидеть с женою целый день.

И счастья не прошу другого,
Как этот блеск лукавых глаз,
И смех, и ласковое слово, —
Не огорчай разлукой нас!

Забуть болезни, не нуждаться —
О боже, только и всего!
И долго жизнью наслаждаться
С моей женой *in statu quo*.¹

9

СТРЕКОЗА

Стрекозка раз плясала,
Над ручейком порхала;
Тут — пируэт, там — антраша, —
Плясунья, шалунья — как хороша!

Глядят кругом юнцы жучки,
Совсем очарованы, дурачки:
«Ах, талия в эмали!
Ах, синий наряд из вуали!»

И не один юнец жучок
Умишко свой не уберег.
Жужжа влюбленно, ей каждый фронт
Сулит Голландию и Бранбонт.

¹ В том же положении (*лат.*).

Смеется красotka им в ответ:
«Голландия с Брабантом? Нет!
Вот вы любезны будьте
И огонька мне добудьте.

Моя кухарка хромая
Рождает, — готовлю сама я.
А в очаге моем уголь погас:
Достать огонька попрошу я вас».

Плутовка закончила речь, и юнцы
Жучки все — порх! И летят гонцы
Искать огня. Их родимый лес
Давно уже из глаз исчез.

Вдруг — свет сквозь зелень пышной ветки:
Должно быть, свечи горели в беседке.
Влюбленных ведь ослепляет страсть, —
Немудрено и в огонь попасть.

С треском сожрали горящие свечки
Жуков и влюбленные их сердечки.
А если кто уцелел из них, —
Лишился крылышек своих.

О, горе жуку, что в ярком огне
Сжег крылышки! В чужой стране
Он должен, как червь, пресмыкаться рядом
Со всяким вонючим и склизким гадом.

Он роищет: «Дурной компании хуже
Нет ничего, на чужбине к тому же!
Со всякой тут нечистью прямо лбом
Ты сталкиваешься, даже с клопом!

А в грязь попади *persona grata*¹
И клоп сейчас запанибрата.
Об этом Вергилия скорбел ученик,
Поэт, что изгнанье и ад постиг.

¹ Почтенная особа (лат.).

С тоской вспоминаю о прежней жизни,
Когда, окрыленный, блистал я в отчизне,
В эфире порхал, был весел,
На подсолнухах куролесил.

Из чашечек цветочных пил,
В кругу хорошем принят был,
Дружил с изысканным мотыльком,
С артисткой-цикадой был я знаком.

О бедные крылья, сгорели вы!
На родину я не вернусь, увы!
Я стал червем, подохну, жалкий.
Сгнить на чужой придется свалке.

Ах, надо было за версту
Мне облететь кокетку ту,
Не видеть бы тонкой тальи
Красотки, лживой канальи!»

10

ВОЗНЕСЕНИЕ

На смертном ложе плоть была,
А бедная душа плыла
Вне суеты мирской, убогой —
Уже небесною дорогой.

Там, постучав в ворота рая,
Душа воскликнула, вздыхая:
«Открой, о Петр, ключарь святой!
Я так устала от жизни той...

Понежиться хотелось мне бы
На шелковых подушках неба,
Сыграть бы с ангелами в прятки,
Вкусить покой блаженно-сладкий!»

Вот, шлепая туфлями и ворча,
Ключами на ходу бренча,
Кто-то идет — и в глазок ворот
Сам Петр глядит, седобород.

Ворчит он: «Сброд повадился всякий —
Бродячие псы, цыгане, поляки,
А ты открывай им, ворам, эфиопам!
Приходят врозь, приходят скопом,

И каждый выложит сотни причин, —
Пусти его в рай, дай ангельский чин...
Пошли, пошли! Не для вашей шайки,
Мошенники, висельники, попрошайки,

Построены эти хоромы господни, —
Вас дьявол ждет у себя в преисподней!
Проваливайте поживее! Слыхали?
Вам место в чертовом пекле, в подвале!..»

Брюзжал старик, но сердитый тон
Ему не давался. В конце концов он
К душе обратился вполне сердечно:
«Душа, бедняжка, ты-то, конечно,
Не пара какому-нибудь шалопаю...
Ну, пу! Я просьбе твоей уступаю:
Сегодня день рожденья мой,
И — пользуйся моей добротой.
Откуда ты родом? Город? Страна?
Затем ты мне сказать должна,
Была ли ты в браке: часто бывает,
Что брачная пытка грехи искупает:
Женатых не жарят в адских безднах,
Не держат подолгу у врат небесных».

Душа отвечала: «Из прусской столицы,
Из города я Берлина. Струится
Там Шпрее — речонка, — обычно летом
Она писсуаром служит кадетам.
Так плавно течет она в дождь, эта речка!..
Берлин вообще недурное местечко!
Там числилась я приват-доцентом,
Курс философии читала студентам, —
И там на одной институтке женилась,
Что вовсе не по-институтски бранилась,
Когда не бывало и крошки в дому.

Оттого и скончалась я и мертва потому». Воскликнул Петр: «Беда! Беда! Занятие это — ерунда! Что? Философия? Кому Она нужна, я не пойму! И недоходна ведь и скучна, К тому же ересей полна; С ней лишь сомневаешься да голодаешь, И к черту в конце концов попадаешь. Наплакалась, верно, и твоя Ксантупа Немало по поводу постного супа, В котором — признайся — хоть разок Попался ли ей золотой глазок? Ну, успокойся. Хотя, ей-богу, Мне и предписано очень строго Всех, причастных так или иначе К философии, тем паче — Еще к немецкой безбожной вашей, С позором гнать отсюда взяшей, — Но ты попала на торжество, На день рожденья моего, Как я сказал. И не хочется что-то Тебя прогонять, — сейчас ворота Тебе отпру... Живей — ступай!.. Теперь, счастливица, гуляй С утра до вечера по чудесным Алмазным мостовым небесным, Фланируй себе, мечтай, наслаждайся, Но только — помни, не занимайся Тут философией, — хуже огня! Скомпрометируешь страшно меня. Чу! Ангелы поют. На лпке Изобрази восторг великий. А если услышишь архангела пенье, То вся превратись в благоговенье. Скажи: «От такого сопрано — с ума Сошла бы и Малибран сама!» А если поет херувим, серафим, То поусердней хлопай им, Сравнивай их с синьором Рубини, И с Марио, и с Тамбурини.

Не забудь величать их «essellenze»,¹
Не преминь преклонить коленце.
Попробуйте, в душу певцу залезьте, —
Он и на небе чувствителен к лести!
Впрочем, и сам дирижер вселенной
Любит внимать, говоря откровенно,
Как хвалят его, господа бога,
Как славословят его премного
И как звенит псалом ему
В густейшем ладанном дыму.
Не забывай меня. А надоест
Тебе вся роскошь небесных мест, —
Прошу ко мне — сыграем в карты,
В любые игры, вплоть до азартных:
В «ландскнехта», «в фараона» ...Ну,
И выпьем... Только, entre nous,²
Запомни: если мимоходом
Бог тебя спросит, откуда ты родом,
И не Берлина ли ты уроженка,
Скажи лучше — мюнхенка или венка».

11

РОЖДЕННЫЕ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА

Ты плачешь, смотришь на меня,
Скорбишь, что так несчастен я.
Не знаешь ты в тоске немой,
Что плачешь о себе самой.

Томило ли тебя в тиши
Сомненье смутное души,
В твои прокрадываясь сны,
Что мы друг другу суждены?
Нас вместе счастье ожидало,
На скорбь разлука осуждала.

В скрижали вписано судьбою,
Чтоб сочетались мы с тобою.

¹ Ваши сиятельства (*итал.*).

² Между нами (*франц.*).

Ясней бы ты себя сознала,
Когда б на грудь ко мне припала;
Тебя б из кожности растенья
Возвел на высшую ступень я,
Чтоб ты, ответив поцелую,
В нем душу обрела живую.

Загадки решены навек.
В часах иссяк песчинок бег.
Не плачь — судьба предрешена:
Уйду, увянешь ты одна.
Увянешь ты, не став цветком,
Угаснешь, не пылав огнем,
Умрешь, тебя охватит мгла,
Хоть ты и прежде не жила.

Теперь я знаю: всех дороже
Была ты мне. Как горько, боже,
Когда в минуту узнаванья
Час ударяет расставанья,
Когда, встречаясь на пути,
Должны мы в тот же миг «прости»
Сказать навек! Свиданья нет
Нам в высях, где небесный свет.
Краса твоя навек увянет;
Она пройдет, ее не станет.
Судьба иная у поэта:
Он не вполне умрет для света,
Не ведая уничтоженья,
Живет в стране воображенья;
То — Авалун, мир фэй чудесный.
Прости навеки, труп прелестный!

12

ФИЛАНТРОП

Они были брат с сестрою.
Богатым был брат, бедной — сестра.
Сестра богачу сказала:
«Дай хлеба кусочек мне!»

Богатый ответил бедной:
«Оставь в покое меня!
Членов высокой палаты
Я позвал на обед.

Один любит суп черепаший,
Другому мил ананас,
А третий ест фазанов
И трюфли à la Перигор.

Четвертый камбалу любит,
А пятому семга нужна,
Шестому — и то и это,
А больше всего — вино».

И бедная, бедная снова
Голодной пошла домой,
Легла на тюфяк из соломы
И, вздохнув, умерла.

Никто не уйдет от смерти,
Она поразит косою
Богатого брата так же,
Как и его сестру.

И как только брат богатый
Почувствовал смертный час,
Нотариуса позвал он
Духовную написать.

Значительные поместья
Он церкви завещал
И школам и музею —
Очень редких зверей.

Но самой большою суммой
Он обеспечил все ж
Союз миссионеров
С приютом глухонемых.

Собору святого Стефана
Он колокол подарил, —

Из лучшего сделан металла,
Он центнеров весил пятьсот.

Колокол этот огромный
И ночью звонит и днем,
О славе того вещая,
Кого не забудет мир.

Гласит язык его медный,
Как много тот сделал добра
Людям разных религий
И городу, где он жил.

О благодетель великий,
Как и при жизни твоей,
О каждом твоём деянье
Колокол говорит!

Свершали обряд погребенья,
Во всем были роскошь и блеск,
И люди вокруг дивились
Пышности похорон.

На черном катафалке,
Похожем на балдахин,
Украшен перьями страуса,
Высоко покоился гроб.

Блестел он серебряной бляхой,
Шитьем из серебра —
Все это на черном фоне
Было эффектно весьма.

Везли умершего кони,
И были попоны на них,
Как траурные одежды,
Спадавшие до копыт.

И тесной толпою слуги
В черных ливреях шли,
Держа платки носовые
У покрасневших глаз.

Почтеннейшие горожане
Здесь были. За ними вслед
Черных карет парадных
Длинный тянулся хвост.

В процессии похоронной,
За гробом, конечно, шли
Члены высокой палаты,
Но только не весь комплект:

Отсутствовал тот, кто охотно
Фазаны с трюфлями ел, —
От несваренья желудка
Он кончил брэнную жизнь.

13

КАПРИЗЫ ВЛЮБЛЕННЫХ

*(Истинная история,
вновь рассказанная по старинным документам
и переложенная в изящные немецкие стихи)*

Унылый жук, примостясь на забор,
С любимой мухой вел разговор:

«Сестра по духу, будь мне, муха,
Женой, — шептал он мухе в ухо. —

Скажи, чем я тебе не муж?
Брюшко из золота, к тому ж —

Какая спина! Нет подобных спин:
Смарагд в ней блещет, горит рубин...»

«Что? Ведь не так глупа уж я,
Чтобы избрать жука в мужья,

А золото и драгоценности — нет!
Ведь не в богатстве счастья секрет.

Я идеала жажду лишь —
Ведь муха я, — noblesse oblige!»¹

Жук улетел, огорчен несказанно,
А муха привячь решила ванну.

«Эй, пчелка! Ах, служанки эти!
Ты мне нужна при туалете.

Намыль мне нежную спину, бока:
Иду я замуж за жука.

Отличная в сущности партия! Что ж?
Жука интересней не найдешь.

Спина его — роскошь, нет краше спин:
Смарагд в ней блещет, гсрит рубин!

Живот золотой, и лицом благороден, —
С ума я сведу подружек-уродин!

Живо, пчелка, меня причеши ты,
И зашнуруй меня, и надуши ты;

Натри меня мускусом, камеристка, —
Лавандой ноги мне обрызгай,

Чтобы нисколько мне не вонять,
Когда меня милый захочет обнять.

Хлопочут уже шаферицы-стрекозы,
Меня поздравляют, становятся в позы,

Вплетают в свадебный мой венец
Они уже флердоранж наконец.

И музыканты здесь — все как надо;
Явилась и примадонна цикада,

Сверчок тут, и шмель, и комар поджарый:
Ударят в литавры, задуют в фанфары.

¹ Благородство обязывает (*франц.*).

Пусть развлекают на свадьбе моей
Слетевшихся пестрокрылых гостей.

Родня расфранченная, много знакомых
И просто случайных, чужих насекомых.

Вот тетки, кузины — саранча да осы, —
Встречают их тушем, приветы, расспросы.

Пришел весь в черном пастор-крот:
«Пора начинать, заждался народ».

Звон колокольный — бим-бам, бим-бом...
Что ж это с милым женишком?..»

Бим-бом, бим-бом — звон колокольный...
Жених улетает дорогой окольной.

Звон колокольный — бим-бам, бим-бом...
Что ж это с милым женишком?..

Жених меж тем в печали жгучей
Сидел на далекой навозной куче.

Вот так он просидел лет семь,
Покуда муха не сгнила совсем.

14

МИМИ

«Я не кошечка-мещанка,
Не мурлычу у окошка,
На высоких крышах я —
Независимая кошка.

В ночи летних снов, на крыше,
Где в прохладе я мечтаю,
Музыка во мне урчит —
В песне чувство изливаю».

Так она твердит, и звуки,
Страстью дикою объаты,

Рвутся из груди, маия
Всех котов, что не женаты.

Все коты, что не женаты,
К ней стремятся петь дуэты,
То мяуча, то мурлыча,
Пламенем любви согреты.

Это ведь не виртуозы
В поисках за гонораром, —
Чистому искусству все
Искони служили с жаром.

Инструментов им не нужно,
Весь оркестр — они же сами;
Барабан у них — живот,
А трубят они носами.

Запевают хором все;
Это — гимны, интермеццо,
Это — словно фуги Баха
Или Гвидо из Ареццо.

Звуки бешеных симфоний —
Как Бетховена каприччо;
Превзошли и Берлиоза,
То мяуча, то мурлыча.

Сколь чудесна власть напева!
Бесподобных звуков сила
Даже небо потрясает,
И бледнеют в нем светила.

Услыхав поток волшебных,
Чудодейственных созвучий,
В небесах ночных Селена
Лик окутывает тучей.

Слыша песнь Мими, одна лишь
Примадонна Филомена
Недовольно морщит нос —
В ней душа оледенела!

Все равно! Поет капелла
(Пусть завидует синьора!)
До поры, когда блеснет
Розовым лучом Аврора.

15

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Брось смущенье, брось кривлянье,
Действуй смело, напролом,
И получишь ты признание
И введешь невесту в дом.

Сышь дукаты музыкантам, —
Не идет без скрипок бал, —
Улыбайся разным тантам,
Мысля: черт бы вас побрал.

О князьях толкуй по чину,
Даму также не тревожь;
Не скупись на солонину,
Если ты свинью убьешь.

Коли ты сдружился с чертом,
Чаще в кирку забегай,
Если встретится пастор там,
Пригласи его на чай.

Коль тебя кусают блохи,
Почешись и не скрывай;
Коль твои ботинки плохи, —
Ну, так туфли надевай.

Если суп твой будет гадость,
То не будь с супругой груб,
Но скажи с улыбкой: «Радость,
Как прекрасен этот суп!»

Коль жена твоя по шали
Затоскует, — две куши,

Накупи шелков, вуалей,
Медальонов нацепи.

Ты совет исполни честно
И узнаешь, друг ты мой,
В небе царствие небесно,
На земле вкусишь покой.

16

ВОСПОМИНАНИЕ О ГАММОНИИ

Бодро шествует вперед
В чинных парах дом сирот;
Сюртучки на всех атласны,
Ручки пухлы, щечки красны,
О, прелестные сиротки!

Все растрогано вокруг,
Рвутся к кружке сотни рук,
В знак отцовского вниманья
Льются щедрые даянья.
О, прелестные сиротки!

Дамы чувствами горят,
Деток чмокают подряд,
Глазки, щечки милых крошек,
Сахарный дарят горошек.
О, прелестные сиротки!

Шмулик, чуть стыдясь, кладет
Талер в кружку для сирот
И спешит с мешком бодрее,
Сердце доброе в еврее.
О, прелестные сиротки!

Бюргер, вынув золотой,
Воздевает, как святой,
Очи к небу — шаг нелишний —
На него ль глядит всевышний?
О, прелестные сиротки!

Нынче праздничный денек:
Плотник, бондарь, хлебопек,

Слуги — все хлебнули с лишком, —
Пей во здравие детишкам!
О, прелестные сиротки!

Горожан святой оплот —
Вслед Гаммония идет:
Гордо зыблется громада
Колоссальнейшего зада.
О, прелестные сиротки!

В поле движется народ —
К павильону у ворот;
Там оркестр, флажки вдоль зала,
Там нажмутся до отвала
Все прелестные сиротки.

За столом они сидят,
Кашку сладкую едят,
Фрукты, кексы, торты, пышки,
Зубками хрустят, как мышки, —
О, прелестные сиротки!

К сожаленью, за окном
Есть другой сиротский дом,
Где живется крайне гнусно,
Где свой век проводят грустно
Миллионы, как сиротки!

В платьях там единства нет,
Лишь для избранных — обед,
И попарно там не ходят.
Скорбно в одиночку бродят
Миллионы, как сиротки.

17

РАЗБОЙНИК И РАЗБОЙНИЦА

Пока лежал я без заботы,
С Лаурой нежась, Лис-супруг
Работал, не жалея рук, —
И утащил мои банкноты.

Пуст мой карман, я полон муки:
Ужель мне лгал Лауры взгляд?
Ах, «что есть истина?» — Пилат
Промолвил, умывая руки.

Жестокий свет тотчас покину —
Испорченный, жестокий свет!..
Тот, у кого уж денег нет, —
И так мертвец наполовину.

К вам, чистым душам, сердце радо
В край светлый улететь сейчас:
Там все, что нужно, есть у вас,
А потому — и красть не надо.

18

ПОЭТИКО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОЮЗ
МОЛОДЫХ КОТОВ

Музыкальный союз молодых котов
Собирался на крыше у башни
Сегодня ночью — однако не с тем,
Чтоб строить куры и шашни.

«Сон в летнюю ночь» не в пору теперь;
Что проку в любовном гимне,
Когда в желобах замерзла вода
И холод свирепствует зимний?

Притом заметно, что новый дух
Овладел породой кошачьей;
Особенно все молодые коты
Занялись высокой задачей.

Минувшей фривольной эпохи сыны
Испустили дыханье земное;
В искусстве и в жизни новый расцвет —
Кошачьей вест весною.

Музыкальный союз молодых котов
Стремится назад, к примитивной,
Бесхитростной музыке ранних времен,
К простой и кошачье-наивной.

Поэзии-музыки хочет он,
Рулад, позабытых ныне,
Вокально-инструментальных стихов,
Где музыки нет и в помине.

Он хочет, чтоб в музыке ныне царил
Безраздельно свободный гений,
Пускай бессознательно, но легко
Достигающий высшей ступени.

Он гений славит, который ничуть
От природы не отделился,
Не ставит ученость свою напоказ
И впрямь ничему не учился.

Такова программа союза котов,
И, стремясь подняться все выше,
Он дал свой первый зимний концерт
Сегодня ночью на крыше.

Но как воплотилась идея в жизнь —
Нельзя подыскать выраженья.
Кусай себе локти, мой друг Берлиоз,
Что ты не слышал исполненья.

То был поистине адский концерт,
Как будто мотив галопа,
Три дюжины пьяных волынщиков вдруг
Заиграли под свист и топот.

То был такой несказанный гам,
Как будто в ковчеге Ноя
Животные хором все в унисон
Потои воспевали, воя.

О, что за мяуканье, стоны, визг!
Коты все в голос орали,

А трубы на крышах вторили им,
Совсем как басы в хорале.

Всех чаще слышался голос один —
Произительно, томно и вяло,
Как голос дивной Зонтаг, когда
Свой голос она потеряла.

Ужасный концерт! По-моему, там
Псалом распевали великий
В честь славной победы, которую бред
Над разумом празднует дикий.

А может быть, союзом котов
Исполнялась та кантата,
Что венгерский крупнейший пианист сочинил
Для Шарантона когда-то.

Окончился шабаш лишь когда
Заря, наконец, появилась;
Кухарка, что плод под сердцем несла,
В неположенный срок разрешилась.

Она потеряла память совсем,
Как будто спятив от чада,
И вспомнить не может, кто был отец
Рожденного ею чада.

То Петр? Или Павел? Лиза, ответь.
Иль, может быть, неизвестный?
С блаженной улыбкой Лиза твердит:
«О Лист, о кот мой небесный!»

ГАНС БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ

Прощался с женой безземельный Ганс:
«К высокой я призван работе!
Отныне я должен иных козлов
Стрелять на иной охоте!»

Тебе я оставлю охотничий рог —
От скуки вернейшее средство.
Труби хоть весь день! На почтовом рожке
Недурно играла ты с детства.

Чтоб дом был в сохранности, пса моего
Тебе я оставить намерен.
Меня ж охранит мой немецкий народ,
Который, как пудель, мне верен.

Они предлагают мне царский престол,
Любовь их не знает уступки.
Портрет мой носят они на груди
И украшают им трубки...

Вы, немцы, простой и великий народ.
Ваш нрав глуповатый мне дорог.
Ей-богу, не скажешь, глядя на вас,
Что вы придумали порох.

Не кайзером буду для вас, а отцом,
Я жизнь вам чудесно украшу!
Я вас осчастливлю и этим горжусь,
Как будто я Гракхов мамаша!

Нет, нет, не рассудком, а только душой
Я править желаю, братцы.
Не дипломат я. В политике мне,
Пожалуй, не разобратся.

Ведь я — охотник, природы сын.
В лесу постигал я науки
Средь диких свиней, бекасов и коз.
К чему ж мне словесные штуки?

Не стану дурачить газетами вас
И прочей ученой тоскою.
Скажу я: «Народ! Лососины нет,
Так будь же доволен трескою.

А коли не нравлюсь тебе — смени
Меня на любого пройдоху.
Уж как-нибудь с голоду не помру.
Жилось мне в Тироле неплохо».

Вот так я скажу. А теперь, жена,
Бьет час расставанья суровый.
Уж тесть за мной почтальона прислал,
Он ждет с каретой почтовой.

Ты к шапке пришей мне трехцветный бант,
Да поторопись, бога ради —
И скоро увидишь меня в венце
И в древнем монаршем наряде.

Пурпурный надену тогда пловиаль,
Отличной старинной работы.
Его подарил сарацинский султан
Покойному кайзеру Отто.

Далматику стану носить под плащом.
На ней — из сплошных изумрудов —
Проходят герои восточных легенд,
Шествие львов и верблюдов.

И в ризу я грудь свою облеку.
Там будет парить величаво
По желтому бархату черный орел.
Неплохо придумано, право!

Прощай же! Потомки в грядущие дни
В псалмах воспевать меня станут.
Кто знает? А может, потомки как раз
Меня совсем не помянут».

20

ВОСПОМИНАНИЕ О ДНЯХ ТЕРРОРА В КРЕВИНКЕЛЕ

«Мы, бургомистр, и наш сенат,
Блюдя отечески свой град,
Всем верным классам населенья
Сим издаем постановление.

Агенты-чужеземцы суть
Те, кто средь нас хотят раздуть

Мятеж. Подобных отщепенцев
Нет среди местных уроженцев.

Не верит в бога этот сброд;
А кто от бога отпадет,
Тому, конечно, уж недолго
Отпасть и от земного долга.

Покорность — первый из долгов
Для христиан и для жидов,
И запирают пусть поране
Ларьки жида и христианае.

Случится трем сойтись из вас, —
Без споров разойтись тотчас.
По улицам ходить ночами
Мы предлагаем с фонарями.

Кто смел оружие сокрыть —
Обязан в ратушу сложить
И всяких видов снаряженье
Доставить в то же учрежденье.

Кто будет громко рассуждать,
Того на месте расстрелять;
Кто будет в мимике замечен,
Тот будет также изувечен.

Доверьтесь смело посему
Вы магистрату своему,
Который мудро правит вами;
А вы помалкивайте сами».

21

АУДИЕНЦИЯ

(Старинное сказание)

«Я в Ниле младенцев топить не велю,
Как фараоны-злодеи.
Я не убийца невинных детей,
Не Иред, тиран Иудеи.

Я, как Христос, люблю детей, —
Но, жаль, я вижу их редко.
Пускай войдут мои детки, — сперва
Большая швабская детка».

Так молвил король. Камергер побежал
И воротился живо;
И детка швабская за ним
Вошла, склонясь учтиво.

Король сказал: «Ты, конечно, шваб?
Тут нечего стыдиться!» —
«Вы угадали, — ответил шваб, —
Мне выпало швабом родиться».

«Не от семи ли ты швабов пошел?» —
Спросил король лукаво.
«Мне мог один лишь быть отцом,
Никак не вся орава!»

«Что, в этом году, — продолжал король, —
Удачные в Швабии клецки?» —
«Спасибо за память, — ответил шваб, —
У нас удачные клецки».

«А есть великие люди у вас?» —
Король промолвил строго.
«Великих нет в настоящий момент,
Но толстых очень много».

«А много ли Менцелю, — молвил
король, —
Пощечин новых попало?» —
«Спасибо за память, — ответил шваб, —
А разве старых мало?»

Король сказал: «Ты с виду прост,
Однако не глуп на деле».
И шваб ответил: «А это бес
Меся подменил в колыбели!»

«Шваб должен быть, — сказал король, —
Отчизне верным сыном.
Скажи мне правду, отчего
Ты бродишь по чужбинам?»

Шваб молвил: «Репа да салат —
Приевшиеся блюда.
Когда б варила мясо мать,
Я б не бежал оттуда!»

«Проси о милости», — молвил король.
И, пав на колени пред троном,
Шваб вскрикнул: «Верните свободу, сир,
Германцам угнетенным!»

Свободным рожден человек, не рабом!
Нельзя калечить природу!
О сир, верните права людей
Немецкому народу!»

Взволнованный, молча стоял король,
Была красивая сцена.
Шваб рукавом утирал слезу,
Но не вставал с колена.

И молвил король: «Прекрасен твой сон!
Прощай — но будь осторожней!
Ты, друг мой, лунатик, надо тебе
Двух спутников дать понадежней.

Два верных жандарма проводят тебя
До пограничной охраны.
Ну, надо трогаться, — скоро парад,
Уже гремят барабаны!»

Так трогателен был финал
Сей трогательной встречи.
С тех пор король не впускает детей —
Не хочет и слышать их речи.

Во Франкфурте, в жаркие времена
Сорок восьмого года,
Собрался парламент решать судьбу
Немецкого народа.

Там белая дама являлась в те дни,
Едва наступали потемки, —
Предвестница бед, известная всем
Под именем экономки.

Издревле по Ремеру, говорят,
Блуждает тот призрак унылый,
Когда начинает проказить народ
В моей Германии милой.

И сам я видал, как бродила она
По анфиладам вдоль спален,
Вдоль опустелых покоев, где хлам
Средневековья навален.

В руках светильник и связка ключей,
Пронзительны острые взоры.
Она открывала большие лари,
И лязгали ржаво затворы.

Там знаки достоинства кайзеров спят,
Там спит погребенная слава,
Там Золотая булла лежит,
Корона, и скипетр, и держава.

Пурпурная мантия кайзеров там,
Отребье, смердящее гнилью,
Германской империи гардероб,
Изъеденный молью и пылью.

И экономка, окинув весь хлам
Неодобрительным взглядом,
Вскричала, зажав с отвращеньем нос:
«Тут все пропитано смрадом!»

Все провоняло мышинным дерьмом,
Заплесневело, истлело.
В сиятельной рвани нечисть кишит,
Материю моль проела.

А мантия гордых королей
Немало видов видала, —
Она родильным домом была
Для кошек всего квартала!

Ее не очистишь! Даруй господь
Грядущему кайзеру силы!
Ведь он из этой мантии блох
Не выведет до могилы!

А знайте, если у кайзеров зуд,
Должны чесаться народы!
О немцы! Боюсь, натерпитесь вы
От блох королевской породы!

На что вам держать монарха и блох?
Убор средневековый
Истлел и заржавлен, и новая жизнь
Одежды требует новой.

Недаром сказал немецкий поэт,
Придя к Барбароссе в Кифгайзер:
«Ведь если трезво на вещи смотреть —
На кой нам дьявол кайзер?»

Но если без кайзера вам не житье, —
Да не смутит вас лукавый!
О милые немцы, не дайте прельстить
Себя умом или славой!

Не ставьте патриция над собой,
Возьмите плебея, мужлана,
Не избирайте лису или льва,
Поставьте монархом барана!

Да будет им Кобес, кельнский дурак,
Колониева порода.

Он в глупости гений: замыслит обман —
И все ж не обманет народа.

Чурбан всегда наилучший монарх,
Эзоп доказал это басней:
Вас, бедных лягушек, он не сожрет, —
Лягушкам аист опасней.

Не будет Кобес Нероном для вас,
Не станет тираном без нужды.
Столь мягкому сердцу стиля модерн
Жестокости варваров чужды.

То сердце спесиво отвергли купцы;
От них оскорбленно отпрянув,
Илоту ремесел в объятья упал,
И стал он цветком грубиянов.

Ремесленные бурши сочли
Властителем слова невежду.
Он с ними делил их последний кусок,
В нем видели гордость, надежду.

Гордились тем, что он презирал
Все университеты,
Что книги писал из себя самого
И отвергал факультеты.

О да, своими силами он
Обрел невсжество разом, —
Не иностранной наукой был
Загублен в мозгу его разум.

Абстракциям философских систем
Он не поддавался нимало:
Ведь Кобес — характер! Он — это он!
Меняться ему не пристало.

Стереотипные слезы
Он выжимает охотно;
Густая глупость на губах
Расположилась вольготно.

Он ноет, болтает, — но что за речь!
В ней виден ослиный норов!
Одна из дам родила осла,
Наслушавшись тех разговоров.

Он пишет книги и вяжет чулки,
Досуги размечены строго.
Чулки, которые он вязал,
Нашли поклонников много.

И музы и Феб убеждали его
Отдаться вязанью всецело:
При виде пиита с пером в руке
У них внутри холодело.

Ведь сами функи — Кельна бойцы —
К вязанью некогда льнули,
Но меч у них не ржавел, хоть они
Вязали и в карауле.

Стань Кобес кайзером — функов былых
Он воскресит благосклонно.
Лихая дружина будет при нем
Служить опорой трона.

Мечтает во Францию вторгнуться он
Начальником войска такого,
Эльзас-Лотарингский, Бургундский край
Вернуть Германии снова.

Но не тревожьтесь, он будет сидеть
Среди домашнего хлама,
Над воплощеньем идеи святой —
Достройкой кельнского храма.

Зато коль достроит — придется врагам
Узнать, где зимуют раки:
Пойдет наш Кобес расправу творить
И выплет француз-собаке.

И Лотарингию и Эльзас
Он разом отнимет у вора,

Бургундию начисто отберет,
Закончив постройку собора.

О немцы! Будьте верны себе!
Ищите кайзера дельно!
Пусть будет им карнавальный король,
Наш Кобес Первый из Кельна.

Весь кельнский масленичный союз
Ему в министерство годится.
Министры — хлыщи в шутовском колпаке,
В гербе — вязальная спица.

Рейхсканцлер — Дрикес, и титул его —
Граф Дрикес фон Дрикесгайзер,
А рейхсметресса — Мариццебилль, —
С ней не завшивеет кайзер!

Наш Кобес в Кельне воздвигнет престол:
Святыня — в священном месте.
И кельнцы иллюминируют Кельц
При этой радостной вести.

Колокола — чугунные псы —
Залают, приветствуя флаги,
Проснутся три святых велхва,
Покинут свои саркофаги.

И выйдут на волю, костями стуча,
Блаженно резвясь и танцуя.
И kugie eleison ¹ запоют
И возгласят аллилуйя...»

Так кончила белая дама речь
И громко захохотала,
И эхо зловеще гремело во мгле
Под сводами гулкового зала.

¹ Господи, помилуй (*греч.*).

ЭПИЛОГ

Слава грет мертвеца?
Враки! Лучше до конца
Согревайся теплотой
Бабы, скотницы простой,
Толстогубой девки рыжей,
Пахнущей навозной жижей.
А захочешь — по-другому
Можешь греться: выпей рому,
Закажи глинтвейн иль гог,
Чтоб залить мясной пирог —
Хоть за стойкой самой грязной,
Средь воров и швали разной,
Той, что виселицы ждет,
А пока и пьет и жрет,
Выбрав мудро жребий лучший,
Чем Пелид избрал могучий.

Да и тот сказал потом:
«Лучше нищим жить, рабом,
Чем, уйдя из жизни этой,
Править сонмом душ над Летою
И героя слыть примером,
Что воспет самим Гомером».

Б И М И И И

ПРОЛОГ

Вера в чудо! Где ты ныне,
Голубой цветок, когда-то
Расцветавший так роскошно
В сердце юном человека!

Вера в чудо! Что за время!
Ты само чудесным было,
Ты чудес рождало столько,
Что не видели в них чуда.

Прозой будничной казалась
Фантастическая небыль,
Пред которою померкли
Сумасбродства всех поэтов,

Бредни рыцарских романов,
Притчи, сказки и легенды
Кротких набожных монахов,
Ставших жертвами костра.

Как-то раз лазурным утром
В океане, весь цветущий,
Как морское чудо, вырос
Небывалый новый мир, —

Новый мир, в котором столько
Новых птиц, людей, растений,
Новых рыб, зверей и гадов,
Новых мировых болезней!

Но и старый наш знакомец,
Наш привычный Старый Свет
В те же дни преобразился,
Расцветился чудесами,

Сотворенными великим
Новым духом новой эры, —
Колдовством Бертольда Шварца,
Ворожкой волхва из Майнца,

Заклинателя чертей;
Волшебством, царящим в книгах,
Поясненных ведунами
Византии и Египта, —

В сохраненных ими книгах,
Что зовутся в переводе
Книгой Красоты одна,
Книгой Истины — другая:

Их на двух наречьях неба,
Древних и во всем различных,
Сотворил господь, — по слухам,
Он писал собственноручно.

И, дрожащей стрелке вверясь,
Этой палочке волшебной,
Мореход нашел дорогу
В Индию, страну чудес, —

В край, где пряные коренья
Размножаются повсюду
В сладострастном изобилье,
Где растут на тучной почве

Небывалые цветы,
Исполинские деревья —

Знать растительного царства
И венца его алмазы,

Где таятся мхи и травы
С чудодейственной силой,
Исцеляющей, иль чаще
Порождающей, недуги, —

По тому смотря, кто будет
Их давать: аптекарь умный,
Иль венгерец из Баната,
Круглый неуч и дурак.

И едва врата раскрылись
В этот сад, оттуда хлынул
Океан благоуханий,
Жизнерадостный и буйный

Ливень пьяных ароматов,
Оглушивших, затопивших,
Захлестнувших сердце мира,
Мира старого — Европу.

Как под огненною бурей,
Кровь людей огнем бурлила,
Клокотала дикой жаждой
Золота и наслаждений.

Стало золото девизом,
Ибо этот желтый сводник —
Золото — само дарует
Все земные наслажденья.

И когда в вигвам индейца
Заходил теперь испанец,
Он там спрашивал сначала
Золота, потом — воды.

Стали Мексика и Перу
Оргий золотых притоном.
Пьяны золотом, валялись
В нем и Кортес и Писарро;

Лопес Вакка в храме Кито
Стибрил солнце золотое
Весом в тридцать восемь фунтов
И добычу в ту же ночь

Проиграл кому-то в кости, —
Вот откуда поговорка:
«Лопес, проигравший солнцу
Перед солнечным восходом».

Да, великие то были
Игроки, бандиты, воры.
Люди все несовершенны,
Но уж эти совершали

Чудеса, перекрывая
Зверства самой разъяренной
Солдатни — от Олоферна
До Радецкого с Гайнау.

В дни всеобщей веры в чудо
Чудеса вершат и люди, —
Невозможному поверив,
Невозможное свершишь.

Лишь глупец тогда не верил,
А разумный верил слепо;
Преклонял главу смиренно
Перед чудом и мудрец.

Из рассказов о героях
Дней чудесных веры в чудо,
Как ни странно, всех милее
Мне рассказ о дон Хуане

Понсе де Леон, сумевшем
Отыскать в морях Флориду,
Но искавшем понапрасну
Остров счастья Бимини.

Бимини! Когда я слышу
Это имя, бьется сердце,

Воскресают к новой жизни
Грезы юности далекой.

Но глаза их так печальны,
На челе венок увядший,
И над ними в нежной скорби
Мертвый плачет соловей.

Я ж, забыв свои недуги,
Так соскакиваю с ложа,
Что дурацкий балахон мой
Расползается по швам.

И тогда смеюсь я горько:
Ах, ведь это попугаи
Прохрипели так потешно,
Так печально: «Бимини!»

Помоги, святая муза,
Фея мудрая Парнаса,
Сделай чудо, покажи мне
Мощь поэзии священной!

Докажи, что ты колдунья,
Зачаруй мне эту песню,
Чтоб она волшебным судном
Поплыла на Бимини!

И едва я так промолвил,
Вмиг исполнилось желанье,
И смотрю, корабль волшебный
Гордо сходит с верфей мысли.

Кто со мной на Бимини?
Господа и дамы, просим!
Понесут волна и ветер
Мой корабль на Бимини.

Если мучает подагра
Благородных кавалеров,
Если милых дам волнует
Неуместная морщинка, —

Все со мной на Бимини!
Этот курс гидропатичен,
Он магическое средство
От зазорного недуга.

И не бойтесь, пассажиры,
Мой корабль вполне надежен:
Из хореев тверже дуба
Мощный киль его сработан,

Держит руль воображенье,
Паруса вздувает бодрость,
Юнги — резвые остроты,
На борту ль рассудок? Вряд ли!

Реи судна — из метафор,
Мачты судна — из гипербол,
Флаг романтикой раскрашен, —
Он как знамя Барбароссы,

Черно-красно-золотой.
Я такое знамя видел
Во дворце горы Кифгайзер
И во франкфуртском соборе.

В море сказочного мира,
В синем море вечной сказки
Мой корабль, мечте послушный,
Прологает путь волшебный.

Перед ним в лазури зыбкой,
В водометах искр алмазных
Кувыркаются и плещут
Большемордые дельфины,

А на них амуры едут,
Водяные почталыоны, —
Раздувая тыквой щеки,
Трубят в раковины громко;

И причудливое эхо
Громовым фанфарам вторит,

А из темно-синей глубин
Смех доносится и хохот.

Ах, я знаю эти звуки,
Эту сладкую насмешку, —
То ундины веселятся,
Издеваясь надо мной,

Над дурацкою поездкой,
Над дурацким экипажем,
Над моим дурацким судном,
Взявшим курс на Бимини.

I

На пустом побережье Кубы,
Над зеркально гладким морем
Человек стоит и смотрит
В воду на свое лицо.

Он старик, но по-испански,
Как свеча, и прям и строен;
В непонятном одеянье:
То ли воин, то ль моряк, —

Он в рыбацких шароварах,
Редингот — из желтой замши,
Золотой парчой расшита
Перевязь, на ней сверкает

Неизбежная наваха
Из Толедо, к серой шляпе
Прикреплен султан огромный
Из кроваво-красных перьев, —

Цвет их мрачно оттеняет
Огрубелое лицо,
Над которым потрудились
Современники и время.

Бури, годы и тревоги
В кожу врезали морщины,

Вражьи сабли перекрыли
Их рубцами роковыми.

И весьма неблагосклонно
Созерцает воин старый
Облажающее правду
Отражение свое.

И, как будто отстраняясь,
Он протягивает руки,
И качает головою,
И, вздыхая, молвит горько:

«Ты ли Понсе де Леон,
Паж дон Гомеса придворный?
Ты ль Хуан, носивший трен
Гордой дочери алькада?»

Тот Хуан был стройным франтом,
Ветрогоном златокудрым,
Легкомысленным любимцем
Чернооких севильянок.

Изучили даже топот
Моего коня красотки:
Все на этот звук кидались
Любоваться мной с балконов.

А когда я звал собаку
И причмокивал губами,
Дам бросало в жар и в трепет,
И темнели их глаза.

Ты ли Понсе де Леон,
Ужас мавров нечестивых, —
Как репы, сбивавший саблей
Головы в цветных тюрбанах?»

На равнине под Гренадой,
Перед всем Христовым войском,
Даровал мне дон Гонсальво
Званье рыцарским ударом.

В тот же день в шатре пифанты
Праздник вечером давали,
И под пенье скрипок в танце
Я кружил красавиц первых.

Но внимал не пенью скрипок,
Но речей не слушал нежных, —
Только шпор бряцанье слышал,
Только звону шпор внимал:

Ибо шпоры золотые
Я надел впервые в жизни
И ногами о землю топал,
Как на травке жеребенок.

Годы шли — остепсился,
Воспылал я честолюбьем
И с Колумбом во вторичный
Кругосветный рейс поплыл.

Был я верен адмиралу, —
Он, второй великий Христоф,
Свет священный через море
В мир языческий принес.

Доброты его до гроба
Не забуду, — как страдал он!
Но молчал, вверяя думы
Лишь волнам да звездам ночи.

А когда домой отплыл он,
Я на службу к дон Охеда
Перешел и с ним пустился
Приключениям навстречу.

Знаменитый дон Охеда
С ног до головы был рыцарь, —
Сам король Артур подобных
Не сзывал за круглый стол.

Битва, битва — вот что было
Для него венцом блаженства.

С буйным смехом он врубался
В гущу краснокожих орд.

Раз, отравленной стрелою
Пораженный, раскалил он
Прут железный и, не дрогнув,
С буйным смехом выжег рацу.

А однажды на походе
Заблудились мы в болотах,
Шли по грудь в вонючей тине,
Без еды и без питья.

Больше сотни в путь нас вышло,
Но за тридцать дней скитацья
От несслыханных мучений
Пали чуть не девяносто.

А болот — конца не видно!
Взвыли все; но дон Охеда
Ободрял и веселил нас
И смеялся буйным смехом.

После братом по оружию
Стал я мощному Бальбоа.
Не храбрей Охеда был он,
Но умнее в ратном деле.

Все орлы высокой мысли
В голове его гнездились,
А в душе его сияло
Ярким солнцем благородство.

Для монарха покорил он
Край размерами с Европу,
Затмевающий богатством
И Неаполь и Брабант.

И монарх ему за этот
Край размерами с Европу,
Затмевающий богатством
И Неаполь и Брабант,

Даровал пеньковый галстук:
Был на рыночном подворье,
Словно вор, Бальбоа вздернут
Посреди Сан-Себастьяна.

Не такой отменный рыцарь
И герой не столь бесспорный,
Но мудрейший полководец
Был и Кортес дон Фернандо.

С незначительной армадой
Мы на Мексику отплыли.
Велика была пожива,
Но и бед не меньше было.

Потерял я там здоровье,
В этой Мексике проклятой, —
Ибо золото добыл
Вместе с желтой лихорадкой.

Вскоре я купил три судна,
Трюмы золотом наполнил
И поплыл своей дорогой, —
И открыл я остров Кубу.

С той поры я здесь наместник
Арагона и Кастильи,
Счастлив милостью монаршей
Фердинанда и Хуаны.

Все, чего так жаждут люди,
Я добыл рукою смелой:
Славу, сан, любовь монархов,
Честь и орден Калатравы.

Я наместник, я владею
Золотом в дублонах, в слитках,
У меня в подвалах груды
Самоцветов, жемчугов.

Но смотрю на этот жемчуг
И всегда вздыхаю грустно:

Ах, иметь бы лучше зубы,
Зубы юности счастливой!

Зубы юности! С зубами
Я навек утратил юность
И гнилыми корешками
Скрежещу при этой мысли.

Зубы юности! О, если б
Вместе с юностью купить их!
Я б за них, не дрогнув, отдал
Все подвалы с жемчугами,

Слитки золота, дублоны,
Дорогие самоцветы,
Даже орден Калатравы, —
Все бы отдал, не жалея.

Пусть отнимут сан, богатство,
Пусть не кличут «ваша светлость»,
Пусть зовут молокососом,
Шалопаем, сопляком!

Пожалей, святая дева,
Дурня старого помилуй,
Посмотри, как я терзаюсь
И признаться в том стыжусь!

Дева! Лишь тебе доверю
Скорь мою, тебе открою
То, чего я не открыл бы
Ни единому святому.

Ведь святые все — мужчины,
А мужчину даже в небе
Я, сагајо!¹ проучил бы
За улыбку состраданья.

Ты ж, как женщина, о дева,
Хоть бессмертной ты сияешь,

¹ Испанское ругательство.

Непорочной красотой,
Но чутьем поймешь ты женским,

Как страдает бренный, жалкий
Человек, когда уходят,
Искажаясь и дряхлея,
Красота его и сила.

О, как счастливы деревья!
Тот же ветер в ту же пору,
Налетев осенней стужей,
С их ветвей наряд срывает, —

Все они зимою голы,
Ни один росток кичливый
Свежей зеленью не может
Над увядшими глумиться.

Лишь для нас, людей, различно
Наступает время года:
У одних зима седая,
У других весна в расцвете.

Старику его бессилье
Вдвое тягостней при виде,
Буйства молодости пылкой.
О внимли, святая дева!

Скинь с моих недужных членов
Эту старость, эту зиму,
Убелившую мой волос,
Заморозившую кровь.

Повели, святая, солнцу
Влить мне в жилы новый пламень,
Повели весне защелкать
Соловьем в расцветшем сердце,

Возврати щекам их розы,
Голове — златые кудри,
Дай мне счастье, пресвятая,
Снова стать красавцем юным!»

Так несчастный дон Хуан
Понсе де Леон воскликнул,
И обеими руками
Он закрыл свое лицо.

И стонал он, и рыдал он
Так безудержно и бурно,
Что текли ручьями слезы
По его костлявым пальцам.

II

И на суше верен рыцарь
Всем привычкам морехода,
На земле, как в море синем,
Ночью спать он любит в койке.

На земле, как в море, любит,
Чтоб его и в сонных грезах
Колыхали мягко волны, —
И качать велит он койку,

Эту должность исправляет
Кяка, старая индийка,
И от рыцаря москитов
Гонит пестрым опахалом.

И, качая в колыбели
Седовласого ребенка,
Напевает песню-сказку,
Песню родины своей.

Волшебство ли в этой песне,
Или тонкий старый голос,
Птицы щебету подобный,
Полон чар? Она поет:

«Птичка кóлибри, лети,
Путь держи на Бимини, —
Ты вперед, мы за тобою
В лодках, убранных флажками.

Рыбка Бридиди, плыви,
Путь держи на Бимини, —
Ты вперед, мы за тобою,
Перевив цветами весла.

Чуден остров Бимини,
Там весна сияет вечно
И в лазури золотые
Пташки свищут: ти-ри-ли.

Там цветы ковром узорным
Устилают пышно землю,
Аромат туманит разум,
Краски блещут и горят.

Там шумят, колеблясь в небе,
Опахала пальм огромных,
И прохладу льют на землю,
И цветы их тень целует.

На чудесном Бимини
Ключ играет светлоструйный,
Из волшебного истока
Воды молодости льются.

На цветок сухой и блеклый
Влагой молодости брызги —
И мгновенно расцветет он,
Заблестит красотой.

На росток сухой и мертвый
Влагой молодости брызги —
И мгновенно опустится
Он зелеными листьями.

Старец, выпив чудной влаги,
Станет юным, сбросит годы, —
Так, разбив кокон постылый,
Вылетает мотылек.

Выпьет влаги седовласый —
Обернется чернокудрым

И стыдится в отчий край
Уезжать молокососом.

Выпьет влаги старушонка —
Обращается в девицу
И стыдится в отчий край
Возвращаться желторотой.

Так пришлец и остается
На земле весны и счастья,
И не хочет он покинуть
Остров молодости вечной.

В царство молодости вечной,
На волшебный Бимини,
В чудный край мечты плыву я...
Будьте счастливы, друзья!

Кошка-крошка Мимили,
Петушок Кики-рики,
Будьте счастливы, мы больше
Не вернемся с Бимини».

Так старуха пела песню,
И дремал, и слушал рыцарь,
И порой сквозь сон по-детски
Лепетал он: «Бимини!»

III

Лучезарно светит солнце
На залив, на берег Кубы,
И поют весь день сегодня
В синеве небесной лютни.

Зацелованный весною,
Изумрудами блистая,
В пышном платье подвенечном
Весь цветет прекрасный берег.

И толпится на побережье
Пестрый люд разноголосый,

Разных возрастов и званий, —
Ибо все полны одним:

Все полны одной чудесной,
Ослепительной надеждой,
Отразившейся и в тайном
Умилении сердечном

Той бегинки старушонки,
Что с клюкою ковыляет
И перебирает четки,
Повторя «Pater noster»;¹

И в улыбке той сеньоры,
В золоченом паланкине,
Что раскинулась небрежно
С томной розою во рту

И кокетничает с юным
Знатным щеголем, который
Выступает важно рядом
И надменный крутит ус.

Даже солдатня сегодня
Смотрит мягче и приятней,
Даже облик духовенства
Стал как будто человечней.

В упоенье потирает
Руки тощий чернорясец,
И кадык самодовольно
Гладит жирный капуцин.

Сам епископ — в храме божьем
Неизменно злой и хмурый,
Потому что из-за мессы
Он откладывает завтрак, —

Сам епископ в митре пышной
Вдруг расцвел улыбкой счастья,

¹ Молитва «Отче наш» (лат.).

И прыщи сияют счастьем
На малиновом носу.

Окруженный хором певчих,
Под пурпурным балдахином,
Он идет, за ним прелаты
В золотых и белых ризах,

С ярко-желтыми зонтами, —
Словно вышел на прогулку
Неким чудом оживленный
Лес гигантских шампиньонов.

Весь кортеж стремится к морю,
Где под знойно-синим небом
На траве, близ вод лазурных,
Возведен алтарь господень,

На котором блещут ленты,
Серпантин, цветы, иконы,
Мишура, сердца из воска
И ковчежцы золотые.

Сам его преосвященство
Будет там служить молебен,
И молитвой, и кропилом
Он благословит в дорогу

Небольшой нарядный флот,
Что качается на рейде,
С якорей готовый сняться
И отплыть на Бимини.

Это судна дон Хуана
Понсе де Леон, — правитель
Снарядил их, оснастил их
И плывет искать волшебный

Остров счастья. И, ликую,
Весь народ благословляет
Исцелителя от смерти,
Благодетеля людей, —

Ибо всем приятно верить,
Что правитель, возвращаясь,
Каждому захватит фляжку
С влагой молодости вечной.

И уж многие заране
Тот напиток предвкушают
И качаются от счастья,
Как на рейде корабль.

Пять судов стоят на рейде
В ожиданье — две фелуки,
Две проворных бригантины
И большая каравелла.

Каравеллу украшает
Адмиральский флаг с огромным
Тройственным гербом Леона,
Арагона и Кастильи.

Как садовая беседка,
Весь корабль увит венками,
Разноцветными флажками
И гирляндами цветов.

Имя корабля — «Сперанца».
На корме стоит большая
Деревянная скульптура, —
Это госпожа Надежда.

Мастер выкрасил фигуру
И покрыл отличным лаком,
Так что краски не боятся
Ветра, солнца и воды.

Медно-красен лик Надежды,
Медно-красны шея, груди,
Выпирающие дерзко
Из зеленого корсажа.

Платье, лавры на челе —
Тоже зелены. Как сажа —

Волосы, глаза и брови.
А в руках, конечно, якорь.

Экипаж судов — примерно
Двести человек; меж ними
Восемь женщин, семь прелатов.
Сто знатнейших кавалеров

И единственная дама
Поплывут на каравелле,
На которой командором
Будет сам правитель Кубы

Дон Хуан. Избрал он дамой
Кяку, — да, старушка Кяка
Стала донною, сеньорой
Хуанитой, ибо рыцарь

Даровал ей сан и званье
Главкательницы коек,
Лейб-москито-мухогонки,
Обер-кравчей Бимини.

Как эмблема власти новой,
Золотой вручен ей кубок,
И она — в тунике длинной,
Как приличествует Гебе.

Кружева и ожерелья
Так насмешливо белеют
На морщинистых, увядших
Смуглых прелестях сеньоры.

Рококо-антропофагно,
Караибо-помпадурно
Возвышается прическа,
Вся утыканная густо

Пташками с жука размером,
И они сверкают, искрясь
Многорасочным нарядом,
Как цветы из самоцветов.

Пестрый птичник на прическе
Удивительно подходит
К попугайскому обличью
Бесподобной донны Кяки.

Образину дополняет
Дон Хуан своим нарядом,
Ибо он, поверив твердо
В близкий час омоложения,

Уж заране нарядился
Модным щеголем, юнцом:
Он в сапожках остроносых
С бубенцами, как прилично

Лишь мальчишке, в панталонах
С желтой левою штаниной,
С фиолетовою правой,
В красном бархатном плаще;

Голубой камзол атласный,
Рукава — в широких складках;
Перья страуса надменно
Развешаются на шляпе.

Расфранченный, возбужденный,
Пританцовывает рыцарь
И, размахивая лютней,
Приказанья отдает.

Он приказывает людям
Якоря поднять, как только
С берега сигнал раздастся,
Возвестив конец молебна;

Он приказывает людям
Дать из пушек в миг отплыть
Тридцать шесть громовых залпов,
Как салют прощальный Кубе.

Он приказывает людям
И, смеясь, волчком вертится,

Опьяненный буйным хмелем
Обольстительной надежды;

И, смеясь, он щиплет струны, —
И визжит и плачет лютня,
И разбитым козлетоном
Блеет рыцарь песню Кяки:

«Птичка кóлибри, лети,
Рыбка Бридиди, плыви,
Улетайте, уплывайте,
Нас ведите к Бимини».

IV

Ни глупцом, ни сумасшедшим
Дон Хуан, конечно, не был,
Хоть пустился, как безумец,
Плыть на остров Бимини.

В том, что остров существует,
Он не мог и сомневаться;
Песню Кяки он считал
И порукой и залогом.

Больше всех на свете верит
Мореход в возможность чуда, —
Перед ним всегда сияет
Чудо пламенное неба,

И таинственно рокочут
Вкруг него морские волны,
Из которых вышла древле
Донна Венус Афродита.

В заключительных хорях
Мы правдиво повествуем,
Сколько бед, надежд и горя
Претерпел, скитаясь, рыцарь.

Ах, своей болезни прежней
Не сумел изгнать бедняга,

Но зато добыл немало
Новых ран, недугов новых.

Он, отыскивая юность,
С каждым днем старел все больше,
И калекой хилым, дряхлым,
Наконец, приплыл в страну, —

В ту страну, в предел печальный,
В тень угрюмых кипарисов,
Где шумит река, чьи волны
Так чудесны, так целебны.

Та река зовется Летой.
Выпей, друг, отрадной влаги —
И забудешь все мученья,
Все, что выстрадал, забудешь.

Ключ забвенья, край забвенья!
Кто вошел туда — не выйдет,
Ибо та страна и есть
Настоящий Бимини.

**БАСНИ И РОМАНСЫ
1853—1855**

1

ПЕСНЬ МАРКИТАНТКИ

(Из Тридцатилетней войны)

А ведь гусаров я люблю,
Я очень к гусарам склонна.
И синих, и желтых люблю я, всех,
Любого эскадрона.

И кирасиров я люблю,
Я так люблю кирасиров;
Пусть он рекрут, пусть ветеран,
Простой, из командиров.

Кавалерист, артиллерист,
Я всех люблю до отвала,
И тоже в инфантерии я
Довольно почей продремала.

Люблю я немца, француза люблю,
Люблю я чеха и грека,
Я шведа, испанца люблю, поляка, —
Я в них люблю человека.

Мне все равно, из какой страны,
И веры он старой иль новой,
Мне люб и мил любой человек,
Когда человек он здоровый.

Отечество их и религия их,
Ведь все это только платя —

Тряпье долой! Чтоб его к груди
Нагого могла прижать я!

Я — человек, человечеству я
Отдаюсь душою и телом;
А кто не может уплатить,
Записываю мелом.

Смеются над шатром моим
Зеленые веночки.
Сейчас мадеру я даю
Из самой свежей бочки!

2

КЛОП

I

Некий клоп залез на пятак
И, словно банкир, похвалялся так:
«Если денег имеешь много,
Всюду открыта тебе дорога.
С деньгами красив ты, с деньгами знатен,
Очаровательным дамам приятен.
Дамы бледнеют и дрожат,
Едва учуют мой аромат.
С самой королевой я спал, бывало,
Забравшись к ней ночью под одеяло.
На жарких перинах она металась
И беспрестанно всю ночь чесалась».

Веселый чиж, услышав эту речь,
Решил похвальбу клопа пресечь.
В негодование свой клюв отточив,
Насмешливый он просвистал мотив.
Но подлый клоп, испуская смрад,
Чижу отомстил на клопный лад:
«Смотрите! Меня освистал мошенник
За то, что в долг ему не дал я денег!»

Ну, а мораль? Ее от вас
Пока благоразумно скрою.

Ведь сплочены между собою
Богатые клопы сейчас.
Подняв задами мешки с чистоганом,
Ликуют в грохоте барабанном.

II

Семьи клопов! Ну, куда ни взгляни, —
Священный союз составляют они.
Также немало клопиных альянсов
Среди сочинителей скверных романсов
(Которые столь бездарны и серы,
Что не идут, как часы Шлезингера).
Тут и свой Моцарт есть — клоп-эстет,
Ведущий особым клопиным манером
С увенчанным лаврами Мейербером
Интрижку в течение долгих лет.
А с насекомых много ль возьмешь?
Рецензии пишет газетная вошь.
Елозит, врёт, да и тиснет статейку
И до смерти рада, урвав копейку.
Притом меланхолии полно взгляд.
Публика верит из состраданья:
Уж больно обиженные созданья
И вечно сердечки у них болят.
Тут стерпишь, пожалуй, любой поклеп.
Молчи, не противься — ведь это ж — клоп.
Его бы, конечно, можно под ноготь,
Да, право, уж лучше не трогать.
А то попробуй такого тронь —
На целый свет подымет вонь!
Поэтому, думаю, безопасней
Пока отложить толкованье басни.

3

ПЕАН

(Фрагмент)

Отстрани со лба венки ты,
На ушах нависший пышно,
Бер, чтобы свободней мог ты
Внять мой лепет, еле слышный.

Превратил мой голос в лепет,
Пред великим мужем трепет, —
Тем, чей гений так могуч,
В ком искусства чистый ключ;
Мастерским приемам разным
Громкой славой он обязан:
Не свалилась прямо в рот
Слава эта без забот,
Как сопливому разине —
Вроде Моцарта, Россини.

Нет, наш мастер — всех прямее,
Тем он дорог нам — Бер-Мейер.
Он хвалы достоин, право,
Сам себе он создал славу —
Чистой силой волевой,
Мощью мышленья живой,
Он в политике плел сети,
Все расчел он, как по смете,
Сам король — его протектор,
И за то он стал директором
Над всей музыкальной частью,
Облечен такою властью...

С коей, со всеподданнейшим почтением, я ныне вступаю в судебное пререкание.

4

ЮДОЛЬ ПЛАЧА

Сквозь щели ветер ночной свистит,
А на чердачном ложе
Две бедных тени улеглись;
Их лица — кости да кожа.

Первая бедная тень говорит:
«Меня обними рукою,
Ко рту моему прижми свой рот,
Хочу согреться тобою».

Вторая бедная тень говорит:
«Когда я гляжу в твои очи,
Скрывается голод, и бедность, и боль,
И холод этой ночи».

Целовались они, рыдали они,
Друг другу руки сжимали,
Смеялись порой, даже спели раз,
И вот под конец замолчали.

Наутро с комиссаром пришел
Лекарь, который, пощупав
Пульс, на месте установил
Отсутствие жизни у трупов.

«Полый желудок, — он пояснил, —
Вместе с диетой строгой
Здесь дали летальный исход, — верней,
Приблизили намного.

Всегда при морозах, — прибавил он, —
Нужно топить жилище
До теплоты, и вообще
Питаться здоровой пищей».

'5

ЭДУАРД

Гробовая колесница,
В траурных пополах клячи.
Он, кто в мир не возвратится,
На земле не знал удачи.

Был он юноша. На свете
Все бы радости изведал,
Но на жизненном банкете
Рок ему остаться не дал.

Пусть шампанское, играя,
Пенилось в его бокале —

Тяжко голову склоняя,
Он сидел в немой печали

И слеза его блестела,
Падая в бокал порою,
А толпа друзей шумела,
Тешась песней круговою.

Спи теперь! Тебя разбудит
В залах на небе веселье
И томить вовек не будет
Жизни горькое похмелье.

6

ДУЭЛЬ

Сошлись однажды два быка
Подискутировать слегка.
Был у обоих горячий нрав,
И вот один в разгаре споров
Сильнейший аргумент привел,
Другому заорав: «Осел!»
«Осла» получить быку — хуже пули,
И стали боксировать наши джон булли.

Придя в то же время на тот же двор,
И два осла вступили в спор.
Весьма жестокое было сражение,
И вот один, потеряв терпенье,
Издав какой-то дикий крик
И заявил другому: «Ты — бык!»

Чтоб стать длинноухому злейшим врагом,
Довольно его назвать быком.
И загорелся бой меж врагами:
Пинали друг друга лбом, ногами,
Отвешивали удары в *rodex*,¹
Блюдя священный дуэльный кодекс.

¹ Зад (*лат.*).

А где же мораль? — Вы мораль проглядели,
Я показал неизбежность дуэли.
Студент обязан вклепать кулаком
Тому, кто его называл дураком.

7

ЭПОХА КОС

Басня

Две крысы были нищи,
Они не имели пищи.

Мучает голод обеих подруг;
Первая крыса пискнула вдруг:

«В Касселе пшенная каша есть,
Но, жаль, часовой мешает съесть;

В курфюрстской форме часовой,
При этом — с громадной косой;

Ружье заряжено — крупная дробь;
Приказ: кто подойдет — угрожь».

Подруга зубами как скрипнет
И ей в ответ как всхлипнет:

«Его светлость курфюрст у всех знаменит,
Он доброе старое время чтит,

То время каттов старинных
И вместе кос их длинных.

Те катты в мире лысом
Соперники были крысам;

Коса же — чувственный образ лишь
Хвоста, которым украшена мышь;

Мы в мирозданье колоссы —
У нас натуральные косы.

Курфюрст, ты с каттами дружен, —
Союз тебе с крысами нужен.

Конечно, ты сердцем с нами слился,
Потому что у нас от природы коса.

О, дай, курфюрст благородный наш,
О, дай нам вволю разных каш.

О, дай нам просо, дай пшено,
А стражу прогони заодно!

За милость вашу, за эту кашу
Дадим и жизнь и верность нашу.

Когда ж, наконец, скончаешься ты,
Мы над тобой обрежем хвосты,

Сплетем венок, свезем на погост;
Будь лавром тебе крысиный хвост!»

8

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ ПЕС

Жил пудель; этот славный пес
Достойно имя Брута нес...
Воспитан, честен и умен —
Прославился далеко он,
И каждый не раз уже был свидетель,
Сколь в этом псе тверда добродетель...
Все ставили честного Брута в пример.
Хозяин гордился им свыше мер
И чтобы доверие к псу доказать,
Решил он корзину ему заказать:
Пусть в ней по утрам, из лавки мясной
Приносит пес товар заказной...
И Брут благородный шел с полной корзиной,
С отличной говядиной, с лучшей свиной,
С бараниной жирной, с телятиной сочной,
И все, до кусочка малейшего, точно,

Не зная соблазнов, дорогой прямой
Достойнейший пес приносил домой...

Однако — увы! — среди породы собачьей
Не каждого честностью путь обозначен:
Среди разношерстных и лающих свор
Порой — как у нас — есть мошенник и вор,
Нахал, грубиян, даже просто грабитель:
Что им добродетели строгой хранитель?
Ведь всей этой грязной собачьей стае
Была ненавистна честность простая,
И чувство долга и самый труд:
Их всех раздражал благородный Брут...
И вот однажды, когда наш пес
Корзину с мясом из лавки нес,
С полдюжины этих отпетых бродяг,
Позорящих славное имя собак,
Набросилось разом на ценную ношу:
И вот уже груз ими на землю сброшен...
Визжа и урча — таков их обычай —
Рванулась вся шайка к желанной добыче...
Что ж делал наш пес? Он сперва, как философ,
Спокойно стоял, полный жгучих вопросов,
И вдруг, зарывав, сделал смелый бросок
И жадно схватил самый лучший кусок!..

М о р а л ь

И ты, о Брут, отныне вор! —
Уже я слушал ваш приговор...
Увы! Злой пример развращает многих,
Притом не только четвероногих:
Ведь ты не один, злосчастный Брут,
Был раньше честным, а ныне — плут!..

9

ЛОШАДЬ И ОСЕЛ

По рельсам, как молния, поезд летел,
Пыхтя и лязгая грозно.
Как черный вымпел, над мачтой-трубой
Реял дым паровозный.

Состав пробежал мимо фермы одной,
Где белый и длинношей
Мерин глазел, а рядом стоял
Осел, улетаая репей.

И долго поезду вслед глядел
Застывшим взглядом мерин;
Вздыхая и весь дрожа, он сказал:
«Я так потрясен, я растерян!

И если бы по природе своей
Я меринком белым не был,
От этого ужаса я бы теперь
Весь поседел, о небо!

Жестокий удар судьбы грозит
Всей конской породе, бесспорно.
Хоть сам я белый, но будущность мне
Представляется очень черной.

Нас, лошадей, вконец убьет
Конкуренция этой машины;
Начнет человек для езды прибегать
К услугам железной скотины.

А стоит людям обойтись
Без нашей конской тяги, —
Прощай, овес наш, сено, прощай, —
Пропали мы, бедняги!

Ведь сердцем человек — кремень:
Он даром и макухи
Не даст. Он выгонит нас вои, —
Подохнем мы с голодухи.

Ни красть не умеем, ни брать взаймы,
Как люди, и не скоро
Научимся льстить, как они и как псы.
Нам путь один — к живодеру!»

Так плакался конь и горько вздыхал,
Он был настроен мрачно.

А невозмутимый осел между тем
Жевал репейник смачно.

И морду свою облизав, он сказал
Беспечно: «Послушай-ка, мерин:
О том, что будет, — сейчас ломать
Я голову не намерен.

Для вас, для гордых коней, паровоз —
Проблема существованья:
А нам впадать, смиренным ослам,
В отчаянье — нет основанья.

У белых, у пегих, гнедых, вороных,
У всех вас — конец печальный;
А нас, ослов, трубою своей
Не вытеснит пар нахальный.

Каких бы хитрых еще машин
Ни выдумал ум человека, —
Найдется место нам, ослам,
Всегда, до скончания века.

Нет, бог не оставит своих ослов,
Что в полном сознанье долга —
Как предки их честные, будут плестись
На мельницу еще долго.

Хлопочет мельник, в мешки мука
Струится под грохот гулкий;
Тащу ее к пекарю, пекарь печет, —
Человек жрет хлеб и булки.

Сей жизненный круговорот искони
Предначертала природа.
И вечна, как и природа сама,
Ослиная наша порода».

М о р а л ь

Век рыцарства давно прошел:
Конь голодает. Но осел,
Убогая тварь, он будет беспечно
Овсом и сеном питаться вечно.

ПОДСЛУШАННОЕ

«О мудрый Екеф, во сколько монет
Тебе обошелся баварец —
Муж твоей дочери? Ведь она
Весьма лежалый товарец.

Скажи, ты отдал ему шестьдесят
Или семьдесят тысяч марок?
За гоя совсем небольшая цена.
Ведь дочка твоя — не подарок.

А я вот — Шлемиль! Подумай: с меня
Взяли вдвое дороже.
И что я имею? Какую-то дрянь!
Ну, в общем, ни кожи ни рожи».

И хмыкнув умно, как Натан-Мудрец,
Сказал мудрый Екеф степенно:
«Ты слишком дорого платишь, мой друг,
Ты им набиваешь цену.

Ты, видно, совсем заморочен свсей
Постройкой железной дороги.
А я вот гуляю. Подумать люблю,
Пока разминаю ноги.

Мы переоцениваем христиан.
Цена на них резко упала.
Поверь, за сто тысяч марок вполне
Ты можешь иметь кардинала.

Недавно я подыскал жениха
Для младшей дочурки *in petto*:¹
Шесть футов ростом, сенатор. И нет
У малого родичей в гетто.

Лишь сорок тысяч марок я дал
За этого христианина.

¹ Про себя, никому не сообщая.

Двадцать — наличными. Через банк
Другая пойдет половина.

Посмотришь: сенатором станет мой сын,
Несмотря на сутулые плечи.
Я это устрою! Весь Вандрам
Поклонится нам при встрече.

Мой шурин — очень большой шутник
Сказал мне вчера за стаканом:
«О мудрый Екеф! Тебя господь
Родил самим Талейраном!..»

...Такой, приблизительно, разговор,
Однажды послушанный мною,
На улице Гамбурга — Юнгферштиг —
Гуляя, вели эти двое.

11

СИМПЛИЦИССИМУС I

Один несчастья не снесет,
Другой — не переварит счастья;
Мужчин враждой погублен первый,
Другого гибель — в женской страсти.

Когда лишь я тебя узнал,
Ты лоска чужд был и в зачатке,
И рук твоих плебейских кожа
Не знала лайковой перчатки.

Зеленый ты носил сюртук,
Уже потрепанный и узкий;
Рукав короткий, полы длинны —
Как будто хвост у трясогузки.

Платок твой шейный, верно, служил
Салфеткой у мамы на туалете;
Атласный галстук еще не украсил
Гордую шсю и вырез в жилете.

Так честно глядели твои сапоги,
Как будто Ганс Сакс их тачал саморучно,—
Французским еще не тронуты лаком,
Немецкой ворванью смазаны тучно.

Еще ты мускусом не пропах,
И не носил еще лорнетки,
Цепочки ты не имел золотой,
Жены и бархатной жилетки.

Держался ты в те времена
Самоновейшей моды света —
Всех швабо-галльцев; но в ту пору
Переживал ты дни расцвета.

На голове твоей волос
Росло немало. Рос тяжелый
Под ними груз великих мыслей;
Теперь же — пуст твой череп голый.

Исчез и лавровый венок,
Что плешь прикрыть бы мог немножко.
Кто общипал тебя так? Право,
Подобен ты драной кошке.

Дукаты тестя разошлись,
Что он на шелке когда-то нажил.
Кряхтит старик: из немецкой поэзии
Немного выпрял он шелковой пряжи!

Ах, это ль *Живой*, который весь свет —
Со всем запасом галушек, сосисок —
Хотел проглотить и в ад ниспровергнуть
Князя Пюклер-Мускау родословный список?

Ты рыцарь ли вольный, что не раз —
Как тот, другой — Ламанчский, неистов,
Опроверженья писал тиранам
В духе дерзостных гимназистов?

И это ли генералиссимус
Германской свободы? Избранник смелый
Эмансипации, что красовался
Верхом перед бойцами за правое дело!

И сивый конь под ним был бел,
Как кони, служившие богам, героям —
Давно посивевшие; спаситель отечества
Среди ликования ехал пред строем.

Да, то был скачущий виртуоз,
Лист на коне, лунатик, свойский
Божок мещан, крикун базарный,
Фигляр презренный в роли героической.

И амазонкой супруга его
С длинным носом ехала рядом —
С пером, на шляпе реющим гордо,
И с полным экстаза прелестным в зглядом

Молва идет, что тщетно жена
Боролась тогда с малодушьем супруга —
Когда при выстрелах ружейных
Кишечник нежный ослаб от испуга.

Она сказала: «Брось дрожать,
Оставь ты заячьи эти привычки!
Здесь речь идет о победе иль смерти —
Корону добыть можно в этой стычке.

Вспомни родины ты нужду,
И нужд своих и долгов количество.
Корону во Франкфурте примешь, и Ротшильд
Даст взаймы тебе — как всем величествам.

Как будет мантии горностай
Тебе к лицу! Я слышу уж — воеет
В восторге народ; вижу девушек в белом,
Что радостно путь твой цветами покроют».

Бессильна приманка! Есть антипатии,
Что даже избранным ноги подкосят.
Как Гете дым табачный, так же
Герой наш пороха не выносит.

Защелкали пули — бледнеет герой,
Лепечет слова без конца и начала —

Он бредит, а супруга рядом
Платок свой к длинному носу прижала.

Так говорили. Было ли так?
Кто знает? Все мы, люди, слабы,
Велик Гораций Флакк, но в битве
И он искал — удрать куда бы.

Таков прекрасного в мире удел —
Изящный падет с неуклюжими равно.
Макулатурой станут их песни
И сами поэты — голюю бесславной.

12

КОРОЛЬ ДЛИННОУХИЙ I

Само собой, в короли прошел
Большинство голосов получивший осел,
И учинился осел королем.
Но вот вам хроника о нем:

Король-осел, корону надев,
Вообразил о себе, что он лев;
Он в львиную шкуру облекся до пят,
И стал рычать, как львы рычат.
Он лошадьми себя окружает,
И это старых ослов раздражает.
Бульдоги и волки — войско его,
Ослы заворчали и пуще того.
Быка он приблизил, канцлером сделав,
И тут ослы дошли до пределов.
Грозятся восстанием в тот же день!
Король корону надел набекрень
И быстро укутался, раз-два,
В шкуру отчаянного льва.
Потом объявляет особым приказом
Ослам недовольным явиться разом,
И держит следующее слово:

«Ослы высокие! Здорово!
Ослом вы считаете меня,

Как будто осел и я, и я!
Я — лев; при дворе известно об этом
И всем статс-дамам и всем субреттам.
И обо мне мой статс-пинт
Создал стихи, и в них говорит:
«Как у верблюда горб природный,
Так у тебя дух льва благородный —
У этого сердца, этого духа
Вы не найдете длинного уха».
Так он пост в строфе отборной,
Которую знает каждый придворный.
Любим я; самые гордые павы
Щекочут затылок мой величавый.
Поощряю искусства; все говорят,
Что я и Август и Меценат.
Придворный театр имею давно я;
Мой кот исполняет там роли героя.
Мимистка Мими, наш ангел чистый,
И двадцать мопсов — это артисты.
В академии живописи, ваянья
Есть обезьяньи дарованья.
Намечен директор на место это —
Гамбургский Рафаэль из гетто,
Из Грязного Вала, — Леман некто.
Меня самого напишет директор,
Есть опера и есть балет,
Он очень кокетлив, полураздет.
Поют там милейшие птицы эпохи
И скачут талантливейшие блохи.
Там капельмейстером Мейер-Бер,
Сам музыкальный миллионер.
Уже наготовил Мерин-Берий
К свадьбе моей парадных феерий.
Я сам немного занят музыкой,
Как некогда прусский Фридрих Великий.
Играл он на флейте, я на гитаре,
И много прекрасных, когда я в ударе
И с чувством струны свои шевелю,
Тянутся к своему королю.
Настанет день, — королева моя
Узнает, как музыкален я!
Она — благородная кобылица,

Высоким родом своим гордится.
Ее родня ближайшая, тетья,
Была Россинанта при Дон-Кихоте;
А взять ее корень родословный,
Там значится сам Баярд чистокровный;
И в предках у ней, по ее бумагам,
Те жеребцы, что ржали под флагом
Готфрида, сотни лет назад,
Когда он вступал в господень град.
Но прежде всего она красива,
Блестает! Когда дрожит ее грива,
А ноздри начнут и фыркать и грохать,
В сердце моем рождается похоть, —
Она, цветок и богиня кобылья,
Наследника мне принесет без усилья.
Поймите, — от нашего сочетанья
Зависит династии существованье.
Я не исчезну без следа,
Я буду в анналах Клио всегда,
И скажет богиня эта благая,
Что львиное сердце носил всегда я
В груди своей, что управлял
Я мудро и на гитаре играл».

Рыгнул король, и речь прервал он,
Но ненадолго, и так продолжал он:

«Ослы высокие! Все поколенья!
Я сохраню к вам благоволенье,
Пока вы достойны. Чтоб всем налог
Платить без опоздания, в срок.
По добродетельному пути,
Как ваши родители, идти, —
Ослы старинные! В зной и холод
Таскали мешки они, стар и молод,
Как им приказывал это бог.
О бунте никто и мыслить не мог.
С их толстых губ не срывался ропот,
И в мирном хлеву, где привычка и опыт,
Спокойно жевали они овес!
Старое время ветер унес.
Вы, новые, остались ослами,

Но скромности нет уже меж вами.
Вы жалко виляете хвостом,
И вдруг являете треск и гром.
А так как вид у вас бестолков,
Вас почитают за честных ослов;
Но вы и бесчестны, вы и злы,
Хоть с виду смиреннейшие ослы.
Подсыпать вам перцу под хвост, и вмиг
Вы издасте ослиный крик,
Готовы разнести на части
Весь мир, — и только дерете пасти.
Порыв, безрассудный со всех сторон!
Бессильный гнев, который смешон!
Ваш глупый рев обнаружил вмиг,
Как много различнейших интриг,
Тупых и низких дерзостей
И самых пошлых мерзостей,
И яда, и желчи, и всякого зла
Таиться может в шкуре осла».

Рыгнул король, и речь прервал он,
Но ненадолго, и так продолжал он:

«Ослы высокие! Старцы с сынами!
Я вижу вас насквозь, я вами
Взволнован, я злюсь на вас свирепо
За то, что бесстыдно и нелепо
О власти моей вы порете дичь.
С ослиной точки трудно постичь
Великую львиную идею,
Политикой движущую мою.
Смотрите вы! Бросьте эти штуки!
Растут у меня и дубы и буки,
Из них мне виселицы построят
Прекрасные. Пусть не беспокоят
Мои поступки вас. Не противясь,
Совет мой слушайте: рты на привязь!
А все преступники-резонеры, —
Публично их выпорют живодеры;
Пускай на каторге шерсть почешут.
А тех, кто о восстании брешут,
Дробят мостовые для баррикады, —

Повешу я без всякой пощады.
Вот это, ослы, я внушить вам желал бы!
Теперь убираться я приказал бы».

Король закончил свое обращенье;
Ослы пришли в большое движенье;
Они прокричали: «И-а, и-а!
Да здравствует наш король! Ура!»

13

ОСЛЫ-ИЗБИРАТЕЛИ

Свобода наскучила в данный момент;
Республика четвероногих
Желает, чтобы один регент
В ней правил вместо многих.

Звериные роды собрались,
Листки бюллетеней писались;
Партийные споры начались,
Интриги завязались.

Стояли Старо-Ослы во главе
Ослиного Комитета;
Носили кокарды на голове
Черно-красного, с золотом, цвета.

Была еще партия жеребцов,
Но та голосов не имела;
Боялась свирепых Старо-Ослов,
Кричавших то и дело.

Когда ж кандидатом коня провел
По спискам один избиратель,
Прервал его серый Старо-Осел
И крикнул ему: «Ты предатель!»

Предатель ты! И крови осла
Ни капли в тебе не струится;
Ты не осел! Тебя родила
Французская кобылица.

От зебры род, должно быть, твой,
Ты весь в полоску, как зебра,
И голоса тембр у тебя носовой,
Как голос еврея, негра.

А если ты и осел, то все ж
Осел от разума, хитрый;
Ты глуби ослиной души не поймешь,
Ее мистической цитры.

Но я, я всею душой вошел
В сладчайший этот голос;
Я есмь осел, мой хвост — осел,
Осел мой каждый волос.

Я не из римлян, не славянц,
Я из ослов немецких,
Я мыслящих предков храбрый сын,
И кряжистых и молодецких.

Они не играли в *galanterie*¹
Фривольными мелочами,
И быстро-бодро-свежо, раз-два-три,
На мельницу шли с мешками.

Отцы не умерли! В гробах
Одна лишь кожа с мехом,
Их тленная риза! Они в небесах
Приветствуют нас со смехом.

Ослы блаженные, в нимбе венца!
Мы следовать вам клянемся,
С путей добродетели до конца
Мы на волос не собьемся.

О что за блаженство быть ослом!
Таких длинноухих сыном!
Со всех бы крыш кричать о том:
Рожден я в роде ослином!

¹ Учтивость (*франц.*).

Большой осел, что был мне отцом,
Он был из немецкого края;
Ослино-немецким молоком
Вскормила нас мать родная.

Я есмь осел, из самых ослов,
И всею душой и телом
Держусь я старых ослиных основ
И всей ослиатины в целом.

И мы свой ослиный совет даем:
Осла на престол поставить;
Мы осломонархию оснуем,
Где только ослы будут править.

Мы все здесь ослы! И-а! И-а!
От лошадей свобода!
Долой коня! Виват! Ура!
Король ослиного рода!»

Так кончил патриот, и зал
Оратору дружно хлопал.
Тут каждый национальным стал
И бил копытом об пол.

Дубовый венок на его главу
Потом возложило собрание,
И он благодарил толпу,
Махая хвостом в молчанье.

14

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ МАССЫ

«Блины, которые я отпускал до сих пор за три серебряных гроша, я отпускаю отныне за два серебряных гроша. Все зависит от массы».

Засел в мою память прочней монументов
Один анонс — для интеллигентов
Борусской столицы, когда-то он
В «Intelligenz Blatt»¹ был помещен.

¹ «Справочном листке» (нем.).

Берлин! Столица борусской страны!
Цветешь ты свежестью весны,
Как пышных лип твоих аллеи...
Все так же ли ветер их бьет, не жалея,
А как твой Тиргартен? Найдется ль в нем
тварь,
Что хлещет пиво, как и встарь,
С женой в павильоне, под ту же погудку:
Мораль — душе, а борщ — желудку.

Берлин! Ты каким предаешься потехам?
Какого разию приветствуешь смехом?
При мне еще Нанте не снился берлинцам.
В ту пору только чушь молили
Высоцкий с пресловутым кронпринцем,
Что ныне ерзает на престоле.
Теперь в короле не признать балагура —
Голова под короной повисла понуро.
Сего венценосца сужу я не строго,
Ведь мы друг на друга походим немного,
Он очень любезен, талантлив притом, —
Я тоже был бы плохим королем.
Как я, не питает он нежных чувств
К музыке — чудовищу искусств.
Поэтому протезирует он
Мейербера — музыке в урон.
Король с него денег не брал, о нет! —
Как об этом гнусно судачит свет.
Ложь! С беренмейеровских денег
Король не разбогател ни на пфенниг!
И Беренмейер с неких пор —
Королевской оперы дирижер,
Но за это ему — награда одна:
И титулы, и ордена.
Лишь «en tonnaie de singe». ¹ Так вот:
За roi de Prusse ² проливает он пот.

¹ Расплата шуточками (франц.).

² «На прусского короля» — иносказательно: работая бесплатно (франц.).

Как только начну Берлин вспоминать,
Университет я вижу опять.
Под окнами красные скачут гусары,
Там музыки грохот и звуки фанфары,
Громко несутся солдатские «зори»
К студиям под своды аудиторий.
А профессора там все в том же духе —
Весьма или менее длинноручи?
Все так же ль изящно, с тем же эффектом
Слащаво поет дифирамбы пандектам
Наш Савиньи, иль сей певец,
Быть может, помер под конец?
Я, право, не знаю... Скажите по чести,
И не расплачусь при этой вести...
И Лотте умер. Смертен всякий,
Как человек, так и собаки,
А псам таким и подыхать,
Что рады здравый смысл обрехать
И считают для вольного немца почетом —
Задышаться под римским гнетом...
А Массман плосконосый, тот все у дел?
Иль Массмана смертных постиг удел?
Не говорите об этом, я буду убит.
И, если подох он, я плакать стану, —
О! пусть еще долге он небо коптит,
Нося на коротеньких ножках свой грузик,
Уродливый карлик, смешной карапузик
С отвислым брюхом... Сей пигмей
Был мне на свете всех милей!
Я помню его. Он так был мал,
Но, как бездонная бочка, лакал
Со студентами пиво, — те, пьянствуя часто,
Под конец излупили беднягу-гимнаста.
То-то было побоище! Юноши браво
Доказали упорством рук,
Что Туснельды и Германа внук —
Достойный поборник кулачного права;
Молодые германцы не знали поблажки,
Молотили руками... То в зад, то в ляжки
Пинали ногами все боле и боле,
А он, негодай, хоть бы пикнул от боли.
«Я удивлен! — вскричал я с жаром,

Как стойко ты сносишь удар за ударом,
Да ты ведь герой! Ты брутовской расы!»
И Массман молвил: «Все зависит от массы!»

Да, à propos,¹ а этим летом
Вы репой тельтовской довольны?
Хорош ли огурчик малосольный
В столице вашей? А вашим поэтам
Живется все так же без резких волнений
И все среди них не рождается гений?
Хотя, к чему гений? Ведь у нас расцвело
Моральных и скромных талантов немало.
У морального люда есть тоже прикрасы.
Двенадцать уж дюжица. Все зависит от массы!
А вашей лейб-гвардии лейтенанты,
По-прежнему те же наглые франты?
Все так же затянуты в рюмочку тальи?
Все так же болтливы эти каналы?
Но берегитесь — беда грозит, —
Еще не лопнуло, но трещит!
Ведь Бранденбургские ворота у вас
Грандиозностью славятся и сейчас.
И в эти ворота, дождетесь вы чести,
Всех вас вышвырнут с прусским величием
вместе.
Все зависит от массы!

15

БРОДЯЧИЕ КРЫСЫ

На две категории крысы разбиты:
Одни голодны, а другие сыты.
Сытые любят свой дом и уют,
Голодные вон из дома бегут.

Бегут куда попало,
Без отдыха, без привала,
Бегут куда глядят глаза,
Им не помеха ни дождь, ни гроза.

¹ Кстати (франц.).

Перебираются через горы,
Переплывают морские просторы,
Ломают шею, тонут в пути,
Бросают мертвых, чтоб только дойти.

Природа их обделила,
Дала им страшные рыла,
Острижены — так уж заведено —
Все радикально и все под одно.

Сии радикальные звери —
Безбожники, чуждые вере.
Детей не крестят. Семьи не ища,
Владеют женами все сообща.

Они духовно нищи:
Тело их требует пищи,
И в поисках пищи влача свои дни,
К бессмертью души равнодушны они.

Крысы подобного склада
Не боятся ни кошек, ни ада.
У них ни денег, ни дома нет.
Им нужно устроить по-новому свет.

Бродячие крысы, о горе! —
На нас накинутся вскоре.
От них никуда не спрячемся мы,
Они наступают, их тьмы и тьмы.

О горе, что будет с нами!
Они уже под стенами,
А бургомистр и мудрый сенат,
Не зная, что делать, от страха дрожат.

Готовят бюргеры порох,
Попы трезвонят в соборах, —
Морали и государства оплот,
Священная собственность прахом пойдет!

О нет, ни молебны, ни грохот набата,
Ни мудрые постановления сената,

Ни самые сильные пушки на свете
Уже не спасут вас, милые дети!

Вас не поддержат в час паденья
Отжившей риторики хитросплетенья.
Крысы не ловятся на силлогизмы,
Крысы прыгают через софизмы.

Голодное брюхо поверить готово
Лишь логике супа и факту жаркого,
Лишь аргументам, что пахнут салатом,
Да геттингенским колбасо-цитатам.

Треска бессловесная в масле горячем
Нужней таким радикалам бродячим,
Чем Мирабо, чем любой Цицерон,
Как бы хитро ни витийствовал он.

16

1649—1793—???

Невежливей, чем британцы, едва ли
Цареубийцы на свете бывали.
Король их Карл, заточен в Уайтхолл,
Бессонную ночь перед казнью провел:
Под самым окном веселился народ
И с грохотом строили эшафот.

Французы немногим учтивее были:
В простом фиакре Луи Капета
Они на плаху препроводили,
Хотя, по правилам этикета,
Даже и при такой развязке,
Надо возить короля в коляске.

Еще было хуже Марии-Антуанетте:
Бедняжке совсем отказали в карете;
Ее в двуколке на эшафот
Повез не придворный, а санкюлот.

Дочь Габсбурга рассердилась немало
И толстую губку надменно поджала.

Французам и бриттам сердечность чужда,
Сердечен лишь немец во всем и всегда.
Он будет готов со слезами во взоре
Блюсти сердечность и в самом терроре.
А оскорбить монарха честь
Его не вынудит и месть.

Карета с гербом, с королевской короной,
Шестеркою кони под черной попоной,
Весь в трауре кучер, и, плача притом,
Взмахнет он траурно-черным кнутом, —
Так будет король наш на плаху доставлен
И всепокорнейше обезглавлен.

**РАЗНЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1853—1856**

1

В их поцелуях крылся путь к изменам,
От них я пьян был виноградным соком,
Но смертный яд с ним выпил пенароком,
Благодаря кузинам и кузенам.

Спасенья нет моим гниющим членам,
Прирос к одру я неподвижным боком,
Погибла жизнь в объятье их жестоком,
Благодаря кузинам и кузенам.

Пусть я крещен, — есть след в церковной книге—
И надо бы мне, прежде чем остынуть,
Дать отпущенье им в моих несчастьях, —

Но легче мне, в мечтах о смертном миге,
Их не простить — безжалостно проклясть их:
Дай, боже, им измучиться и сгинуть!

2

ОРФЕИСТИЧЕСКОЕ

Недобрый дух в педобрый день
Тебе вручил убийцы нож кровавый.
Не знаю, кто был этот дух,
Но рану жгло мучительной отравой.

Во мраке ночи, мнится мне.
Ты явишься, жилец иного света,
Раскрыть мне тайну, клятву дать,
Что был не ты убийцею поэта.

Я жду тебя, приди приди!
Иль сам сойду в геенну за тобою
И вырву правду у тебя
Пред сонмами чертей, пред сатаною.

Пройду, как древле шел Орфей,
Пройду средь воплей, скрежета и смрада,
И верь мне, я найду тебя,
Хоть скройся в безднах глубочайших ада!

Туда, туда, где царство мук,
Где вторит вошлю хохот беспощадный!
С тебя личину я сорву,
Великодушья пурпур маскарадный.

Я знаю все, что знать хотел,
Ты мной прощен, моей виновник смерти,
Но мне ли охранять того,
Кому в лицо плюют с презреньем черти!

3

«Да не будет он помянут!» —
В лютой скорби так кричала
Эстер Вольф, и речь старухи
Крепко в сердце мне запала.

Да о нем сотрется память,
Да во мрак забвенья канут
Все преданья о проклятом!
Да не будет он помянут!

Сердце, сердце, плачь и сетуй,
Что в страданьях годы вянут,

Но о нем ни слова больше!
Да не будет он помянут!

Да не будет он помянут
Ни в речах, ни в книгах, братья!
Смрадный пес, во гробе смрадном
Да сгноят тебя проклятья!

И когда фанфары гнева
В страшный день на суд господий
Сонмы грешников усопших
Воззовут из преисподней,

И пред божиим престолом
Души бледные предстанут,
И прочтет архангел списки, —
Да не будет он помянут!

4

В диком бешенстве ночами
Потрясаю кулаками
Я с угрозой, но без сил
Никнут руки — так я хил!
Плотью, духом изможденный,
Гибну я, неотомщенный.
Даже кровная родня
Мстить не станет за меня.

Кровники мои, не вы ли
Сами же меня сгубили? —
Ах! Измены черной дар —
Тот предательский удар.
Словно Зигфрида-героя,
Ранили меня стрелою —
Ведь узнать легко своим,
Где их ближний уязвим.

5

Тот, в ком сердце есть, кто в сердце
 Скрыл любовь, наполовину
 Побезден, и оттого я,
 Скванный, лежу и стыну.

А едва умру, язык мой
 Тотчас вырежут, от страха,
 Что поэт и мертвый может
 С гневной речью встать из праха.

Молча я сгнию в могиле
 И на суд людской не выдам
 Тех, кто подвергал живого
 Унизительным обидам.

6

Я жалил стихом и ночью и днем
 Мужчин и девиц степенных —
 Дурачеств много творил я притом,
 С умом же пропал совершенно.

Зачав, служанка родила —
 К чему хулить природу?
 Чья жизнь без глупостей прошла,
 Тот мудрым не был сроду.

7

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Всегда их подлинную кличку
 Давай, мой друг, героям басен.
 Сробеешь — результат ужасен!
 С твоим ослом пойдет на смычку
 Десяток серых дурней, воя:
 «Мои ведь уши у героя!»
 А этот визг и рев с надсадой

Моею отдаёт руладой:
Осел я! Хоть не назван я,
Меня узнают все друзья,
Вся родина Германия:
Осел тот я! И-я! И-я!»
Ты одного щадил болвана,
Тебе ж грозит десяток рьяно!

8

ОТХОДЯЩИЙ

Все замерло в груди моей:
Волненье, суета страстей,
И гордой ненависти след
Едва не замер, и даже нет
Сознания своих или чуждых невзгод —
Лишь смерть одна во мне живет!

Но вот и занавес упал!
Зевая, покидает зал
Моя немецкая публика,
Она не валяет дурака,
О чем ей в жизни унывать? —
Поест, попьет и ляжет спать.

Был прав достойный сын Пелея,
Роптавший горько в «Одиссее»:
«Живой филистер, самый мизерный,
На Неккаре в Штуккерте, счастливей, наверно,
Чем я, Пелид, бездыханный герой,
Я, призрак, царящий над мертвой толпой».

9

ЦИТРОНИЯ

То были детские года,
Я платьице носил тогда,
Я в школу только поступил,
Едва к учению приступил.

Двенадцать девочек — вся школа,
Лишь я — герой мужского пола.
В клетушке-комнатке с утра
Весь день возилась детвора, —
Писк, лепет, щебетанье, гам,
Как будто птички были там;
Читали хором по складам,
А фрау Гиндерман — барбос,
Украшивший очками нос
(То был, скорее, клюв совы), —
Качая головой, увы,
Сидела с розгой у стола
И больно малышей секла.
За то, что маленький пострел
Невинно нашалить посмел,
Вмиг задираля низ рубашки,
И полушария бедняжки,
Что так малы и так милы,
Порой, как лилии, белы,
Как розы алы, как пионы, —
Ах, эти нежные бутоны,
Избиты старою каргой,
Сплошь покрывались синевою!
Позор и поруганье, дети, —
Удел прекрасного на свете.
Цитрония, волшебный край —
Так звал я то, что невзначай
У Гиндерман открылось мне,
Подобно солнцу и весне,
Так нежно, мягко, идеально,
Цитронно-ярко и овально,
Так мило, скромно, смущено
И гнева гордого полно.
Цветок любви моей, не скрою,
Навеки я пленен тобою!
Стал мальчик юношей, а там —
Мужчиною по всем правам.
И — чудо! — золотые сны
Ребенка в явь воплощены.
То, чем я бредил в тьме ночной
Живое ходит предо мной.
Ко мне доносится сквозь платье

Прелестный запах, но — проклятье! —
На что глядел бы я веками,
То скрыто от меня шелками!
Завесой тоньше паутины
Лишен я сладостной картины, —
Закрывает ткань волшебный край,
Цитронию, мой светлый рай!
Стою, как царь Тантал: дразня,
Фантом уходит от меня.
Как будто волей злого мага —
Бежит от губ сожженных влага.
Мой плод желанный так жесток, —
Он близок, но, увы, далек!
Кляну злодея-червяка,
Что на ветвях прядет шелка,
Кляну ткача, что из шелков,
Из этой пряжи тклет покров,
Тафту для пакостных завес,
Закрывших чудо из чудес —
Мой солнечный, мой светлый рай,
Цитронию, волшебный край!
Порой, забывшись, как в чаду,
В безумье бешенства, в бреду
Готов я дерзостной рукой
Сорвать тот полог роковой,
Покров, дразнящий сладострастье,
Схватить мое нагое счастье!
Но, ах! Есть ряд соображений
Не в пользу таковых движений,
Нам запретил морали кодекс
Посягновение на podex.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Без прикрас, в укромном месте
Расскажу я вам по чести
Очень точно и правдиво,
Что Цитрония за диво.
А пока — кто понял нас —
Чур молчать! — заверю вас,
Что искусство есть обман,
Некий голубой туман. —

Что ж являл собой подснежный
Голубой цветок, чей нежный
Романтический расцвет
Офтердингеном воспет?
Синий нос крикливой тетки,
Что скончалась от чахотки
В заведении для дворян?
Чей-то голубой кафтан?
Иль, быть может, цвет подвязки,
Что с бедра прелестной маски
Соскользнула в контрдансе? —
Nonni soit qui mal у pense! ¹

10

Цветы, что Матильда в лесу нарвала
И, улыбаясь, принесла,
Я с тайным ужасом, с тоскою
Молящей отстранил рукою.

Цветы мне говорят, дразня,
Что гроб раскрытый ждет меня,
Что, вырванный из жизни милой,
Я — труп, не принятый могилой.

Мне горек аромат лесной!
От этой красоты земной,
От мира, где радость, где солнце и розы,
Что мне осталось? — Только слезы.

Где счастья шумная пора?
Где танцы крыс в Grande Opéra?
Я слышу теперь, в гробовом молчанье,
Лишь крыс кладбищенских шуршанье.

О, запах роз! Он прошлых лет
Воспоминанья, как балет,
Как рой плясуний на подмостках
В коротких юбочках и в блестках,

¹ Пусть будет стыдно тому, кто подумает об этом дурно (*франц.*). — надпись на английском ордене Подвязки.

Под звуки цитр и кастаньет
Выводит вновь из тьмы на свет.
Но здесь их песни, пляски, шутки
Так раздражающи, так жутки.

Цветов не надо. Мне тяжело
Внимать их рассказам о том, что прошло,
Звонящим рассказам веселого мая.
Я плачу, прошлое вспоминая.

11

Мой день был ясен, ночь моя светла,
Всегда венчал народ мой похвалами
Мои стихи. В сердцах рождая пламя,
Огнем веселья песнь моя текла.

Цветет мой август, осень не пришла,
Но жатву снял я — хлеб лежит скирдами.
И что ж?.. Покинуть мир с его дарами,
Покинуть все, чем эта жизнь мила!

Рука дрожит. Ей лира изменила.
Ей не поднять бокала золотого,
Откуда прежде пил я своевольно.

О, как страшна, как мерзостна могила!
Как сладостен уют гнезда земного!
И как расстаться горестно и больно!

12

Как твой пастух, немалый срок
Мою овечку я стерег.
С тобой делил еду свою,
В жару водил тебя к ручью,
Когда же снег валил клоками,
Тебя обеими руками
Я укрывал, прижав к груди.
Когда уныло шли дожди,

И выли волки, и ревели
Ручьи, метаясь в горной щелк,
И крепкий дуб гроза сражала,
Ты не боялась, не дрожала,
Была беспечна, весела,
И мирно близ меня спала.

Рука моя сдает. Как видно,
Подходит смерть. И так обидно,
Что пасторали всей конец!
В твою десницу, о творец,
Влагаю посох мой. Храни,
Когда земные кончу дни,
Мою овечку. Все шипы
Сметай с ее земной тропы.
Не дай в лесах ей заблудиться,
В болотах, где руно грязнится,
Пои всегда водой прозрачной,
Питай травой самой злачной,
И пусть беспечна, весела,
Спит, как в моем дому спала.

13

Я чашу страсти осушил
Всю до последнего глотка,
Она, как пунш из коньяка,
Нас горячит, лишая сил.

Тогда я, трезвость восхваляя,
Отдался дружбе — мир страстям
Она несет, как чашка чаю
Отраду теплую кишкам.

14

В мозгу моем пляшут, бегут и шумят
Леса, холмы и долины.
Сквозь дикий сумбур я вдруг узнаю
Обрывок знакомой картины.

В воображенье встает городок,
Как видно, наш Годесберг древний.
Я вновь на скамье под липой густой
Сажу перед старой харчевней.

Так сухо во рту, будто солнце я съел,
Я жаждой смертельной измаян!
Вина мне! Из лучшей бочки вина!
Скорей наливайте, хозяин!

Течет, течет в мою душу вино,
Кипит, растекаясь по жилам,
И тушит попутно в гортани моей
Пожар, зажженный светилом.

Еще мне кружку! Я первую пил
Без должного восхищенья,
В какой-то рассеянности тупой.
Вино, я прошу прощенья!

Смотрел я на Драхенфельс, в блеске зарп
Высокой романтики полный,
На отраженья руин крепостных,
Глядящихся в рейнские волны.

Я слушал, как пел виноградарь в саду,
И зяблик — в кустах молочая.
Я пил без чувства, и о вине
Не думал, вино поглощая.

Теперь же я, сунув нос в стакан,
Вино озираю сначала
И после уж пью. А могу и теперь,
Не глядя, хлебнуть как попало.

Но что за черт! Пока я пью,
Мне кажется, стал я двойться.
Мне кажется, точно такой же как я
Пьянчуга напротив садится.

Он бледен и худ, ни кровинки в лице,
Он выглядит слабым и хворым,

И так раздражающе смотрит в глаза,
С насмешкой и горьким укором.

Чудак утверждает, что он — это я,
Что мы с ним одно и то же,
Один несчастный больной человек
В бреду, на горячем ложе,

Что здесь не харчевня, не Годесберг,
А дальний Париж и больница...
Ты лжешь мне, бледная немочь, ты лжешь!
Не смей надо мною глумиться!

Смотри, я здоров и как роза румян,
Я так силен — просто чудо!
И если рассердишь меня, берегись!
Тебе придется худо!

«Дурак!» вздохнул он, плечами пожав,
И это меня взорвало.
Откуда ты взялся, проклятый двойник?
Я начал дубасить нахала.

Но странно, свое второе «я»
Наотмашь я бью кулаками,
А шишки наставляю себе,
Я весь покрыт сныками.

От этой драки внутри у меня
Все пересохло снова.
Хочу вина попросить — не могу,
В губах застревает слово.

Я грохаюсь об пол и, словно сквозь сон,
Вдруг слышу: «Примочки к затылку
И снова микстуру — по ложке в час,
Пока не кончит бутылку».

15

Когда пиявка насосалась,
Посыпь ее солью, и в тот же миг
Сама отвалится она.
А как мне тебя отвадить, старик?

Мой старый друг, кровопийца мой давний,
Где взять подходящую соль для тебя?
До капли весь мой мозг спинной
Ты высосал, крепко меня любя.

С тех пор я стал и тощ и бледен,
Одни лишь кости да кожа, а ты,
Смотри-ка, статен и румян,
И жирный животик, и щечки толсты.

О боже, пошли ты мне просто бандита!
Пырнет — и кончит мученье мое.
А эта пиявка так нудно сосет,
Ну как избавиться от нее?

16

Вечность, ох, как ты долга!
Потерял векам я счет.
Долго жарюсь я, но ад
До сих пор жаркого ждет.

Вечность, ох, как ты долга!
Потерял векам я счет.
Но однажды и меня
Черт с костями уплетет.

17

Час за часом, дни и годы,
Как улитки-тихоходы,
Те, чьи рожки вдаль простерты,
Груз влачат свой полумертвый.

Лишь порой, в пустотах дали,
Лишь порой, сквозь мглу печали,
Свет блеснет неповторимый,
Как глаза моей любимой.

Но в одно мгновенье ока —
Нет виденья, и глубоко
Погружаюсь я в сознанье
Всей бездонности страданья.

18

Землю губит злой недуг.
Расцветет — и вянет вдруг
Все, что свежестью влекло,
Что прекрасно и светло.

Видно, стал над миром косным
Самый воздух смертоносным
От миазмов ядовитых
Предрассудков неизжитых.

Налетев слепую силой,
Розы женственности милой
От весны, тепла и света
Смерть уносит в день расцвета.

Гордо мчащийся герой
В спину поражен стрелой,
И забрызганные ядом
Лавры достаются гадам.

Чуть созревшему вчера
Завтра гнить придет пора,
И, послав проклятье миру,
Гений разбивает лиру.

О, недаром от земли
Звезды держатся вдали,
Чтоб земное наше зло
Заразить их не могло.

Нет у мудрых звезд желанья
Разделить с людьми страданья,

Позабить, как род людской,
Свет и счастье, жизнь, покой.

Нет желанья вязнуть в тине,
Погибать, как мы, в тряпине,
Или жить в помойной яме,
Полной смрадными червями.

Их приют — в лазури тихой
Над земной неразберихой,
Над враждой, нуждой и смертью,
Над проклятой коловертю.

Сострадания полны,
Молча смотрят с вышины,
И слезинка золотая
Наземь падает, блистая.

19

MISERERE

Завидовать жизни любимцев судьбы
Смешно мне, но я поневоле
Завидовать их смерти стал —
Кончине без муки, без боли.

В роскошных одеждах, с венком на челе,
В разгаре веселого пира,
Внезапно скошенные серпом,
Они уходят из мира.

И, мук предсмертных не испытав,
До старости бодры и юны,
С улыбкой покидают жизнь
Все фавориты фортуны.

Сухотка их не извела,
У мертвых приличная мина.

Достойно вводит их в свой круг
Царевна Прозерпина.

Завидный жребий! А я семь лет,
С недугом тяжким в теле,
Терзаюсь — и не могу умереть,
И корчусь в моей постели.

О господи, пошли мне смерть,
Внемли моим рыданиям!
Ты сам ведь знаешь, у меня
Таланта нет к страданиям.

Прости, но твоя нелогичность, господь,
Приводит в изумленье.
Ты создал поэта-весельчака
И портишь ему настроенье!

От боли веселый мой нрав зачах,
Ведь я уже меланхолик!
Кончай эти шутки, не то из меня
Получится католик!

Тогда я вой подниму до небес
По обычаю добрых папистов.
Не допусти, чтоб так погиб
Умнейший из юмористов!

20

Как ни прекрасен, — полон мук
Сон этой жизни краткой;
Измучил он меня своей
Жестокой лихорадкой.

Открой мне, боже, край теней;
Я там, под твоею сенью,
Прильну к прохладному ключу,
Дарящему забвенью.

Забудется все, — одна любовь
Пребудет вечно; ведь Лета —
Лишь сказка греческая, миф
Безлюбого поэта.

21

В часах песочная струя
Иссякла понемногу.
Сударыня ангел, супруга моя,
То смерть меня гонит в дорогу.

Смерть из дому гонит меня, жена,
Тут не поможет сила.
Из тела душу гонит она,
Душа от страха застыла.

Не хочет блуждать неведомо где,
С уютным гнездом расставаться,
И мечется, как блоха в решете,
И молит: «Куда ж мне деваться?»

Увы, не поможешь слезой да мольбой,
Хоть плачь, хоть ломай себе руки!
Ни телу с душой, ни мужу с женой
Ничем не спастись от разлуки.

22

МОРФИНА

Как велико семейственное сходство
Прекрасных юношей, хотя один бледнее
Пускай, быть может, и намного строже,
Сказала бы я даже — величавей,
Но все ж к нему доверчиво в объятья
Склонялась я не раз... Как взор его
Был счастья полон, как нежна улыбка!
Тогда случилось, что веночек из мака,

Алевший на главе его, касался
И моего чела, благоуханьем
Смирняя боль души — на малый срок...
Но лишь тогда смогу я исцелиться
Вполне, когда опустит факел свой
Другой, который так суров и бледен.
Прекрасен сон, прекрасней смерть — но лучший
Удел — не быть рожденной никогда.

23

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Остерегись холодных слов,
Когда о помощи в борьбе
Взывает юноша к тебе;
Быть может, — это сын богов.

Его ты встретишь на пути
В его триумфа гордый час,
И осужденья строгих глаз
Не сможешь ты перенести.

24

К СВЕДЕНИЮ

Нет, филистер духом скуден,
Тупоумен, черств и нуден, —
Эту тварь дразнить не стоит.
Только умный, сердцем чуткий,
В нашей острой, легкой шутке
Дружбу и любовь откроет.

25

Ни увереньями, ни лестью
Я юных дев не соблазнял,
Равно и к тайному бесчестью
Замужних женщин не склонял.

Будь грешен я в таких забавах,
Не перепала б ни строка
Моей персоне в книге правых:
Тогда я стоил бы плевка.

26

МОЕМУ БРАТУ МАКСУ

Макс! Так ты опять, проказник,
Едешь к русским! То-то праздник!
Ведь тебе любой трактир —
Наслаждений целый мир!

С первой встречною девчонкой,
Ты под гром валторны звонкой,
Под литавры — тра-ра-ра! —
Пьешь и пляшешь до утра.

И бутылок пять осиял, —
Ты и тут не простофиля, —
Полон Вакхом, как начнешь,
Феба песнями забьешь!

Мудрый Лютер не погубит:
Верно! Лишь дурак не любит
Женщин, песен и вина, —
Это знал ты, старина.

Пусть судьба тебя ласкает,
Пусть бокал твой наполняет, —
И сквозь жизнь, справляя нир,
Ты пройдешь, как сквозь трактир.

27

Грубости средневековья
Вытеснил расцвет искусства,
Просвещенью служит ныне
Главным образом рояль.

А железные дороги
Укрепляют наши семьи —
Ведь они нам помогают
Жить подальше от родных.

Жалко только, что сухотка
Моего спинного мозга
Скоро вынудит покинуть
Этот прогрессивный мир.

28

К ТЕЛЕОЛОГИИ

(Отрывок)

Для движенья — труд нелишний! —
Две ноги нам дал всевышний,
Чтоб не стали мы все вместе,
Как грибы, торчать на месте.
Жить в застое род людской
Мог бы и с одной ногой.

Дал господь два глаза нам,
Чтоб мы верили глазам.
Верить книгам да рассказам
Можно и с единым глазом, —
Дал два глаза нам всеильный,
Чтоб могли мы видеть ясно,
Как на радость нам, прекрасно
Он устроил мир обильный.
А средь уличного ада
Смотришь в оба поневоле:
Чтоб не стать, куда не надо,
Чтоб не отравить мозоли, —
Мы ведь горькие страдальцы,
Если жмет ботинок пальцы.

Две руки даны нам были,
Чтоб вдвойне добро творили. —
Но не с тем, чтоб грабить вдвое,
Прикарманивать чужое,

Набивать свои ларцы
Как иные молодцы.
(Четко их назвать и ясно
Очень страшно и опасно.
Удавить! Да вот беда:
Всё большие господа —
Меценаты, филантропы,
Люди чести, цвет Европы!
А у немцев нет сноровки
Для богатых вить веревки.)

Нос один лишь дал нам бог,
Два нам были бы не впрок:
Сунув их в стакан, едва ли
Мы б вина не разливали.

Бог нам дал один лишь рот,
Ибо два — большой расход.
И с одним сыны земли
Наболтали, что могли, —
А двуротый человек
Жрал и лгал бы целый век.
Так — пока во рту жратва,
Не бубнит людское племя,
А имея сразу два —
Жри и лги в любое время.

Нам господь два уха дал.
В смысле формы — идеал!
Симметричны и равны,
И чуть-чуть не столь длинны,
Как у серых, не злонравных
Наших родственников славных.
Дал господь два уха людям,
Зная, что любить мы будем
То, что пели Моцарт, Глюк...
Будь на свете только стук,
Грохот рези звуковой,
Геморроидальный вой
Мейербера — для него
Нам хватило б одного.

Тевтелинде в поученье
Врал я так на всех парах,
Но она сказала: «Ах!
Божье обсуждать решение,
Сомневаться, прав ли бог, —
Ах, преступник! Ах, безбожник!
Видно, захотел сапог
Быть умнее, чем сапожник!
Но таков уж нрав людской, —
Чуть заметим грех какой:
Почему да почему?..
Друг, я верила б всему!
Мне понятно то, что бог
Мудро дал нам пару ног,
Глаз, ушей и рук по паре,
Что в одном лишь экземпляре
Подарил нам рот и нос.
Но ответь мне на вопрос:
Почему творец светил
Столь небрежно упростил
Ту срамную вещь, какой
Наделен весь пол мужской,
Чтоб давать продление роду
И сливать вдобавок воду?
Друг ты мой, иметь бы вам
Дубликаты для раздела
Сих важнейших функций тела, —
Ведь они, по всем правам,
Сколь для личности важны,
Столь, равно, и для страны.
Девушку терзает стыд
От сознания, что разбит
Идеал ее, что он
Так банально осквернен.
И тоска берет Психею:
Ведь какой свершила тур,
А под лампой стал пред нею
Мэнкен-Писсом бог Амур!»

Но на сей резон простой
Я ответил ей: «Постой,
Скуден женский ум и туг!

Ты не видишь, милый друг,
Смысла функций, в чьем зазорном,
Отвратительном, позорном,
Ужасающем контрасте —
Вечный срам двуногой касте.
Пользу бог возвел в систему:
В смене функции машин
Для потребностей мужчин
Экономии проблему
Разрешил наш властелин.
Нужд вульгарных и священных,
Нужд пикантных и презренных
Существо упрощено,
Воедино сведено.
Та же вещь мочу выводит
И потомков производит,
В ту же дудку жарит всяк —
И профессор и босяк.
Грубый перст и пальчик гибкий —
Оба рвутся к той же скрипке.
.....
Каждый пьет, и жрет, и дрыхнет,
И все тот же фаэтон
Смертных мчит за Флегетон».

29

АЛЛИЛУЙЯ

В вас, солнце, звезды и луна,
Мощь вседержителя видна.
Чуть праведник на небо глянет —
Творца хвалить и славить станет.

По высям взор мой не витает, —
Здесь, на земле, и без небес
Искусство божье поражает
Необычайностью чудес.

Да, други, взор моих очей
На землю скромно устремлен,

Шедевр творения здесь он
Находит: то сердца людей.

Как солнце ни горит огнем,
Как нежно в сумраке ночном
Ни блещет месяц, яркость звезд,
Как ни искрист кометы хвост, —

Лучи заоблачных лампад —
Они грошовых свеч огарки,
Когда подумаешь, как жарки
Сердца, что пламенем горят.

Весь мир в миниатюре в них:
Здесь дол и лес до гор крутых;
Пустыни с дикими зверями,
Что сердце нам скребут когтями;

Здесь водопады, рек приливы,
Зияют пропасти, обрывы;
Сады цветут; в лугах средь кашки
Ослы пасутся и барашки;

Здесь бьет фонтан струей беспечной;
Влюбленно соловьи-бедняги,
В честь пышных роз слагая саги,
Мрут от чахотки скоротечной.

Здесь все идет своей чередой;
Сегодня, — солнышко и зной,
А завтра — осень настает,
На лес и луг туман плывет,

Цветы роняют свой наряд,
Ветрила бурные шумят,
И хлопьями клубится снег,
Лед прячет зыбь озер и рек.

Приходит время зимней встряски.
Все чувства надевают маски.
Влечет веселый карнавал,
И опьяняет шумный бал.

Но в общем вихре ликованья
Таятся горькие страданья.
Звенит сквозь пестрый котильон
О промелькнувшем счастье стон.

Вдруг треск. Не бойся, все пройдет, —
То, дрогнув, надломился лед,
Растаял пласт коры морозной,
Сковавший сердце силой грозной.

Прочь все, что хладно и сурово!
Вернулись радости — ура!
Весна — прекрасная пора —
От чар любви воскресла снова.

Создатель! Благодать твою
Познали небо и земля
И «кирие элейсон» я
И «аллилуйя» воспою.

Как милосерд, как добр господь
К людским сердцам, и нашу плоть
Своим он духом оживил, —
Тот райский дух — любовный пыл.

Сгинь, Греция, с бряцаньем лир!
Сгинь, пляска муз, весь древний мир
Сластолюбивый, сгинь! Я пеньем
Творца восславлю с умилением,

Сгинь, звон языческих пиров!
На арфе, в трепете святом,
Как царь Давид, спою псалом!
Лишь «аллилуйя» — гимн певцов!

30

ЗАВЕЩАНИЕ

Пора духовную писать,
Как видно, надо умирать.
И странно только мне, что я ране
Не умер от страха и страданий.

О вы, краса и честь всех дам,
Луиза! Я оставляю вам
Шесть грязных рубах, сто блох на кровати
И сотню тысяч моих проклятий.

Тебе завещаю я, милый друг,
Что скор на совет, на дело туг,
Совет, в воздаянье твоих, — он краток:
Возьми корову, плоды теляток.

Кому свою веру оставляю в отца
И сына и духа, — три лица?
Император китайский, раввин познанский
Пусть поровну делят мой дух христианский.

Свободный, народный немецкий пыл —
Мыльный пузырь из лучших мыл —
Завещаю цензору града Кревинкель;
Питательней был бы ему пумперникель.

Деяния, коих свершить не успел,
Проект отчизноспасательных дел
И от похмелья медикамент
Тебе завещаю, германский парламент.

Ночной колпак, белее чем мел,
Оставляю кузену, который умел
Так пылко отстаивать право бычьё;
Как римлянин истый, молчит он нынче.

Охраннику нравственных высот,
Который в Штутгарте живет, —
Один пистолет (но без заряда),
Может жену им пугать изрядно,

Портрет, на коем представлен мой зад, —
Швабской школе; мне говорят,
Мое лицо вам неприятно —
Так наслаждайтесь частью обратной.

Завещаю бутылку слабительных вод
Вдохновенью поэта; который год
Страдает он запором пенья
Будь вера с любовью ему в утешенье.

Сие же припись к духовной моей:
В случае, если не примут вещей,
Указанных выше, — все угождая
К святой католической церкви отходят.

31
МУШКЕ

Тебя мой дух заворожил,
И, чем горел я, чем я жил,
Тем жить и тем гореть должна ты,
Его дыханием объята.

С тобой навеки сопряжен,
Где будешь ты, там будет он,
Покой твой даже и на ложе
То смехом, то мольбой тревожа,

В могилу лег я — плотью тлеть,
Но дух мой будет жить и впредь;
Он бдит, как нечисть домовая,
В твоём сердечке, дорогая.

Там гнездышко ему упрочь,
Ведь призрак не отгонишь прочь:
Будь ты в Японии ль, в Китае —
Ты не оставишь негодяя.

Везде, куда ни полетишь,
Ты дух мой в сердце повлачишь,
И жить должна ты, чем я жил, —
Тебя мой дух заворожил.

Поистине, мы образуем
 Курьезнейший дуэт:
 Любовница еле ходит,
 Любовник тощ, как скелет.

Она страдает, как кошка,
 А он замучен, как пес.
 Рассудок достойной пары,
 Как видно, лукавый унес.

Любовница лотосом нежным
 Себя возомнила, и в тон
 Себя выдает за месяц
 Поджарый селадон.

Но только пред месяцем лотос
 Раскроется, в лоно цветка
 Не жизнь плодоносная льется,
 А жалкая строка.

Вместо дел — засилье слова!
 Ты, как кукла, на диете:
 Постный дух — взамен жаркого,
 Клецки, друг, и те в запрете!

Но в любви тебе, пожалуй,
 Были б вредны чересчур
 Шпоры страсти одичалой,
 Ласки длительный аллюр.

Тратить силы нет расчета:
 Принесли б тебе урон
 Steeple-chase,¹ любви охота,
 Бег с любимым вперегон.

¹ Скачка с препятствиями.

Здоровей тебе возня
С хилым спутником была б,
У кого, как у меня,
Каждый орган в теле слаб.

Так что, друг, ко мне ты льни
Больше сердцем, чем натурой;
Ты свои умножишь дни
Этой чувственной микстурой.

34

Пытай меня, избежь бичами,
На ключья тело растерзай,
Рви раскаленными клещами, —
Но только ждать не заставляй!

Пытай жестоко, ежечасно,
Дроби мне кисти ног и рук,
Но не вели мне ждать напрасно, —
О, это горше лютых мук!

Весь день прождал я, изнывая,
Весь день — с полудня до шести! —
Ты не явилась, ведьма злая,
Пойми, я мог с ума сойти!

Меня душило нетерпенье
Кольцом удава, стыла кровь,
На стук я вскакивал в смятенье,
Но ты не шла, — я падал вновь...

Ты не пришла, — беснуюсь, вою,
А дьявол дразнит: «Ей-же-ей,
Твой нежный лотос над тобою
Смеется, старый дуралей!»

35

Я видел сон: луной озарены,
Кругом теснились бледные виденья —
Обломки величавой старины,
Разбитые шедевры Возрожденья.

Лишь кое-где, дорически строга,
Нетронутая гибелью колонна,
Глумясь, глядела в твердь, как на врага,
Перед ее громами непреклонна.

Повержены, кругом простерлись ниц
Порталы, изваянья, колоннады, —
Застывший мир людей, зверей и птиц,
Кентавры, сфинксы, божества и гады.

Немало статуй женских из травы,
Из сорняков глядело ввысь уныло;
И время, злейший сифилис, — увы! —
Изящный нос наяды провалило.

И я увидел древний саркофаг,
Он уцелел под грудями развалин.
Там некто спал, вкусивший вечных благ,
И тонкий лик был нежен и печален.

Кариатиды, в скорби онемев,
Держали гроб недвижно и сурово,
А по бокам чеканный барельеф
Изображал события былого.

И мне предстал Олимп, гора богов,
Развратные языческие боги;
С повязками из фиговых листков
Адам и Ева, полные тревоги.

И мне предстал горящий Илион,
Ахилл и Гектор в беге беспримерном,
И Моисей, и дряхлый Аарон,
Эсфирь, Юдифь и Гаман с Олоферном.

И были там Амур, шальной стрелок,
И госпожа Венера, и Меркурий,
Приап, Силен, и Бахус, пьяный бог,
И сам Плутон, владыка злобных фурий.

А рядом — мастер говорить красно,
Преславная ослица Валаама;

Там — Лот, бесстыдно хлещущий вино,
Здесь — жертвоприношенья Авраама.

Там голову Крестителя несут
И пляшет пред царем Иродиада;
Здесь Петр-ключарь, и рай, и страшный суд,
И сатана над черной бездной ада.

А тут Юпитер соблазняет жен,
Преступный лик в личине чуждой спрятав:
Как лебедь, был он с Ледой сопряжен,
Прельстил Данаю ливнем из дукатов.

За ним Диана в чаще вековой,
И свора псов над их добычей жалкой.
И Геркулес — неистовый герой —
Сидит в одежде женщины за прялкой.

Святой Синай главу в лазурь вознес,
Внизу Израиль пляшет пред шатрами,
За ними отрок Иисус Христос —
Он спорит с ортодоксами во храме.

Прекрасный грек — и мрачный иудей!
Везде контраст пред любопытным взором;
И ярый хмель, как хитрый чародей,
Опутал все причудливым узором.

Но странный бред! Покуда без конца
Передо мной легенды проходили,
Себя узнал я в лике мертвеца,
Что тихо грезил в мраморной могиле.

Над головой моею рос цветок,
Пленявший ум загадочною формой.
Лилово-желт был каждый лепесток, —
Их красота приковывала взор мой.

Народ его назвал цветком страстей.
Он на Голгофе вырос, по преданью,

Когда Христос приял грехи людей
И кровь его текла священной данью.

О крови той свидетельствует он —
Так говорят доверчивые люди, —
И в чашечке цветка запечатлен
Был весь набор мучительных орудий —

Все, чем палач воспользоваться мог,
Что изобрел закон людей суровый:
Щипцы и гвозди, крест и молоток,
Веревка, бич, копьё, венец терновый.

Цветок, дрожа, склонялся надо мной,
Лобзал меня, казалось, полный муки;
Как женщина, в тоске любви немой
Ласкал мой лоб, мои глаза и руки.

О, волшебство! О, незабвенный миг!
По воле сна цветок непостижимый
Преобразился в дивный женский лик, —
И я узнал лицо моей любимой.

Дитя мое! В цветке таилась ты,
Твою любовь мне возвратили грезы;
Подобных ласк не ведают цветы,
Таким огнем не могут жечь их слезы!

Мой взор затмила смерти пелена,
Но образ твой был снова предо мною;
Каким восторгом ты была полна,
Сияла вся, озарена луною.

Молчали мы! Но сердце — чуткий слух,
Когда с другим дано ему слиянье;
Бесстыдно слово, сказанное вслух,
И целомудренно любовное молчанье.

Молчанье то красноречивей слов!
В нем не найдешь метафор округленных,
Им скажешь все без фиговых листков,
Без ухищрений риторов салонных.

Безмолвный, но чудесный разговор,
Одна лишь мысль, без отзыва, без эха!
И ночь летит, как сон, как метеор,
Вся сплетена из трепета и смеха.

Не спрашивай о тайне тех речей!
Спроси, зачем блестит светляк полночный,
Спроси волну, о чем поет ручей,
Спроси, о чем грустит зефир восточный,

Спроси, к чему цветам такой убор,
Зачем алмаз горит в земной утробе, —
Но не стремись подслушать разговор
Цветка страстей и спящего во гробе.

Лишь краткий миг в покое гробовом,
Завороженный, пил я наслажденье.
Исчезло все, навеянное сном,
Растаяло волшебное виденье.

О смерть! Лишь ты, всеильна, как судьба,
Даруешь нам блаженства сладострастье;
Разгул страстей, без отдыха борьба —
Вот глупой жизни призрачное счастье!

Как метеор, мой яркий сон мелькнул,
В блаженство грез ворвался грохот мира,
Проклятья, спор, многоголосый гул, —
И мой цветок увял, поникнув сиро.

Да, за стеной был грохот, шум и гам,
Я различал слова свирепой брани, —
Не барельефы ль оживали там
И покидали мраморные грани?

Иль призрак веры в схемах ожил вновь,
И камень с камнем спорит, свирепея,
И с криком Пана, ледящим кровь,
Сплетаются проклятья Моисея?

Да, Истине враждебна Красота,
Бесплоден спор и вечны их разлады,

И в мире есть две партии всегда:
Здесь — варвары, а там — сыны Эллады.

Проклятья, брань, какой-то дикий рев!
Сей нудный диспут мог бы вечно длиться,
Но заглушив пророков и богов,
Взревела Валаамова ослица.

И-а! И-а! Визжал проклятый зверь, —
И он туда ж, в премудрый спор пустился!
Как вспомню, дрожь берет еще теперь,
Я сам завыл со сна — и пробудился.

ВАРИАНТЫ

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ГАСТИНГСЕ

В вариантах рукописи «Ромасеро», извлеченной Штротдманном (в дальнейшем будет именоваться — «Рукопись Штротдманна»), вместо 13-й строфы имеется следующая строфа.

Ее он любил, и любил горячо,
И пыл его страсти не стынул
В объятьях любимой, — но все же потом
Отверг он ее и покинул.

ПОМАРЭ

В «Рукописи Штротдманна» после 5-й строфы:

С ней портной поджарый пляшет,
Некий Притчард от иголки;
Ни изящества, ни такта,
Только прыгает без толку.

Добродетели блюститель
Был бы рад упечь танцора,
Да боится, что пройдоха
Из кутузки выйдет скоро.

ИСПАНСКИЕ АТРИДЫ

В «Рукописи Штротдманна» после 7-й строфы:

Рассказал он между прочим,
Как велел король жестокий

Своему кузену руки —
Дону Гастену — отсечь

Лишь за то, что тот, несчастный,
Был поэтом, и приснилось
Королю, что сочиняет
На него кузен сатиру.

ЮНЫМ

*В «Album Originalpoesien, herausgegeben von Puttmann»
(1847) вместо последней строфы:*

Вот ваше владенье! В пылу иступленья
Мы слышим разбитых бокалов трезвон.
Не страшно паденье, в победном сраженье
Смерть будет прекрасной — возьмем Вавилон!

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

В «Рукописи Штротманна» вместо 2-й строфы:

Ночью хочешь в страсти жадно
К ним любовно прикоснуться,
А они к тебе злорадно
Вдруг спиною повернутся.

ПОГИБШИЕ НАДЕЖДЫ

В «Рукописи Штротманна» вместо последних двух строф:

Прочь, проклятые надежды,
Лживых, злобных духов стая, —
Я калекой безнадежным
Корчусь, в муках изнывая.

В муках я умру, подрезан
В самом корне бытия —
Ах, пишком ноги жестоким
Прямо в сердце ранен я.

ИГУДА БЕН ГАЛЕВИ

В «Рукописи Штротманна» вместо последней строфы второй главы:

И Игуду бен Галеви
Потянуло в путь, он сел
На испанскую фелуку
И в Египет был доставлен.

Из Египта с караваном
Он в Аравию пустился
И, пройдя песком-пустыней,
Прибыл в Иерусалим.

Сидя средь развалин храма,
Пел он тихо песню скорби,
Знаменитый гимн «Сион»,
И погиб, копьем сраженный.

ДИСПУТ

В «Рукописи Штротманна» вместо 21-й строфы:

Сих дворян без крайней плоти
Награждал король безмерно;

Этот люд без крайней плоти,
Этих рыцарей безмерно
Сам король ценил за то, что
Те ему служили верно:

Этот — ловким казначеем,
Тот — отважным кабалеро,
Вплоть до дня, пока не стал он
Жертвой дона Транставера.

В «Рукописи Штротманна» вместо 45-й и 46-й строф:

Застарелой вашей злобы
Вы с души омойте плесень,
Паразитов зла стряхните,
Удостойтесь райских песен.

В «Рукописи Штротманна» вместо 53-й и 54-й строк:

Чаши для вина на небе,
Несомненно, станут шире;
Женский ротик станет меньше,
Чем внизу здесь, в этом мире.

В «Рукописи Штротманна» вместо 60-й строки:

О твоей священной троице
Я беседу предлагаю
В новолуние — в ту пору
Столь разумным не бываю,

Как в лучах дневного света,
В блеске солнца золотого,
Где царит неоспоримо
Сухость правила тройного.

В «Рукописи Штротманна» вместо 84-й строки:

Так противника прельщает
Рабби, будто змей библейский,
И облизывает пальцы
В славу пицци иудейской.

Усмехаются евреи,
И приходят в ликование,
И ножи скорей хватают
Для свершенья обрезанья.

В «Рукописи Штротманна» вместо предпоследней строки:

Донья Бланка на него
Долго смотрит в размышленье,
Охватив лицо руками,
И выводит в заключение:

(Бланка на него взглянула,
Долго думала сначала,
На ладонь склонив головку,
И, зевнув, она сказала:)

АФФРОНТЕНБУРГ

В «*Рукописи Штротманна*» вместо 11—13-й строф:

Тот страшный, нездоровый яд
Позднее умертвил жестоко
И соловья, что песню пел
Для роз, увядших прежде срока.

И страхом призраков объят,
В веселый, яркий день порою
Я с ужасом внимал в саду
Далеким псам — их злому вою.

Зеленый призрак, скаля пасть,
Глумясь, грозил мне, и во мраке
Меня пугал, как трупный смрад,
Далекий лай цепной собаки.

СТРЕКОЗА

В «*Schads Musenalmanach*» напечатана первоначальная редакция стихотворения:

Жукландия — край прекрасный.
Там стрекоза голубая жила,
Всех мотыльков с ума посвела,
В нее влюбленных страстно.

Изящней ног — нет в мире,
Наряд крылатый — легкий газ.
Вся — очарование для глаз,
Когда резвится в эфире.

Летят толпою яркой
За ней волокиты, и каждый франт
Клянется: «Голландию дам и Брабант, —
Ответь моей страсти жаркой!»

В ответ им — плутовка томно:
«Голландия мне и Брабант не нужны;
Вы искру мне добыть должны:
Живу я в квартире темной»,

При звуке последней нотки
Летят, соревнуясь, поклонники прочь.
Усердно разыскивают день и ночь
Искорку для красотки.

Лишь кто заметит свечку,
И, как зачарован, сразу — в огонь!
А беднягу-жука только пламя тронь, —
Сгорит и он и его сердечко.

Японская это басня,
Но и в Германии таких
Много стрекозок. Бойтесь их:
Они коваршей, опасней.

ПОЭТИКО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОЮЗ МОЛОДЫХ КОТОВ

В «Рукописи Штротманна» после 6-й строфы:

Безыскусственной музыки хочет он,
И от парико-влияний
Поэтико-музыку освободить —
Цветок голубой мечтаний —

Б И М Н И

В «Letzte Gedichte und Gedanken von H. Heine. Aus dem Nachlasse des Dichters zum ersten Male veröffentlicht. Hamburg, 1869», вместо первых двадцати девяти строф:

С детских лет Колумб и Кортес,
И Писарро, и Бальбоа
Вам известны досконально,
Вы про них учили в школе.

Но едва ль их современник
И сподвижник вам известен,
Тот искатель приключений
На морях, что дон Хуаном

Понсе де Леон зовется.
Он открыл в те дни Флориду.

Точно так же и в одной фрагментарной записи, сделанной рукою секретаря Гейне Рихарда Райнгардта, последние семнадцать сведены к трем:

Муза, маленькая фея,
Преврати нам судно в песню,
И, подняв широкий парус,
Мы помчимся в Бимини.

Кто со мной на Бимини?
Господа и дамы, просим!
Понесут волна и ветер
Наш корабль на Бимини.

Крошка-пташка колибри,
Крошка-рыбка Бридиди,
Вы летите, вы плывите,
Нас ведите к Бимини.

ДОБАВЛЕНИЯ

ДА, ПТИЧКА ПЕВЧАЯ МЕРТВА

В 1837 г. редакция и издательство «Телеграфа» (Карл Гуцков и Юлиус Кампе) объявили конкурс на лучшее лирическое стихотворение. В качестве премии было обещано золотое перо. Представленная продукция оказалась столь низкого качества, что объявленная премия была отменена 8 февраля 1838 г., а деньги (12 дукатов) переданы комитету по установлению Лессингу памятника в Брауншвейге. Тогда же, 19 декабря 1837 г., Г. Гейне адресовал Кампе следующее четверостишие:

Да, птичка певчая мертва,
Мой друг, оставь ее в покое.
Ты преспокойно можешь в зад
Перо засунуть золотое.

КОММЕНТАРИИ

«Многое сходит со мной в могилу, что порадовало бы людей, по слезами горю не поможешь», — писал Гейне своему издателю Юлиусу Кампе 9 июля 1848 года. Тяжело больной поэт прожил после того, как были произнесены эти слова, еще восемь лет и смог порадовать людей такими шедеврами, как сборник стихотворений «Романсеро», такими прекрасными поэтическими творениями, как «Стихотворения 1853 и 1854 годов» и «Бимини».

Но если смерть предоставила Гейне длительную отсрочку, с такой энергией использованную им для нового творческого взлета, то болезнь — тяжкая и безмерно мучительная — ни на одну минуту не выпускала Гейне из своих цепких лап. Еще в 1846 году, в пору, когда Гейне только приступал к «Романсеро», он жаловался Фердинанду Лассалю: «Каждое письмо стоит мне куса жизни». Тогда же в письме, адресованном Фарнхагену фон Энзе, Гейне писал: «В последнее время я никуда не гожусь, и даже писание непрерывно напоминает мне о моих немощах: я почти не в состоянии разглядеть собственный почерк, — ведь один глаз у меня совсем закрыт, а другой уже тоже закрывается, и каждое письмо для меня мучение!». Через два года Гейне — полуслепой и разбитый параличом — окончательно свалился в постель, прозванную поэтом не без горькой иронии «матрацной могилкой».

Зная, что он навеки расстанется с природой и со всей той бурной и красочной жизнью, которая так часто радовала и вдохновляла его, Гейне, прежде чем слечь в «матрацную могилку», отправился в свою последнюю прогулку по улицам Парижа. «Это было, — рассказывает он в «Послесловии к «Романсеро», — в мае 1848 года, в день когда я в последний раз вышел из дому и простился с милыми кумирами, которым поклонился во времена моего счастья.

Лишь с трудом удалось мне дотянуться до Лувра, я чуть не упал от слабости, войдя в благородный зал, где стоит на своем постаменте вечно благословенная богиня красоты, наша мать божья из Милоса. Я долго лежал у ее ног и плакал так горестно, что слезами моими тронулся бы даже камень. И богиня глядела на меня с высоты сочувственно, но так безнадежно, как будто хотела сказать: «Разве ты не видишь, что у меня нет рук и я не могу тебе помочь?»

Боль и грустное сознание своей обреченности, которыми окрашен рассказ поэта об этой последней в его жизни прогулке, никогда более не оставляли Гейне и в сильнейшей мере сказались на его творчестве предсмертного периода.

Нет сомнения, что на душевное состояние умиравшего Гейне в немалой мере оказала влияние и тяжелая семейная драма, разывавшаяся вокруг вопроса о наследстве дяди поэта, Соломона Гейне. Когда сын и наследник Соломона Гейне, Карл, попытался было лишить поэта ежегодной субсидии, которую тот получал при жизни своего дяди, Гейне, глубоко потрясенный и обеспокоенный не только своим будущим, но и судьбой своей жены Матильды, вынужден был пойти на весьма неприятную сделку: в обмен на обещание восстановить субсидию, поэт дал обязательство не писать ничего предосудительного о своих родичах. В творчестве последних лет Гейне эти болезненные семейные переживания также нашли — и не только косвенное, но и прямое — выражение (см. «Злые сны», «Аффронтенбург», «В их поцелуях крылся путь к изменам» и др.). Но можно не сомневаться в том, что наибольшее влияние на творчество Гейне последнего периода оказали тяжелые и мучительные потрясения и разочарования политического порядка.

Гейне, еще в прежние годы скептически относившийся к «денежному рыцарству», теперь проникается все большим презрением к «выскачкам новой денежной аристократии» (см. его письмо к Фердинанду Лассалю от 10 февраля 1846 г.). Поэта все больше отталкивает своим корыстолюбием «грубое эгоистическое торгашество — я чуть не сказал, — уточняет он, — буржуазия» (там же). Буржуазная революция 1848 года во Франции, как убеждается в этом Гейне, отнюдь не приносит должного облегчения народным массам. Образовавшееся временное правительство оказывается политически ничемным и чуждым народу. В июне 1848 года это правительство решается даже на массовую резню. «Никогда еще, — пишет Гейне о «революционном» правительстве Франции, — народ, этот большой сирота-дитя, не вытаскивал из горшка революции дряни хуже той, которую оказались люди, составлявшие временное правительство».

На родине Гейне, в Германии, революция 1848 года также терпит тяжкое поражение. Передовая прогрессивно-демократическая Германия разгромлена торжествующей реакцией. И безнадежно больной Гейне, лежа в своей «матрачной могиле», вынужден с болью воспринимать вести, приходящие из Германии: «Новости, которые приходят с родины, усугубляют мои мучения. Сейчас, когда я должен был бы с наибольшей активностью выполнять д е л о в с е й с в о е й ж и з н и, я приговорен к неподвижности, я даже не могу ответить на крик отчаяния друзей, которые просят у меня обычной поддержки. В Германии взяли верх наши враги. Так называемая «национальная партия», тевтомамы, изощряются в заносчивости» (письмо Ж. Дебоше от 29 августа 1848 г.).

Все эти невзгоды и разочарования настраивают умирающего поэта на грустный, пессимистический лад, возрождают в его творчестве мотив раннего периода: гибнут лучшие и торжествуют злые.

И все же ни тяжелые политические переживания, усугубленные безнадежной болезнью, ни семейные распри и материальные осложнения не в состоянии сломить духа умирающего поэта. Несмотря на тяжелые потрясения и разочарования, Гейне остается верен своим революционным идеалам. Правда, в некоторых своих предсмертных высказываниях (см. например, «Послесловие к «Романсеро») поэт заговаривает о возвращении в лоно религии. Но, не говоря уж о том, что в творчестве Гейне эти настроения не находят художественного выражения, самый характер этих высказываний и та ироническая усмешка, которой они зачастую сопровождаются, свидетельствуют о том, насколько органически чужда была поэту-эллину «мировая с богом».

Недремлющее чувство ненависти к политической и духовной реакции, которое продолжает жить в поэте до конца дней, порождает в «Романсеро» и в «Стихотворениях 1853 и 1854 годов» целый ряд исключительных по своему блеску и политической заостренности стихотворений. Со всей беспощадностью поэт-революционер обрушивается на террор торжествующих победителей (см., например, «В октябре 1849»). Остро и зло Гейне высмеивает националистов. Сатирически обличаются либеральные болтуны, снова усыпившие бедного «Михеля». В таком, казалось бы, «легкомысленном» стихотворении, как «Рампсенин», Гейне не преминул иронически пройтись по адресу монархов и правителей, на престоле которых мог с успехом воссесть обыкновенный вор. В «Шельм фон Бергене» поэт, рассказывая о курьезном случае на балу, сводит этот случай к тому, что родоначальником и «благородным» предком рыцарского рода Шельм фон Бергенов был «обыкновенный» палач. В «Бимини»

мирный и плавный строй поэмы нарушается резким политическим выпадом против усмирителя итальянской революции — вождя «солдатчины» Радецкого.

Хотя контуры будущего общества еще представляются Гейне во многом смутными и неясными, хотя в настоящем торжествует реакция, поражение лишь печалит, но отнюдь не страшит поэта, ибо он верит в то, что это торжество старого мира — временное, что так или иначе этот мир обречен на гибель. Поэтому за год до смерти Гейне может спокойно бросить в лицо ликующей в его отечестве дворянской контрреволюции: «Войте на здоровье! Настанет день, и роковая пята раздавит вас. С этой уверенностью я могу спокойно оставить здешний мир». (Предисловие к «Лютеции».)

Сознание величия пройденного им пути помогает Гейне переписать и временное поражение его общественных идеалов и тяжелые личные страдания. «Чарующая мысль о прекрасно прожитой жизни, — пишет Гейне Юлиусу Кампе 1 сентября 1846 года, — наполняет мою душу даже в эту горестную минуту и будет, надеюсь, провожать меня в последний час вплоть до белой бездны».

«Чарующей мысли о прекрасно прожитой жизни» Гейне обязан своей книгой «Романсеро», справедливо названной «золотой книгой побежденного». Не только блестящая сатира в ряде стихотворений «Романсеро», но и чудесные образы народных поэтов Фирдуси, Пегуды бен Галеви и Габироля, до конца своей жизни оставшихся верными своему народу в наиболее мрачные для него годы, несомненно вдохновлены этой благородной мыслью о «прекрасно прожитой жизни». Ей же обязаны своим существованием блестящие «земных радостей», встречающиеся даже среди многих скорбных «Стихотворений 1853 и 1854 годов», набросанных в бессонные, полные физических мук, ночи «поэта мертвою рукой».

«Чарующая мысль о прекрасно прожитой жизни» породила и ту чудесную ритмическую слаженность и удивительную умиротворенность, которые так характерны для «Бимини» и многих предсмертных поэм, баллад и стихотворений Гейне.

РОМАНСЕРО

«Романсеро» было впервые опубликовано в октябре 1851 года в Гамбурге, в издании «Гофман и Кампе» («Romanzergo» von H. Heine, Hamburg, Hoffmann und Campe). Сборник состоял из 314 страниц текста. Основная масса стихов, как писал Гейне в «Послесловии к «Романсеро», была создана в период 1848—1851 годов.

Первое упоминание о намерении составить новый сборник стихотворений встречается в письме Гейне от 28 сентября 1850 года, адресованном его издателю Юлиусу Кампе. Сопоставляя задуманную книгу с «Книгой песен» и «Новыми стихотворениями», Гейне пишет о «Романсеро»: «Третий столп поэтической моей славы, может быть, тоже будет из доброго мрамора, и даже из еще лучшего мрамора».

Состояние здоровья поэта было, однако, таково, что уже через два месяца он вынужден был поставить под сомнение возможность создания сборника, опасаясь, что неостанет сил для правки стихов, часть которых была лишь бегло набросана карандашом. «Проект издания новой книги стихов, — писал Гейне Генриху Лаубе 30 ноября 1850 года, — опять отодвигается, так как болезнь моя не позволяет мне переписать беглые карандашные наброски и подготовить их для печати». Но в том же письме Гейне приводит материальные соображения, голос которых может оказаться сильнее: «Если нужда усилится, мне, конечно, придется выступить с этой книгой». Отрицательное влияние на подготовку сборника оказала та поспешность, с которой он — по требованию издателя Юлиуса Кампе — сдавался в печать. Ссылаясь на предъявленное Юлиусом Кампе требование «скорейшей отправки рукописи», Гейне в письме от 28 августа 1851 г. к своему не в меру меркантильному издателю жалуется на то, что ряд стихотворений он посылает, даже не сохранив у себя черновики и копии, а некоторые — не успев отшлифовать: «Стихотворение под названием «Диспут» я написал после вашего отъезда в великой спешке; предыдущее (речь идет о «Иегуде бен Галевш» — *Я. М.*) — в сущности лишь отрывок: у меня не хватало досуга для отделки и полировки, — но я понял, что, продолжая мешкать, я могу повредить вашим интересам. Широкий читатель не заметит недостатков, которые появляются в книге из-за такой спешки, но тем не менее они существуют и терзают по временам совесть автора».

Название книги — «Романсеро» (то есть сборник стихотворений, написанных в форме романсов) — Гейне определял как «отличную находку» («красиво звучит и много обещает»). Возникло это название, рассказывает поэт в своем «Послесловии к «Романсеро», «поскольку тон романа преобладает в стихах, которые здесь собраны».

Большое внимание при издании «Романсеро» Гейне обращал на порядок расположения стихотворений. В письме к Юлиусу Кампе от 22 марта 1852 года поэт писал о «Романсеро»: «Оно бесконечно потеряло бы, если бы я не уделил много времени и размысленный распорядку».

Несмотря на отдельные шероховатости, сборник «Романсеро» оказался венцом поэтической славы Гейне и принят был широкой читательской публикой с исключительным восторгом. Уже в течение ближайших двух месяцев после выхода книги потребовались два переиздания, а в январе 1852 года было отпечатано четвертое стереотипное издание, причем, как сам Ю. Кампе признавался Гейне, при каждом издании печаталось не меньше пяти-шести тысяч экземпляров (см. письмо Гейне к Альфреду Мейснеру от 1 марта 1852 г.).

15 октября 1851 года в «Revue des deux Mondes» были напечатаны французские переводы ряда стихотворений, вошедших в «Романсеро»: «Рампсенит», «Белый слон», «Поле битвы при Гастингсе», «Жоффрау Рюдель и Мелисанда Триполи», «Карл I», «Вицлипуцли».

В Австрии распространение «Романсеро» было запрещено, видимо, — как сообщил поэту из Вены его брат, — из-за наличия в сборнике стихотворения «Мария-Антуанетта». В письме к своему издателю Гейне объясняет это запрещение общим спадом революционного движения и наступлением реакции: «Для австрийцев, право, не новость, — пишет Гейне 8 декабря 1851 года, — что Мария-Антуанетта была обезглавлена, и они давно примирились с этим историческим фактом. Если вам, дорогой Кампе, за последние четыре года не запретили в Австрии ни одного издания, то это вполне естественно; ведь это были именно тучные годы революционного движения, и только теперь начинаются тощие».

Книга первая ИСТОРИИ

Р а м п с е н и т.—Впервые опубликовано в 1847 г. в издававшихся в Вене «Sonntagsblätter» № 47. Об источнике этого стихотворения — см. напечатанные в данном томе «Заметки» (стр. 154).

Б е л ы й с л о н.—Шуточное стихотворение, посвященное известной при здешнем дворе даме, именно — графине Калерги, — так объясняет происхождение этого весьма своеобразного стихотворения Гейне в письме к Юлиусу Кампе от 15 октября 1851 г. В рукописи стихотворение вначале было озаглавлено: «Прекрасная Калерги»; точно так же вместо имени «Бланка» стояло вначале «Калерги» и говорилось о «глазах Калерги». Историю возникновения этого стихотворения передает в своих воспоминаниях приятельница Гейне и графини Калерги — Каролина Жобер⁶ («Souvenirs

de madame C. Jauberts», p. 304). Графиня Калерги, русская, урожденная графиня Нессельроде, славившаяся своей исключительной красотой, воспетой в числе других и известным французским поэтом Теофилом Готье, пожелала познакомиться с Гейне. Для того чтобы заинтересовать поэта, уже лежавшего в ту пору в «матрачной могиле», Жобер прочла ему стихотворение Т. Готье «Симфония в мажоре на белых клавишах», в котором в самых восторженных тонах поэтизировалась красота графини и в частности «ослепительная белизна ее кожи». Когда, на другой день после визита графини Калерги, Жобер пришла к Гейне осведомиться о его впечатлении, поэт воскликнул: «Это — не женщина, это — монумент, это — храм бога Амура!» Тут же Гейне прочитал посвященные красоте графини Калерги строфы из написанного им за ночь стихотворения «Белый слон».

«Твердынями Индры...» — Индра — индусский бог неба и грозы, творец и охранитель жизни. (Об Индре см. также стихотворение Гейне «Фридрика».)

Стан великанши из «Рамааны»... — «Рамааяна» — древнеиндийская поэма.

Эфесская Диана — гигантская статуя Дианы в храме, посвященном этой богине, в городе Эфесе. Одно из «семи чудес света».

О, эта белая implacable! — пародия на Готье, который в своем стихотворении, посвященном графине Калерги, назвал белизну ее кожи implacable — неумолимая.

Оссиан — легендарный кельтский бард III века, которому ошибочно приписывались изданные в 1760 г. Макферсоном, как впоследствии выяснилось, поддельные «Песни Оссиана».

Шельм фон Берген. — Впервые опубликовано 31 мая 1846 г. в «Kölnische Zeitung» под заголовком: «Herr Schelm von Bergen». Написано, видимо, в 1845 г. Шельм фон Берген — старинный род, упоминающийся еще в 1194 г. Мужское потомство рода вымерло лишь в 1844 г. Родовой замок Берген был расположен вблизи Франкфурта на Майне. Перенесение места действия легенды из Франкфурта на Майне в Дюссельдорф произведено самим Гейне. Поэт впервые, видимо, познакомился с легендой в обработке своего друга Вильгельма Смельса (псевдоним: Теобальд) в «Rheinisch-Westfälischer Musenalmanach auf das Jahr 1821». В своей рецензии на этот сборник Гейне еще в ту пору весьма одобрительно отозвался о легенде. В 1837 г. легенду поэтически обработал друг Гейне Зимрок.

Дрижес и Мариццебилль — мужская и женская карнавальные маски, популярные в Рейнской области.

Тебе, как шельме природной. — «Шельм» (der Schelm) — по-немецки означает «плут, шельма».

В а л ь к и р и и.—Впервые опубликовано 19 сентября 1847 г. в «Sonntagsblätter» № 38, под заголовком «Gesang der Walküren» («Пение валькирий»). Стихотворение заканчивалось тогда 4-й строфой.

Валькирии — в скандинавской мифологии девы, рекущие над полем битвы.

Поле битвы при Гастингсе.—Об источнике этого стихотворения см. напечатанные в данном томе «Заметки» (стр. 157). Битва при Гастингсе (Англия) произошла в 1066 г. и закончилась решительной победой норманского герцога Вильгельма над войсками англо-саксонского короля Гарольда II. Победа Вильгельма привела к покорению Англии норманнами.

Вальдгем — город в Англии, где был погребен Гарольд II.

Банкерт — незаконнорожденный, презрительная кличка Вильгельма Завоевателя.

Байе — город в Нормандии.

К а р л I.—Опубликовано в 1847 г. в альманахе Пютмана «Album Originalpoesien» стр. 143, под заголовком «Das Wiegenlied» («Колыбельная песнь»). Здесь, как и в некоторых других своих произведениях (стихотворение «1649—1793—???»), «Салон», I ч. — глава о Делароше), Гейне высказывает свое отношение к казни Карла I — короля Англии в 1649 г., во время английской революции. Во французском издании «Романсеро» стихотворение вышло со следующим примечанием Гейне: «Няни у меня на родине, чтобы усыпить детей, поют такую песенку: «Баюшки-баю! Что там шелестит в соломе? — Кошка умерла — мышата веселятся».

М а р и я - А н т у а п е т т а.—Образ безголовых привидений, разгуливающих в замке Тюильри — французской королевы Марии-Антуанетты, жены Людовика XVI, гильотинированной в 1793 г. по приговору революционного Конвента, и обезглавленных придворных дам — навеян легендой о герцогине Якобе фон Боден, убитой в 1596 г. и после смерти, как гласит легенда, появлявшейся без головы в дюссельдорфском дворце. Еще в 1826 г. в «Книге Ле Гран» (X глава) Гейне использовал этот образ, рассказывая про «старый, заброшенный замок» в Дюссельдорфе, «где живут духи и где по ночам бродит дама в черном шелковом платье, без головы, с длинным шуршащим шлейфом». Возвращаясь к этой же теме в 1833 г. в «Романтической школе» (III ч., 1 гл.), Гейне по-прежнему отнесся к дюссельдорфской легенде о «женщине без головы». «Теперь, — писал Гейне в 1833 г., — я уже не верю в людей без

головы, и прежние привидения не имеют уже влияния на мою душу. Дом, в котором я в настоящую минуту сижу и читаю, стоит на Монмартрском бульваре (в Париже — Я. М.), а здесь разбиваются и пеняются самые бурные современные волны, здесь раздаются самые громкие голоса нового времени». «Голоса нового времени» отразились и в весьма своеобразном изображении в «Марии-Антуанетте» безголовых деятелей «старого режима», тщетно пытающихся воскресить былое.

... *Марии-Терезии дочь*... — Мария-Антуанетта была дочерью австрийской императрицы Марии-Терезии.

П о м а р э.— Впервые опубликовано в 1847 г. в альманахе Пютмана («Album Originalpoesien», стр. 137) под заглавием: «I. Pomare». «II. Dieselbe». «III. Eine Andere» («I. Помарэ», «II. Та же», «III. Другая»). Первоначально в рукописи II часть носила заголовок: «Иродиада II», а III часть — «Куртизанка». Возникло стихотворение, видимо, в 1846 г.

Помарэ I (1827—1877) — королева Танти (Отахайти), владения которой в 1843 г. после длительной борьбы между французскими и английскими миссионерами подпали под протекторат Франции. Ее имя стало прозвищем героини этого стихотворения Гейне, знаменитой красавицы-танцовщицы, «королевы» увеселительного парижского заведения Сад Мабиль, умершей рано от туберкулеза.

Так перед Иродом-царем плясала дочь Иродиады... — По евангелию, Саломей плясала перед Иродом, получив в награду голову Иоанна Крестителя.

Отвезет тебя в больницу... — Этот же мотив встречается у Гейне еще в 1837 г., в его «Письмах о французской сцене». Описывая современные французские комедии, Гейне заявляет: «Ах, все это очень красиво и остроумно, и зрители смеются, глядя на эти сцены, но когда я подумаю в душе, где оканчиваются эти комедии, — а оканчиваются они в действительности в притонах разврата, в госпиталях св. Лазаря, на анатомических столах, где нередко *sagabin* (прозвище студентов-медиков. — Я. М.) развивает свои познания, присутствуя при вскрытии трупа своей прежней любовницы, — то смех застревает у меня в горле, и если бы я не боялся выглядеть глупцом в глазах самой образованной публики на свете, то я не стал бы сдерживать свои слезы» (Письмо второе).

Роз-Помпон — известная парижская танцовщица, соперница Помарэ.

Б о г А п о л л о н.— *У ног красавца — девять жен* — подразумеваются девять муз, богинь искусства и науки, сопровождавших, по греческой мифологии, Аполлона.

Парнас — в греческой мифологии священная гора, резиденция муз; *Монпарнас* (франц. «гора Парнас») — парижский квартал, центр литературной богемы.

Внимал я струй Касталии таинственному пенью. — По верованиям древних греков, Кастальский ключ на горе Парнас являлся источником поэтического вдохновения.

То Артемиды дичь гнала... — Сестра Аполлона, богиня луны Артемиды считалась также богиней охоты.

Сквозь лавры Дафна на меня глядела, замирая. — Дафна, дочь речного бога Пеней, бежавшая от влюбленного в нее Аполлона, была превращена в вечнозеленый лавр.

В одеяние бегиннок... — *Бегинки* — монахини бегинских женских монашеских общин, названных так по имени их основателя Ламберта ле Бега (XII в.).

На грахте. — Амстердам, как и многие другие голландские города, изобилует так называемыми «грахтами», — каналами, соединяющими порт с товарными складами и верфями.

Тарок и ломбер — названия карточных игр.

Представляет в балаганах Пикельгеринга... — Пикельгеринг — буквально: копченая сельдь; название комического персонажа, весьма популярного на подмостках немецкой народной сцены.

М а л е н ь к и й н а р о д е ц. — Впервые опубликовано в 1846 г. в «Morgenblatt» № 212, под заглавием «Brautfahrt» («Поездка за невестой»).

Д в а р ы ц а р я. — Первоначально было озаглавлено: «Zwei Polen (aus dem Weichselzöpfigen)» — «Два поляка (вышедших из моды на Висле)». Сама перемена заглавия свидетельствует о том, что стихотворение отнюдь не направлено против поляков вообще, а бичует лишь тех польских шляхтичей-эмигрантов, которые своим поведением только дискредитировали польскую эмиграцию. Вообще же Гейне весьма сочувственно относился к освободительному движению в Польше. Слова, полные сочувствия к польским народным массам, звучат уже в очерке «О Польше», написанном еще в 1822 г. В книге «Людвиг Берне» Гейне писал: «Польша не погибла... Она будет вечно жить на самых славных страницах истории... Этому народу суждены еще, быть может, подвиги, которые гений человечества ценит выше выигранных битв и рыцарского бряцания мечей» (Книга третья).

Как Патрокл с своим Ахиллом, как с Давидом Ионафан. — В древногреческой и библейской мифологии встречаются примеры верной дружбы: Ахилл и Патрокл сражались бок о бок во время Троянской войны и после смерти вновь соединились друг с другом; Ионафан,

сын израильского царя Саула, был преданным другом Давида, молодого соперника его отца.

Ян Собеский (1624—1696) — польский король (с 1674 г.) и полководец, одержавший ряд побед над турками.

Ян Уминский (1780—1851) — польский генерал, сражавшийся в войсках Наполеона, участник восстания 1830—1831 гг.

З о л о т о й т е л ь ц.—15 февраля 1851 г. это стихотворение вместе с двумя другими («Старинная песня» и «Ночная поездка») было послано поэтом музыкальному издателю Михаэлю Шлоссу на конкурсе сочинителей песен (письмо Гейне к М. Шлоссу). Стихотворение представляет собой своеобразное поэтическое изложение библейского рассказа о золотом тельце, который якобы после исхода евреев из Египта был отлит ими вопреки учению Моисея по наущению его брата Аарона. В этом стихотворении звучат мотивы протеста против господства «золотого тельца» в современной поэту действительности.

Ц а р ь Д а в и д.—В этом стихотворении Гейне пародирует библейский рассказ о завещании израильского царя Давида.

К о р о л ь Р и ч а р д.—Источником этого стихотворения послужила работа О. Тьерри «Histoire de la conquête de l'Angleterre» («История завоевания Англии»).

В австрийскую ты заточен был тюрьму... — Английский король Ричард Львиное Сердце, возвращаясь под видом пилигрима из крестового похода в Палестину, был в 1192 г. вблизи Вены узан и заключен в замок Дюрренштейн герцогом Леопольдом VI Австрийским, личным врагом Ричарда.

А з р.—Впервые опубликовано 2 сентября 1846 г. в «Morgenblatt» № 210. Источником послужила книга Стендаля «О любви» (1822). Корни сюжета в известной мере восходят к арабскому поэту Ибн-Аби-Адглату (ум. в 1375 г.).

Х р и с т о в ы н е в е с т ы.—Поэт Уланд, современник Гейне, приводит народную песню XVI в. о мертвецах, вставших из гроба и поющих в церкви. В народной песне, однако, мертвецы поют религиозные гимны, между тем как у Гейне мертвецы занимаются распеванием явно «к о щ у н с т в е н н ы х» песенок.

Урсульки — монахини католического ордена св. Урсулы.

Кесарю мы отдавали то, чем бог владеть был вправе... — ср. евангельское «отдавайте кесарево кесарю, а боже — богу».

Кистер — причетник, церковный служитель.

П ф а л ь ц г р а ф и н я Ю т т а.—Впервые опубликовано 2 сентября 1846 г. в «Morgenblatt» № 210. Родственный мотив потопления девяти влюбленных поклонников имеется в народной песне «Al-

bertus Magnus», вошедшей в известный сборник «Des Knaben Wunderhorn» («Волшебный рог мальчика») Арнима и Брентано (1805). Труппы, плывущие по Рейну вслед за их убийцей, фигурируют в стихотворении М. Гартмана «Поездка за невестой» («Kelch und Schwert», 1845).

Мавританский князь.—Первоначальное заглавие «Боабдил». Источником послужили книга Конде об истории мавров в Испании — «Geschichte der Maurenschaft in Spanien» (вышла в Германии в 1824—1825 г.) и книга Вашингтона Ирвинга «Завоевание Гренады» (1829). В книге Конде изгнание мавританского короля описывается так: «Когда несчастный Абу-Абдалла-эль-Шакир (последний король гренадский, после передачи города в 1492 г. в руки короля Фердинанда Кастильского, прибыл в Падую, он обернулся назад, посмотрел в последний раз на потерянный город и, горько плача, будто бы сказал: «Алаку-акбар и его мать мне говорили: ты прав, если плачешь, подобно женщине, так как ты не защищал этого города, как подобает мужчине». Визирь короля (у Гейне — любимейшая из наложниц короля. — Я. М.) Юзеф-Абек-Томикса, однако, возразил: «Заметь себе, властитель, что великие несчастья делают людей так же знаменитыми, как и счастье, если только они сумеют вести себя мудро и с твердостью». На аналогичную тему см. новеллу Шатобриана «Les aventures du dernier Abencérage».

Альхамбра — дворец мавританских королей в Гренаде, один из величайших памятников арабской архитектуры.

Жоффрау Рюдель и Мелисанда Триполи.— Впервые опубликовано 2 сентября 1846 г. в «Morgenblatt» № 210. История любви Жоффрау Рюделя, известного трубадура XII века и Мелисанды, графини Триполи, воспета была еще в 1814 г. Уландом в его стихотворении «Rudello». К этой же теме Гейне возвращается в своей поэме «Иегуда бен Галеви».

Бло — город в Жиронде (Франция).

Поэт Фирдоуси. — *Фирдоуси* — Фирдоуси (960—1030), величайший из иранских поэтов, автор бессмертной поэмы «Шах-наме» («Книга царей»), вобравшей в себя лучшие из народных иранских сказаний о подвигах великих и могучих людей Ирана. По преданию, Фирдоуси, получив за поэму от шаха вместо золотых томанов серебряные, написал злую сатиру на шаха, за что попал в немилость.

Фарсистан — древний Иран.

Первозданный свет Ирана, яркий, вечный свет, не меркнущий вопреки корану... — В поэме «Шах-наме», вопреки насильственно

насаждавшейся официальной религии корана, ярко выступала старая, зороастрийская народная вера огнепоклонников.

Гасна — древний город в северо-восточном Афганистане.

Анзари — придворный поэт шаха Магомета (ум. в 1039 г.).

Тус — город, вблизи которого родился Фирдоуси.

«Пя-иль-ля иль алла!» (арабск.) — «Нет бога, кроме бога!»

Н о ч н а я п о е з д к а. — Написано в начале февраля 1851 г.; 15 февраля 1851 г. послано издателю Михаэлю Шлоссу (см. выше прим. к «Золотому тельцу»). На замечание Шлосса о том, что стихотворение не вполне понятно, Гейне 12 марта 1851 г. ответил пространном письмом, в котором он отмечает, что «именно таинственное определяет характер и главную прелесть этого произведения».

Шаддай! Адонай! — Всемогущий бог! (древнееврейские названия бога).

В и ц л и п у ц л и. — Завоеванием Мексики Гейне интересовался издавна и в связи с этим на протяжении нескольких лет знакомился с целым рядом книг по этому вопросу. Несомненное влияние на «Вицлипуцли» оказало отвращение поэта к европейским порядкам. В письме от 5 ноября 1851 г. Гейне сообщает Георгу Веерту: «Больше всего я читаю теперь описания путешествий, и в течение двух месяцев я не вылезая из Сенегалии и Гвинси. Отвращение, которое внушают мне белые, несомненно виною тому, что я погружаюсь в этот черный мир, очень забавный. Эти черные негритянские короли доставляют мне больше удовольствия, чем наши туземные отцы народа, хотя они так же мало знают о правах человека и считают рабство неким природным состоянием». Конец «Вицлипуцли», призывающий к «месту», в известной мере созвучен настроениям умирающего поэта в годы, последовавшие за разгромом революции 1848 г.

Вицлипуцли — бог войны у древних мексиканцев.

Прелюдия. — первоначальный подзаголовок: «Америка, прелюдия к Вицлипуцли».

Риджент-стрит — улица в Лондоне.

Статуя Эразму — Эразм Роттердамский (1466—1536) — один из крупнейших представителей немецкого гуманизма. В Роттердаме, родном городе Эразма, ему поставлен памятник.

Я провел в горе Венеры... — По старинной немецкой легенде, в гроте у Венеры провел, предаваясь любовным утехам, семь лет певец Тангейзер (см. «Тангейзер» Гейне).

Кифгайзер — гора в Тюрингии. Народная немецкая легенда говорит о том, что в этой горе имеется большая пещера, где уже несколько столетий спит император Фридрих Барбаросса —

грядущий освободитель немецкого народа (см. «Германию» Гейне, гл. XIV—XVII).

Кортес Фернандо (1485—1547) — завоеватель Мексики.

Монтесума — последний властитель Мексики, умер в 1520 г.

Пишет бритт наш Генри Мартин. — Ошибка Гейне: имя английского художника, о котором здесь идет речь, — Джон Мартин (1789—1854).

Вместе с базельской смертью и брюссельский Мэннкен-Писс. — Гейне имеет в виду два произведения искусства, вызывающих противоположные эмоции: фреску «Пляска смерти» в базельском соборе в память эпидемии чумы (в настоящее время стена, на которой была нарисована фреска, снесена) и статую над фонтаном в Брюсселе, изображающую мальчика, отправляющего естественную потребность.

Сатанеи Белмалу, Астароту, Вельзевулу! — *Белмал, Вельзевул* — различные наименования дьявола в библии и евангелии. *Астарот* (Астарта) — верховное божество в древней Сирии.

Лилита — по древнеиудейской легенде, возлюбленная Адама до того, как он узнал Еву), дьяволица, губящая мужчин.

Книга вторая ЛАМЕНТАЦИИ

Первоначально эпиграф был озаглавлен в рукописи «Die eine und die andre» («Одна и другая»).

Л е с н о е у е д и н е н и е. — Первоначальное заглавие в рукописи — «Prolog» («Пролог»), затем «Der Kranz» («Венок»); во французском издании: «*Élégie romantique*» («Романтическая элегия»).

Слово «*Waldeinsamkeit*» («Лесное уединение») Гейне заимствовал у немецкого писателя-романтика Тика (см. его «Белокурый Экберт», 1797).

Стикс — в греческой мифологии река подземного царства, семь раз опоясывающая ад; через нее Харон перевозит души умерших.

Испанские Атриды. — Первоначальный вариант заглавия: «*Familiengeschichte*» («Семейная история»). Посвящено событиям из истории испанского средневековья. Педро Жестокий (1334—1369) король Кастилии, женился в 1353 г. на французской принцессе Бланш (Бланке) де Бурбон, но продолжал держать при дворе свою возлюбленную Марию Падилья. В 1369 г. сводный брат Педро, граф Энрико Трастамара (у Гейне он ошибочно назван «Транстамаре») выступил в союзе с другими испанскими грандами против

Педро, собственноручно убил его в сражении и занял престол Кастилии под именем Энрико II.

Наряду с другими источниками Гейне, видимо, использовал книгу «История дона Педро I, короля Кастилии» Проспера Мериме (1848 г.)

Атриды — герои древнегреческой мифологии, братья Агамемнон и Менелай, сыновья Атрея, а также потомки Атрея.

В лето тысяча и триста восемьдесят три — ошибка в дате: дон Энрико II в эту пору уже не правил Кастилией. На престоле с 1379 г. сидел его сын, Хуан I.

Стряпня Локусты. — *Локуста* — знаменитая древнеримская отравительница.

Командора Калатравы — то есть главы рыцарского ордена Калатравы (учрежден в Испании в XII веке).

Фама — у римлян богиня общественного мнения, толков и суждений.

Бой под Нарвас — ошибка: бой происходил при Монтиэле.

Церера — у римлян богиня плодородной нивы, покровительница хлебных злаков.

Прозерпина — дочь Цереры.

Сенеиаль (франц.) — управитель королевского двора.

Э к с - ж и в о й. — Адресовано поэту Георгу Гервегу (1817—1875), автору сборника «Стихи живого» (1841—1844). Гейне, назвавший Гервега за его революционные стихи «железным жаворонком», жестоко осмеял Гервега за его попытку распропагандировать прусского короля Фридриха-Вильгельма IV (см. стихотворение Гейне «Аудиенция»). С еще более жестокой насмешкой Гейне отнесся к Гервегу в связи с нелепым вооруженным походом немецких эмигрантов в Германию, организованным Гервегом во время революции 1848 г. (см. стихотворение Гейне «Симплициссимус I»).

Не раз отводивший душу с тобой в вечерних прогулках над Сеной. — Гервег и Дингельштедт жили зимой 1841—1842 г. в Париже, где они неоднократно встречались. Плодом этих встреч является во второй части. «Стихов живого» Гервега дуэт: «Wohlgeboren und Hochwohlgeboren. Von zwei deutschen Dichtern in Paris».

О Брут, где Кассий... — Брут и Кассий — участники заговора против Цезаря с целью спасения республики в древнем Риме. Под Брутом Гейне подразумевает Георга Гервега, под Кассием — поэта Франца Дингельштедта (1814—1881), выпустившего в 1840 г. сборник радикальных политических стихотворений «Песни космополитического ночного сторожа», а в 1843 г. ставшего гофратом и чтецом вюртембергского короля.

Стихи Мацерата. — Христиан Иозеф Мацерат (1815—1876) — бездарный немецкий поэт, крупный прусский чиновник.

Бывший страж ночей. — Написано в 1851 г. после нового служебного «возвышения» Дингельштедта (см. выше, примечание к «Экс-живому»), назначенного «интендантом» (то есть художественным руководителем) мюнхенского театра.

«Ах, голубка, шла бы в келью!» — см. «Гамлет» Шекспира, акт 3, сцена 1.

Массман — один из вождей националистического движения в Германии, преподаватель языковедения и гимнастики. Постоянная мишень для язвительных острот Гейне (см. «Атта Троль», «Послесловие к Романсеро» и др.). В 1842 г., наряду с философом Шеллингом и художником Корнелиусом, которых ниже упоминает Гейне, был приглашен в Берлин прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV.

Что ушел творец Валгаллы... — Король Людовик I Баварский в революцию 1848 г. был свергнут с престола. В 1841 г. он воздвиг возле Регенсбурга хранилище 163 бюстов немецких национальных героев (по своему выбору), которое Гейне и называет иронически «Валгаллой».

Геррес пал. — Писатель-романтик Иозеф Геррес (род. 1776 г.) умер в 1848 г., тотчас после разгрома реакционной католической партии, которую он возглавил к концу жизни (в ранний период своей деятельности был сторонником французской революции).

Этим хищником лишь кролик нам в наследье был прижит... — Имеется в виду сын Герреса, Гвидо, продолжавший после смерти отца его реакционное «дело».

Доллинггерий — мюнхенский священник, поднявший после антирелигиозных выступлений Гейне в его «Путевых картинах» бешеную кампанию против поэта (в 1828 г. в мюнхенской газете «Еос» и др.).

Шуток Гуттеновых... рыцарь Ульрих... — Ульрих фон Гуттен (1488—1523) — один из вождей немецкого гуманизма; принял участие в составлении известного памфлета «Письма темных людей», нанесшего сильнейший удар по католической реакции.

Эразм — см. примечание к «Вицлицупцли».

Зикинген Франц — гуманист, единомышленник Ульриха фон Гуттена и Эразма Роттердамского.

Эбернбургу подражал. — Замок Эбернбург принадлежал Зикингену, который укрывался в нем с Гуттенем и другими своими единомышленниками.

Виттенберг — город, являвшийся в XVI в. центром деятельности Лютера, осуществившего религиозную реформу в Германии.

Платеныды.—Написано, видимо, в 1847 г. Направлено против последователей немецкого поэта Августа Платена-Галлермиюнде (1796—1835), против которого выступал Гейне (см. «Луккские воды»).

Юны м.—Впервые опубликовано в 1847 г. в альманахе Путтмана («Album Originalproesien», стр. 142), под заглавием «Zug Doktrin» («К доктрине»). Гейне, возможно, имел в виду Фердинанда Лассалья, о котором поэт писал Фарнхагену фон Энзе в письме от 3 января 1846 г.: «Лассаль — истинный сын нового времени, который знать ничего не хочет об отречении и покорности».

Героя Арбеллы... — В битве при городе Арбелле Александр Македонский разгромил персидского царя Дария.

Победно войдя в Вавилон! — Намек на взятие Вавилона Александром Македонским.

Не верующий.—*Святой Фома*—(он же «Фома Неверующий») — по евангелию, один из учеников Иисуса, не поверивший в воскресение Христа и пожелавший пальцами осязать раны на теле своего учителя.

Семейное счастье.—Первоначально в рукописи озаглавлено «Warnung» («Предостережение»).

Теперь куда?—Первоначально было озаглавлено: «Fragment eines Briefes» («Отрывок из письма»). По настроению напоминает письмо Гейне с острова Гельгоlanda от 1 июля 1830 г., включённое поэтом в его книгу «Людвиг Берне» (часть II).

Старинная песня.—Впервые без заглавия и в иной редакции напечатано 23 июля 1824 г. в «Agrippina» № 89. 15 февраля 1851 г. послано на конкурс Шлоссу (см. прим. к «Золотому тельцу»). В «Романсеро» включено после новых изменений.

Старая роза.—Посвящено бывшему предмету пламенной любви поэта — его кузине Терезе (ср. в «Книге песен» цикл «Опять на родине»), после новой встречи с ней в 1843 г.

Аутодафе.—*Аутодафе* — сожжение на костре во времена инквизиции.

ЛАЗАРЬ

1. *Закон жизни*.—Первоначальный заголовок: «Bitter Klage» («Горькая жалоба»).

2. *Взгляд на прошлое*.—Первоначальный заголовок: «Denkblatt» («Памятный лист»).

Как Геллерт, имел я лихого коня... — Поэт Геллерт (1715—1769), получив в подарок от принца Генриха Прусского боевого коня, ежедневно ездил на нем верхом.

4. У м и р а ю щ и й.—Первоначальный заголовок «Ja! Ja!» («Да! Да!»).

6. В о с п о м и н а н и е.—Первоначальный заголовок: «Witzsetzki» («Визецкий»). О гибели мальчика Вильгельма Визецкого, школьного товарища Гейне, — см. напечатанные в данном томе «Заметки» (стр. 157).

7. Н е с о в е р ш е н с т в о.—*Лукреция* — жена римского гражданина Тарквиния Коллатина, прославленный образец римской женщины. Обесчещенная Секстом, сыном царя Тарквиния Гордого, лишила себя жизни.

Генриада — эпическая поэма Вольтера.

Канова (1757—1822) — знаменитый итальянский скульптор.

И схожа с обширным задом Массманова розга... — очередная издевка над Массманом (см. прим. к «Бывшему стражу ночей»).

Дюма — метис. — Французский писатель Александр Дюма-отец был внуком креола и негритянки.

9. О х л а д е л ы й.—Первоначальный заголовок «Der Gemäßigte» («Умеренный»).

12. П о м и н к и.—Первоначальный заголовок: «Gedächtnistag» («Годовщина»).

Кадош — заупокойная молитва у евреев.

Монмартр. — Кладбище, расположенное на Монмартре (район Парижа).

Паулина — подруга Матильды, жены поэта.

15. К а н г е л а м.—*Танатос* — бог смерти в греческой мифологии.

16. В о к т я б р е 1 8 4 9.—Впервые напечатано в сентябре 1850 г. в «Deutsche Monatsschrift» под заглавием «Deutschland von H. Heine. Im Oktober 1849» («Германия Генриха Гейне. В октябре 1849 г.»). Написано в октябре 1849 г. под впечатлением окончательного разгрома революции в Германии и Венгрии. Гейне прекрасно сознавал огромное значение стихотворения, как открытого и прямого отклика на острейшие вопросы политической современности. 16 ноября 1849 г., посылая текст стихотворения издателю Кампе, Гейне писал: «Прошу Вас напечатать его там за моим именем листовой или в журнале, в котором оно дойдет до публики. Это настоящее злободневное стихотворение, рисуящее современное настроение». Кампе остался глух к просьбам поэта, и Гейне только через год удалось опубликовать это замечательное по своему революционному духу произведение.

...не все умны, как Флакк... — Римский поэт Горацій Флакк в битве при Филиппах (42 г. до н. э.) спас свою жизнь бегством.

Не в честь ли Гете пир? — В 1849 г. праздновалось столетие со дня рождения Гете.

Вернулась Зонтаг в шумный мир... — Известная немецкая певица Генриетта Зонтаг, не выступавшая почти 20 лет, в 1849 г. вернулась на сцену.

А Лист? — Венгерский композитор Ференц (Франц) Лист (1811—1886) к концу 40-х годов перешел в католичество.

...царской или кроатской пикой. — Венгерская революция была подавлена русским императором Николаем I, поддержанным кроатскими реакционерами.

И шпагу он не вынет из комода... — намек на шпагу, торжественно преподнесенную Листу в 1830 г., во время его триумфального приезда в столицу Венгрии.

С быком вступил в союз медведь! — Под быком подразумевается реакционная Австрия, заключившая союз с медведем — царской Россией.

17. З л ы е с н ы. — Вызвано воспоминаниями о тяжелых годах, проведенных поэтом в молодости в доме его дяди, богача Соломона Гейне.

Оттилия — условное имя, которым поэт называет здесь свою кузину Терезу.

19. Д у х о в н а я. — См. близкое по идее стихотворение Гейне «Завещание» (стр. 297).

20. E n f a n t p e r d u. — Первоначальное заглавие: «Verlorene Schildwache» («Потерянный часовой»).

Книга третья ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

Ср. Байрон, «Еврейские мелодии».

Э п и г р а ф. — Первоначально запись в альбом Фридрики Фридрианд, занесена 13 марта 1846 г. в Париже.

П р и н ц е с с а Ш а б а ш. — *Шабаш* (евр.) — суббота,

Сенешаль — см. примечание к «Испанским Атридам»,

Альмемора — помост посреди синагоги.

Тора — «Пятикнижие», священная книга евреев.

«Лехо дойди ликрас калле!» — «Пойди, мой друг, навстречу невесте!». Стих этот поется в конце каждой строфы молитвенного гимна, который исполняют накануне субботы, именуемой в гимне

божьей невестой. Ошибочно приписан здесь поэтом Иегуде бен Галеви, тогда как автором гимна был, по-видимому, Соломон Галеви-Алькабиз (XVI в.).

Аддас — мирт.

Шалет (евр.) — субботнее кушанье.

Иегуда бен Галеви.—Написано в 1851 г. Несмотря на спешку, на которую жалуется Гейне в письме к Кампе от 28 августа 1851 г., — одно из прекраснейших поэтических творений Гейне. Основной мотив его — отнюдь не иудаизм, а прославление поэтов, оставшихся верными своему народу в самую тяжелую для него пору. Ближайшим литературным источником поэмы явилась книга: Михаэль Закс, «Религиозная поэзия евреев в Испании», Берлин, 1845 (см. также напечатанные в этом томе «Заметки» Гейне, стр. 158).

Иегуда бен Галеви (XII в.) — один из крупнейших представителей еврейской поэзии. На склоне лет отправился в Палестину и пропал там без вести. Легенда рассказывает, что, когда Галеви целовал землю у ворот Иерусалима, какой-то сарацин напал на него и убил.

Тахо — река в Испании, на которой расположен город Толедо.

Таргум Онкелос — халдейский перевод «Пятикнижия», сделанный, вероятно, в IV в. и ошибочно приписанный переводчику Библии греку Онкелосу.

Галаха — правила и установления иудейской религии, изложенные главным образом в талмуде.

Пумпедита — город в Вавилонии, в котором, так же как и в Сузе, находились после разрушения Иерусалима высшие иудейские школы.

«*Хозари*» — известное религиозно-философское произведение Иегуды бен Галеви. Представляет собой апологию иудейской религии. По форме своей построено в виде диалогов между еврейским философом и князьями одного из древних племен, населявших побережье Каспийского и Черного морей, — хозаров (отсюда и название книги).

Агада — повествовательная часть талмуда.

Споров о яйце фатальном — намек на спор двух иудейских религиозных школ о том, разрешается ли есть яйцо, снесенное курицей в праздничный день.

«*Так на реках вавилонских*» и т. д. — Гейне цитирует один из псалмов.

Сирвенты, мадригалы и терцины, канцонетты и газеллы — различные формы в стихосложении.

Руссильон, Прованс, Пуату — южные области Франции.

Лангедок — здесь: провансальское наречие.

На страстной зажегли во храме знаменитейший пожар... — В страстную пятницу, 6 апреля 1327 г. великий итальянский поэт Петрарка впервые увидел Лауру, которую он воспел в стихах как свою возлюбленную.

В месяц аба, в день девятый... — *Аб* — пятый месяц в еврейском календаре. В девятый день этого месяца легионы Тита сожгли Иерусалимский храм (в 70 г. н. э.).

Блэ; Жоффруа Рюдель — см. примечание к стихотворению «Жоффруа Рюдель и Мелисанда Триполи». *Видам* — управитель.

После битвы при Арбеллах... — см. примечание к стихотворению «Юным».

Атосса — дочь короля Кира; вышла замуж за Лже-Смердиса, мидийского мага, который выдавал себя за Смердиса, убитого брата короля (по рассказу Геродота).

Таис — знаменитая афинская гетера. Во время похода на Персию следовала за Александром Македонским. По преданию, Таис на одном из обедов убедила захмелевшего Александра сжечь город Персеполис.

А с последним Омаядом... третий Абдергам... — Речь идет об Абдеррахмане III (912—961), который бежал в Испанию и стал там калифом кордовским.

Но с паденьем царства мавров... — Падение царства мавров произошло в 1492 г.

Мендицабель — испанский финансист, по происхождению еврей. Неоднократно занимал пост министра. Умер в 1853 г.

Баронесса Соломон — жена миллионера Соломона Ротшильда.

Пелид — сын Пелея Ахиллес, герой «Илиады» Гомера.

Цофар (евр.) — пшец.

«Пехо дойди ликрас калле» — см. примечание к «Принцессе Шабаш».

Меровингских властелинов... — Меровинги — династия франкских королей (V—VIII вв.).

Аль-Харизи — крупный представитель новоеврейской поэзии XIII в., чей отзыв о творчестве Иегуды бен Галеви Гейне цитирует в «Заметках» (см. стр. 158). Переводчик и подражатель знаменитого арабского поэта.

Макамы (арабск.) — род эпических произведений, в которых проза перемежалась со стихами.

Дафна — см. примечание к «Богу Аполлону».

Шлемиль — герой романтической повести Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля» (1814), — неудачник (что и означает его имя по-древнееврейски), продавший собственную тень.

И на Гицига сослался. — Юлий Эдуард Гициг (1780—1849) — немецкий юрист и литератор; крещеный еврей. Был личным другом Шамиссо.

Только тридцать весен прожил... — Габироль прожил не тридцать, а пятьдесят лет. Смерть его также дала повод к множеству легенд.

Д и с п у т. — Написано в 1851 г. между 9 июля и 28 августа. Может служить блестящим поэтическим доказательством того, до какой ясности ума, бодрости духа и крайнего презрения к представителям разного рода религий подымался порой Гейне, даже лежа в «матрачной могиле». Царской цензурой к переводу в России не допускалось.

Арбеканфес — нагрудное молитвенное одеяние евреев.

Нарамник — покрывало, которое носят на плечах католические священники.

Бланш Бурбон — см. примечание к «Испанским Атридам».

Фома Авинский — знаменитый богослов XIII в., ненавидел евреев.

Левиафан — гигантская рыба, которой, по пудейскому вероучению, бог в день Страшного суда накормит праведников.

... в день девятый аба ... — см. примечание к стихотворению «Иегуда бен Галеви».

Мателот — рыбное блюдо, приправленное вином и луком.

«Мишна», «Таусфес-Ионтеф» — иудейские религиозные книги.

Под командою Корея! — Корея (точнее Кора или Корах), по библейской легенде, возглавил заговор против Моисея и был впоследствии вместе со своими сотоварищами поглощен землей.

И пуцусь, как Мирьям, в пляс... — Мирьям, сестра Моисея, согласно библейской легенде, плясала по случаю благополучного перехода евреев через Красное море.

Вельзевул, Астарот, Белиал — см. примечание к «Вицлипуцли».

ЗАМЕТКИ

Заметки были лично подобраны и включены поэтом в первое издание «Романсеро». Возникновение этих заметок было вызвано необходимостью довести объем сборника до соответствующего размера. Об этом достаточно откровенно говорит письмо Гейне Юлиусу

Кампе от 23 сентября 1851 г.: «Теперь я напишу предисловие примерно в печатный лист. Кроме того, указатель, оглавление, которое вы можете сделать без меня, составит тоже четыре страницы, а в конце я постараюсь дать еще несколько страниц примечаний, вероятно, четыре-пять страниц».

Необходимость изыскать какой-либо добавочный материал стояла перед Гейне потому так остро, что Ю. Кампе в целях придания книге большего объема, стал в последней части книги печатать вместо обычных пяти строф на странице только четыре. Гейне, предлагая добавить заметки, оглавление и т. п., убеждал Ю. Кампе: «Напишите мне сейчас же, хватит ли вам этого предисловия и оглавления. Во всяком случае немедленно переделайте набор и прикажите печатать на странице по пяти строф вместо четырех... Все пуговицы должны быть на месте, а при четырехстрофном наборе последней части моей книги я теряю штаны на глазах у всего света» (там же).

Стр. 158. *Рабби Соломон Аль-Харизи* — см. примечание к «Иегуде бен Галеви» — цитата взята из упомянутой выше (стр. 336) книги Михаэля Закса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «РОМАНСЕРО»

Стр. 160. *Массман* — см. примечание к «Бывшему стражу ночей».

Стр. 161. *Да, я возвратился к богу...* — В дополнение к тому, что выше, во вступительной заметке к комментариям, говорилось о характере «мировой» Гейне с богом, нелишне привести здесь выдержку из письма поэта о том, в каком состоянии он писал «Послесловие» (то же, надо полагать, относится и к другим аналогичным документам этого периода): «Я написал его среди страшных болей и в состоянии отупения» (см. письмо к Юлиусу Кампе от 1 октября 1851 г.). Через месяц, 5 ноября 1851 г. в письме к Георгу Веерту Гейне писал: «Я умираю как поэт, который не нуждается ни в религии, ни в философии и у которого нет ничего общего с ними».

СТИХОТВОРЕНИЯ

1853 И 1854 ГОДОВ

Цикл «Стихотворения 1853 и 1854 годов» был впервые полностью опубликован в 1854 г. и вошел как самостоятельный раздел в книгу «Разные произведения Генриха Гейне». Французский перевод, принадлежащий перу Сен-Рене-Тейландье, опубликован был

почти одновременно с немецким изданием 1 ноября 1854 г. в «*Revue des deux Mondes*». Гейне, посылая 3 августа 1854 г. «Стихотворения 1853 и 1854 годов» Ю. Кампе, писал последнему: «Эти стихи представляют собой нечто совершенно новое и не передают старых настроений в старой манере; но оценить их призваны или только совершенно naive натуры или очень большие скептики». В прежних немецких изданиях не было принято печатать «Стихотворения 1853 и 1854 годов» как отдельный цикл. В данном издании этот цикл, установленный самим Гейне, сохраняется полностью.

1. А л к а я п о к о я .—*И с ними гений Джакомо*. — Джакомо Мейербер (1791—1864) — известный композитор. Гейне неоднократно в стихах и в прозе высмеивал Мейербера, в частности, как и в этом стихотворении, за его усиленные заботы о раздувании собственной славы.

2. В м а е.—*Стимфалиды* — в греческой мифологии птицы с медными крыльями и перьями, пожирающие людей.

3. Т е л о и д у ш а.—*Эоны* — мифические духи, олицетворяющие веру и мудрость.

5. В а в и л о н с к и е з а б о т ы.—Под Вавилоном подразумевается Париж, этот «Новый Вавилон» (см. письмо поэта Матильде от 1 октября 1844 г.).

И хоботок над губой подвешен... — Индийский бог мудрости и судьбы Ганеша (Ганеся) обычно изображается в виде слоновой головы.

6. Н е в о л ь н и ч и й к о р а б л ь.—Родственные мотивы см. у Беранже («Негры и марионетки») и у Проспера Мериме («Таманго»).

Суперкарго — владелец коммерческого груза на корабле.

Поэт Альбиона (то есть Англии) — Шекспир (см. «Венецианский купец», акт V, сц. 1).

7. А ф ф р о н т е н б у р г . — *Аффронтенбург* — словообразование Гейне, в переводе на русский язык означающее «замок оскорблений». Поэт имеет в виду виллу своего дяди, Соломона Гейне (в Гамбурге), у которого он провел в молодости несколько лет, полных унижений. Горечь и обида оказались настолько сильны, что через десятилетия поэт в точности воспроизвел не только нравы и обычаи, царившие в «Замке оскорблений», но и детали его местоположения.

... *старого брызги Борей*. — Именем древнегреческого бога ветра поэт иронически называет Соломона Гейне, главу дома.

8. К Л а з а р ю.

VI. — *Каспар Нетшер* (1639—1684) — известный нидерландский живописец.

VIII. — Вызвано посещением в 1853 г. больного Гейне его кузиной Терезой, некогда воспетой поэтом в цикле «Опять на родине». Тяжелое впечатление, произведенное на Терезу большим поэтом (см. ее письмо к нему), не могло не передаться Гейне.

Оба предыдущих стихотворения (VI и VII «Ты девушкой была изящной, стройной», «Да, ты оправдана судом»), возможно, также навеяны встречей с Терезой и воспоминаниями поэта об его отвергнутой некогда любви.

IX.—*Иокасты сын и Лайя* — герой греческого мифа Эдип, освободивший Фивы от страшного сфинкса тем, что разгадал его загадку.

9. *Стрекоза.—Дурной компании хуже нет ничего, на чужбине к тому же!* — Мотив, часто появляющийся в творчестве Гейне, весьма скептически относившегося к многим эмигрантам (см. его письмо от 5 ноября 1851 г. Георгу Веерту и письмо от 21 января 1851 г. к брату Густаву).

Об этом Вергилия скорбел ученик... — Речь идет здесь о Данте. «Энеида» Вергилия послужила главным античным источником «Божественной комедии» Данте и последний изобразил Вергилия как своего путеводителя во время странствий по аду и чистилищу. В письме к Густаву от 21 января 1851 г. Гейне также ссылается на Данте: «В изгнании — на это уже Данте жаловался в «Божественной комедии» — возвращешься в самом скверном обществе».

10. *В о з н е с е н и е.* — *Ксантуна* — преднамеренно, — видимо, в комических целях, — исковерканное имя Ксантиппы, жены древнегреческого философа Сократа.

Малибран — знаменитая французская певица (сопрано).

Рубини — знаменитый итальянский тенор.

Марио, Тамбурини — итальянские певцы.

14. *М и м и.* — *Гвидо из Арецо* (XI в.) — монах, прославившийся исследованиями по теории музыки.

16. *В о с п о м и н а н и е о Г а м м о н и и.* — *Гаммония* — латинское наименование города Гамбурга и имя богини — покровительницы Гамбурга (см. поэму «Германия»).

17. *Р а з б о й н и к и р а з б о й н и ц а.* — *Пилат промолвил, умывая руки.* — По евангельской легенде, Понтий Пилат римский наместник Иудеи, отдал, хотя и неохотно («умывши руки»), Иисуса на распятие.

18. *П о э т и к о - м у з ы к а л ь н ы й с о ю з м о л о д ы х*

к о т о в.—Сатира на композитора Рихарда Вагнера и его музыкально-теоретические произведения «Музыка будущего» (1850) и «Опера и драма» (1851).

Зонтаг — см. примечание к стихотворению «В октябре 1849 г.».

Венгерский крупнейший пианист — Франц Лист, прославившийся не только как композитор, но и как пианист-виртуоз.

Шарантон — местечко около Парижа, в котором находится больница для душевнобольных.

19. *Ганс Безземельный*.—Видимо, написано в 1848 г. Сатира на эрцгерцога Иоанна Австрийского, которого в 1848 г. Франкфуртское национальное собрание провозгласило имперским правителем. Сатирический характер носит и заглавие стихотворения: Гейне «непочтительно» называет эрцгерцога Иоанна Гансом. «Безземельный» прозвище английского короля Иоанна (Джона) I (XII—XIII вв.), лишившегося своих владений после длительных войн.

На почтовом рожке недурно играла ты с детства... — намек на то, что жена Иоанна, Анна Поль, была дочерью начальника почтовой станции.

Гракхов мамаша — римлянка Корнелия, дочь Сципиона Африканского старшего и жена Тиберия Семпрония Гракха, воспитавшая двенадцать человек детей, в том числе знаменитых народных трибунов Тиберия и Гая Гракхов.

20. *Воспоминание о днях террора в Кревинкеле*.—*Кревинкель* — вымышленное название города, впервые употребленное Коцебу в комедии «Немецкие провинциалы» (1803) и получившее с тех пор нарицательное значение резиденции ограниченных обывателей (нечто вроде «города Глупова» у Салтыкова-Щедрина).

21. *Аудиенция*.—Написано в 1854 г. Отправлено 15 апреля 1854 г. Юлиусу Кампе взамен ранее включенного в рукопись «Разных стихотворений» «Симплициссимуса I» (так же, как и «Аудиенция», посвященного Георгу Гервегу с такого рода характеристикой: «Вместо сурового стихотворения о Гервеге я написал другое, смешное стихотворение и посылаю его вам; первое отпадает».

Гервег (см. о нем примечание к стихотворению «Экс-живой») после успеха его книги «Стихи живого», вышедшей в 1841 г., в 1842 г. совершил триумфальную поездку по Германии, а вслед за тем получил аудиенцию у прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. Аудиенция, как и следовало ожидать, ничего не дала, а когда Гервегу стало известно об изданном прусским правительством запрещения задуманного им журнала «Немецкий гонец в Швейцарии»,

возмущенный пост тотчас же послал королю протест. Протест попал в печать, и дело кончилось тем, что Гервег был выслан из Пруссии.

• *«Не от семи ли ты швабов пошел»* — намек на семь глупых швабов в сказке братьев Гримм.

Менцель Вольфганг (1798—1873) — немецкий литератор. В середине 30-х гг. резко выступил на стороне реакции и «прославил» себя постыдными допосами, из-за которых Союзный сейм запретил всю литературную продукцию «Молодой Германии», а в отношении Гейне — даже то, что и впредь будет написано поэтом (см. статью Гейне, «О доносчике»).

О сир, верните права людей... — пародийно звучащая здесь цитата из обращения маркиза Позы к королю Филиппу (Шиллер, «Дон Карлос»).

22. Кобес I. — Сатира на выборы германского императора Франкфуртским парламентом во время революции 1848 г. В лице Кобеса I Гейне выводит Якоба Венедей, бывшего левобуржуазного деятеля, после революции перешедшего на сторону реакции и ставшего для Гейне символом филистерства.

Ремер — ратуша во Франкфурте на Майне.

Недаром сказал немецкий поэт... — шутливая ссылка на сказанное самим же Гейне в его «Германии» (XVI глава).

Эзоп доказал это басней... — В одной из своих басен греческий баснописец Эзоп рассказывает, как лягушки обратились к богам с просьбой заменить их царя чурбана лучшим царем и в ответ получили анста, сожравшего их.

Функи — городская гвардия в старинном Кельне.

Кельнский храм. — Собор в Кельне был заложен в 1248 г., в период господства католицизма в Германии, но впоследствии, в годы реформации, постройка была приостановлена. В 1842 г. прусский король Фридрих-Вильгельм IV предложил возобновить постройку собора, что вызвало резкое возмущение в прогрессивных кругах Германии. Венедей был секретарем парижского филиала общества содействия строительству собора.

Дрикес, Мариццебель — см. примечание к «Шельм фон Бергену».

23. Э п и л о г. — Мотивы этого стихотворения, не случайно являющегося эпилогом ко всему циклу, ярко выражены Гейне за год до его смерти в характеристике, которую пост дал самому себе: «Мертвец, жаждущий самых живых наслаждений жизни» (письмо к Мушке).

Пелид — (см. примечание к «Иегуде бен Галеви»).

БИМИНИ

Впервые опубликовано в 1869 г. Штротдманном. Написано после выхода в свет «Романсеро», то есть после 1851 г. Источником послужила книга Вашингтона Ирвинга «Путешествия и открытия спутников Колумба», 1831 г. Гейне широко и вместе с тем чрезвычайно свободно использовал книгу Ирвинга, в частности раздел о Хуане Понсе де Леон. Менее всего поэт заботился о верности и точности исторических деталей. Все в поэме подчинено основному замыслу — поискам ключа молодости и земного счастья.

Бимини — один из небольших островов Баготского архипелага в Вест-Индии.

Как морское чудо, вырос небывалый новый мир... — Речь идет об открытии Америки Христофором Колумбом в 1492 г.

Бертольд Шварц — монах, изобретший порох в XIV в.

Ворожкой волхва из Майнца... — Гейне здесь ошибочно отождествляет Фауста — сотрудника немецкого первопечатника Гуттенберга, с доктором Фаустом — героем народной легенды.

Книга Красоты — подразумеваются древнегреческие произведения искусства.

Книга Истины — Ветхий завет.

Кортес — см. примечание к «Вицлипуцли».

Писарро Франсиско (1475—1541) — завоеватель Перу. Отличался не меньшей жестокостью, чем Кортес.

Радецкий — австрийский фельдмаршал. С исключительной беспощадностью подавил в Верхней Италии революционное движение 1848 г.

Гайнау — австрийский генерал, подавил революционное движение в 1848 г. в Венгрии и Италии.

Хуан Понсе де Леон (1460—1521) — испанский мореплаватель, открывший Флориду. В 1512 г. отправился на двух кораблях, чтобы открыть остров Бимини, на котором, как говорила молва, находился источник, возвращающий молодость. Ирвинг рассказывает, что Понсе де Леон, вернувшись из этой поездки ни с чем, поручил дальнейшие розыски острова Бимини капитану Хуану Пересу. У Гейне конец представлен иначе.

Кифгайзер — см. прим. к стихотворению «Вицлипуцли».

Второй великий Христоф — Христофор Колумб. — «Первый» Христофор — католический святой, с именем которого связано множество легенд.

Охеда Алонзо (1470—1515) — испанский мореплаватель.

Круглый стол — собрание двенадцати рыцарей легендарного короля Артура.

Бальбоа Васко Нуньес де (1475—1517) испанский мореплаватель, завоеватель Вест-Индии.

Армада — испанский большой флот.

Кяка, старая индийка... — Ирвинг рассказывает, что Понсе де Леон во время своей экспедиции подобрал на одном из островов старуху индианку, взяв ее на борт своего корабля в качестве проводника.

Бриидиди — имя известного в 40-х гг. парижского танцора. Гейне привлекло в этом имени его звучание.

Той бегинки старушонки — см. примечание к «Богу Аполлону».

Геба — у древних греков богиня юности.

БАСНИ И РОМАНСЫ

1855 — 1855 ГОДОВ

1. Песнь маркигантки.—Впервые опубликовано в 1854 г.

2. Клоп.—Написано в сентябре 1855 г. Направлено против венского композитора Иозефа Дессауэра в связи с тем, что тот разглашал интимные подробности своих отношений с французской писательницей Жорж Санд.

Что не идут, как часы Шлезингера — намек на золотые часы, подаренные Дессауэру его издателем Шлезингером.

3. Пеан — В 1849 г. Гейне послал в Берлин для постановки в опере свой балет «Фауст». Балет Гейне не был принят. Когда же в 1854 г. Гейне узнал, что в берлинской опере идет балет «Сатанилла», он решил, что это и есть его балет. Гейне был твердо уверен, что по вине «генерал-директора» оперы Мейербера балет «Фауст» будто бы переименовали, для того чтобы лишить поэта законного гонорара. Отсюда намек в стихотворении на «мастерские приемы» Мейербера.

Пеан — хоровая песнь древних греков.

4. Юдоль плача.—Впервые напечатано в 1857 г.

8. Добродетельный пес.—Послано 8 февраля 1855 г. вместе с басней «Лошадь и осел» маленькому сыну издателя Гейне—Юлиуса Кампе. Впервые обе басни опубликованы в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach».

9. Лошадь и осел. — См. примечание к стихотворению «Добродетельный пес»,

10. П о д с л у ш а н н о е.—Первоначально было намечено к включению в «Стихотворения 1853 и 1854 годов». В своем письме от 15 апреля 1854 г. Гейне предложил, однако, Кампе отложить это стихотворение и не печатать его. «Маленькое стихотворение «Подслушанное», — писал Гейне, — которое навяжет мне на шею двух богатых гамбургских евреев, отпадает и будет заменено».

11. С и м п л и ц и с с и м у с I.—Под «Симплициссимусом I» подразумевается здесь Георг Гервег (см. прим. к стихотворению «Аудиенция»). Имеется в виду предпринятый Гервегом во время революции 1848 г. вооруженный поход немецких эмигрантов в Германию. Этот нелепый поход, организованный Гервегом, несмотря на возражения К. Маркса, кончился полным провалом. Гервег был вынужден бежать, скрываясь, — как говорили злые языки, — в экипаже, которым правила его жена.

Симплициссимус — простака (слово латинского происхождения, введенное в немецкий язык писателем XVII в. Гриммельсгаузенем, автором романа «Приключения Симплициссимуса»).

Ганс Сакс — немецкий поэт XVI в., по профессии сапожник.

Жены и бархатной жилетки. — Жена Гервега Эмма, дочь богатых родителей, принесла ему большое приданое.

Князь Пюклер-Мускау — немецкий писатель, друг Гейне. В 1831 г., через год после выхода в свет книги Пюклера «Письма мертвого», Гервег выпустил свой сборник «Стихи живого».

Ламанчский — Дон-Кихот.

12. К о р о л ь Д л и н н о у х и й I. — Написано, очевидно, в конце 1852 г. Сатира на законопослушных филистеров. Неизвестно, имел ли в виду Гейне какого-нибудь определенного короля. (Эльстер высказывает предположение, что сатира адресована Луи-Наполеону, императору Франции. Френкель полагает, что речь идет о Фридрихе-Вильгельме IV.).

Август — римский император, в царствование которого расцвели искусства.

Меценат — римский богач, прославившийся как покровитель искусств.

Леман Генрих (1814—1882) — французский портретист.

Баярд — легендарный конь, принадлежавший четырем рыцарям — «сыновьям Эймона».

Готфрид Бульонский (1058—1100) — один из руководителей Первого крестового похода.

Господень град — Иерусалим.

Клио — в греческой мифологии муза истории.

13. О с л ы - и з б р а т е л и.—Впервые опубликовано в 1857 г.

в «Deutscher Musenalmanach». Посвящено франкфуртскому парламенту, предавшему революцию 1848 г.

14. В с е з а в и с и т о т м а с с ы.—*Борусской* — прусской.

Высоцкий — популярный в 20-х и 30-х гг. берлинский ресторатор.

Массман — см. примечание «Бывшему стражу ночей».

15. Б р о д я ч и е к р ы с ы. Опубликовано после смерти Гейне. Стихотворение полно презрения к власти имущим, а также к буржуазии и всякого рода филистерам, дрожащим за свою ответственность. Вместе с тем оно направлено против уравнительного коммунизма.

Мирабо (1749—1791) — один из крупнейших буржуазных деятелей эпохи французской революции 1789 г., отличавшийся красноречием.

Цицерон (106—43 до н. э.) — известнейший оратор древнего Рима.

16. 1 6 4 9 — 1 7 9 3 — ???—*Уайтхолл* — замок в Лондоне, в котором в 1649 г. по революционному приговору был казнен король Карл I.

Луи Капет — Людовик XVI — французский король, казненный по революционному приговору в 1793 г.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1855 — 1856 ГОДОВ

1. Посвящено гамбургской родне (см. «Аффронтенбург», «Тот, в ком сердце есть»).

2. О р ф е и с т и ч е с к о е.—Посвящено дяде поэта Соломону Гейне.

Орфей — в греческой мифологии певец, укрощавший своим пением диких зверей и стихии. В поисках своей жены Эвридики Орфей спустился в преисподнюю.

3. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach». Речь идет, очевидно, о дяде поэта Соломоне Гейне.

4. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach».

5. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach». Адресовано гамбургской родне. Является откликом на договор Гейне с кузеном Карлом, в силу которого поэт за сохранение пенсии обязался не писать ничего, что порочило бы его родню.

8. О т х о д я щ и й — см. стихотворение «Эпилог» и примечание к нему.

Штуккерт — народная форма названия города Штуттгарт.

9. Ц и т р о н и я. *Тантал* — сын Зевса, за нанесенное богам оскорбление был осужден стоять по горло в воде под спелыми плодами и вечно томиться жаждой и голодом.

Голубой цветок — насмешка над туманным и мистическим образом «голубого цветка» в романе «Генрих фон-Офтердинген» немецкого реакционного писателя-романтика Новалиса (1772—1801).

10. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach». Вероятно, написано в 1846 г.

11. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach».

12. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach». Вероятно, написано в 1846 г.

18. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach».

19. *Miserege*.—Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach».

Прозерпина — в римской мифологии супруга Плутона, властелина преисподней. Русское слово «царевна» употреблено в подлиннике.

20. Впервые опубликовано Эльстером в его втором издании собрания сочинений Г. Гейне.

21. Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach».

22. М о р ф и н а.—Впервые опубликовано в январе 1863 г. в «Ogion». Написано не позже 1851 г. Первоначальный заголовок «Fragment» («Отрывок»). Гейне собирался было включить «Морфину» в «Романсеро», но затем передумал, видимо не считая это стихотворение достаточно совершенным.

26. М о е м у б р а т у М а к с у.—Написано 20 июля 1852 г. по случаю возвращения младшего брата поэта Максимилиана из Парижа в Петербург, где он служил врачом.

28. К т е л е о л о г и я.—*Мэнкен-Писсом* — см. примечание к «Вяципуцци».

Флегетон — в греческой мифологии река в преисподней.

29. А л л и л у й я.—Впервые опубликовано в 1857 г. в «Deutscher Musenalmanach».

30. З а в е щ а н и е.—*Кревинкель* — см. примечание к стихотворению «Воспоминание о днях террора в Кревинкеле».

Кузен — Рудольф Христиани. Был женат на кузине поэта.

Либерал. В 1839 г. выступил на защиту ганноверской конституции, нарушенной королем Эрнстом-Августом.

Охраннику нравственных высот... — Подразумевается Вольфганг Менцель (см. о нем примечание к «Аудиенции»).

Мое лицо вам неприятно... — В 1837 г. неоднократно высмеивавшиеся Гейне поэты «швабской школы» отказались участвовать в «Альманахе муз» Шамиссо, когда последний решил приложить к альманаху портрет Гейне

Завещаю бутылку слабительных вод... — Адресовано немецкому поэту Людвигу Уланду (1787—1862), уже долгие годы не писавшему стихов.

31. М у ш к е.—*Мушка*—Элиза фон Криниц (1834—1896), последняя любовь Гейне (см. его письма к ней). Издала под псевдонимом Камиллы Зельден книги о последних днях Гейне («Les derniers jours de Henri Heine», 1884, и «Heinrich Heine, aus seinem Leben», 1888).

32. Л о т о с (М у ш к е).—«Последнее, написанное всего лишь за две-три недели до смерти» стихотворение Гейне, — так говорит об этом стихотворении в своих воспоминаниях А. Мейснер («Eingebungen», стр. 249).

33 и 34. Оба стихотворения обращены к «Мушке». См. примечание к стихотворению 31.

Я. Металлов.

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНСЕРО

Книга первая

ИСТОРИИ

Эпиграф. <i>Перевод А. Мушниковой</i>	7
Рамсенит. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	7
Белый слон. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	9
Шельм фон Берген. <i>Перевод В. Левика</i>	15
Валькирии. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	16
Поле битвы при Гастингсе. <i>Перевод А. Блока и Е. Книпович</i>	17
Карл I. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	21
Мария-Антуанетта. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	22
Помарэ. <i>Перевод М. Павловой</i>	24
Бог Аполлон. <i>Перевод В. Левика</i>	27
Маленький народец. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	31
Два рыцаря. <i>Перевод О. Румера</i>	32
Золотой телец. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	34
Царь Давид. <i>Перевод М. Лозинского</i>	35
Король Ричард. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	35
Азр. <i>Перевод В. Левика</i>	36
Христовы невесты. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	36
Пфальцграфиня Ютта. <i>Перевод М. Замаховской</i>	38
Мавританский князь. <i>Перевод В. Левика</i>	39
Жоффрау Рюдель и Мелисанда Триполи. <i>Перевод В. Левика</i>	41
Поэт Фирдуси. <i>Перевод В. Левика</i>	43

Ночная поездка. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	48
Вицлипуцли. <i>Перевод В. Левика</i>	50

Книга вторая

ЛАМЕНТАЦИИ

Эпиграф. <i>Перевод С. Маршака</i>	69
Лесное уединение. <i>Перевод В. Ещина</i>	69
Испанские атриды. <i>Перевод В. Левика</i>	74
Экс-живой. <i>Перевод В. Левика</i>	82
Бывший страж ночей. <i>Перевод М. Тарловского</i>	83
Платениды. <i>Перевод А. Мушниковой</i>	87
Мифология. <i>Перевод А. Мушниковой</i>	88
Матильде в альбом. <i>Перевод В. Левика</i>	88
Юным. <i>Перевод П. Вейнберга</i>	89
Неверующий. <i>Перевод В. Арнс</i>	89
Похмелье. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	90
Семейное счастье. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	90
Теперь куда? <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	90
Старинная песня. <i>Перевод Вл. Разумовского</i>	92
Гарантия. <i>Перевод А. Оношкович - Яцыны</i>	92
Старая роза. <i>Перевод П. Карпа</i>	93
Аутодафе. <i>Перевод И. Елина</i>	93
Лазарь	
1. Закон жизни. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	94
2. Оглядка. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	94
3. Воскресение из мертвых. <i>Перевод В. Левика</i>	95
4. Умиравший. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	96
5. Нищенство. <i>Перевод Т. Сильман</i>	96
6. Воспоминание. <i>Перевод В. Левика</i>	97
7. Несовершенство. <i>Перевод В. Левика</i>	97
8. Смирненное предостережение. <i>Перевод Т. Сильман</i>	98
9. Охладелый. <i>Перевод В. Левика</i>	99
10. Соломон. <i>Перевод Вл. Разумовского</i>	99
11. Погибшие надежды. <i>Перевод В. Левика</i>	100
12. Поминки. <i>Перевод Н. Зиминной</i>	101
13. Свидание. <i>Перевод А. Ефременкова</i>	102
14. Госпожа Забота. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	102
15. К ангелам. <i>Перевод А. Ефременкова</i>	103
16. В октябре 1849. <i>Перевод В. Левика</i>	104
17. Злые сны. <i>Перевод Т. Сильман</i>	105
18. Она погасла. <i>Перевод И. Елина</i>	106

19. Духовная. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	107
20. <i>Enfant perdu</i> . <i>Перевод В. Левика</i>	107

Книга третья

ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

Эпиграф. <i>Перевод А. Мушниковой</i>	109
Принцесса Шабаш. <i>Перевод А. Майкова</i>	109
Иегуда бен Галеви. <i>Перевод В. Левика</i>	
I. «Да прилипнет в жажде к небу...»	114
II. «Так на реках вавилонских...»	119
III. «После битвы при Арбеллах...»	125
IV. «Рассердил мою супругу...»	132
Диспут. <i>Перевод И. Мандельштама</i>	140

ЗАМЕТКИ

Перевод Е. Лундберга

Рамсенит	154
Поле битвы при Гастингсе	157
Воспоминание	157
Иегуда бен Галеви	158

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОМАНСЕРО

Перевод Е. Лундберга 159

СТИХОТВОРЕНИЯ

1853 — 1854

1. Алкая покоя. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	169
2. В мае. <i>Перевод В. Левика</i>	170
3. Тело и душа. <i>Перевод Е. Дмитриевского</i>	171
4. Красные туфли. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	172
5. Вавилонские заботы. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	173
6. Невольничий корабль. <i>Перевод В. Левика</i>	174
7. Аффронтенбург. <i>Перевод В. Левика</i>	178
8. К Лазарю.	
I. «Брось свои иносказанья...» <i>Перевод М. Михайлова</i>	180
II. «Висок мой вся в черном госпожа...» <i>Перевод</i> <i>М. Тарловского</i>	181

III. «Как медлит время, как ползет...» <i>Перевод В. Левика</i>	181
IV. «Цветами цвел мой путь весенний...» <i>Перевод В. Левика</i>	182
V. «Я знал их в радости и в горе...» <i>Перевод В. Левика</i>	183
VI. «Ты девушкой была изящной, стройной...» <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	183
VII. «Да, ты оправдана судом...» <i>Перевод В. Левика</i> . .	184
VIII. «Как молнией, во мгле неверной...» <i>Перевод Т. Сильман</i>	185
IX. «Образ сфинкса наделен...» <i>Перевод О. Чюминой</i>	185
X. «Три пряхи сидят у распутия...» <i>Перевод М. Тарловского</i>	186
XI. «Меня не тянет в рай небесный...» <i>Перевод В. Левика</i>	186
9. Стрекоза. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	187
10. Вознесение. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	189
11. Рожденные друг для друга. <i>Перевод Е. Дмитриевского</i>	192
12. Филантроп. <i>Перевод М. Сандомирского.</i>	193
13. Капризы влюбленных. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	196
14. Мими. <i>Перевод Е. Дмитриевского.</i>	198
15. Добрый совет. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	200
16. Воспоминание о Гаммонии. <i>Перевод В. Левика</i>	201
17. Разбойник и разбойница. <i>Перевод М. Замаховской</i>	202
18. Поэтико-музыкальный союз молодых котов. <i>Перевод Е. Дмитриевского</i>	203
19. Ганс Безземельный. <i>Перевод Л. Гинзбурга.</i>	205
20. Воспоминание о днях террора в Кривинкеле. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	207
21. Аудиенция. <i>Перевод В. Левика.</i>	208
22. Кобес I. <i>Перевод В. Левика</i>	211
23. Эпilog. <i>Перевод В. Левика</i>	216

БПМИНИ

Перевод В. Левика

Пролог	217
I. «На пустом побережье Кубы...»	223
II. «И на суше верен рыцарь...»	230
III. «Лучезарно светит солнце...»	232
IV. «Ни глупцом, ни сумасшедшим...»	233

БАСНИ И РОМАНСЫ
1853—1855

1. Песнь маркитантки. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	243
2. Клоп. <i>Перевод Л. Гинабурга</i>	244
3. Пеан. <i>Перевод Е. Дмитриевского</i>	245
4. Юдоль плача. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	246
5. Эдуард. <i>Перевод Е. Дмитриевского</i>	247
6. Дуэль. <i>Перевод В. Левика</i>	248
7. Эпоха кос. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	249
8. Добродетельный пес. <i>Перевод Б. Тимофеева</i>	250
9. Лошадь и осел. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	251
10. Подслушанное. <i>Перевод Л. Гинабурга</i>	254
11. Симплициссимус I. <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	255
12. Король Длиноухий I. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	258
13. Ослы-избиратели. <i>Перевод Ю. Тынянова</i>	262
14. Все зависит от массы. <i>Перевод А. Мушниковой</i>	264
15. Бродячие крысы. <i>Перевод В. Левика</i>	267
16. 1649—1793—??? <i>Перевод В. Левика</i>	269

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
1853—1856

1. «В их поцелуях крылся путь к измнам...» <i>Перевод М. Тарловского</i>	273
2. Орфейстическое. <i>Перевод В. Левика</i>	273
3. «Да не будет он помянут!» <i>Перевод В. Левика</i>	274
4. «В дилом бешенстве ночами...» <i>Перевод Л. Руст</i>	275
5. «Тот, в ком сердце есть, кто в сердце...» <i>Перевод В. Левика</i>	276
6. «Я жалил стихом и ночью и днем...» <i>Перевод А. Мушниковой</i>	276
7. Добрый совет. <i>Перевод В. Левика</i>	276
8. Отходящий. <i>Перевод А. Мушниковой</i>	277
9. Цитрония. <i>Перевод В. Левика</i>	277
10. «Цветы, что Матильда в лесу нарвала...» <i>Перевод В. Левика</i>	280
11. «Мой день был ясен, ночь моя светла...» <i>Перевод В. Левика</i>	281
12. «Как твой пастух, немалый срок...» <i>Перевод В. Левика</i>	281
13. «Я чашу страсти осушил...» <i>Перевод В. Левика</i>	282
14. «В мозгу моем пляшут, бегут и шумят...» <i>Перевод В. Левика</i>	282
15. «Когда пивка насосалась...» <i>Перевод В. Левика</i>	284
16. «Вечность, ох, как ты долга!...» <i>Перевод Л. Тарловского</i>	285

17. «Час за часом, дни и годы...»	<i>Перевод Л. Руст.</i>	285
18. «Землю губит злой недуг...»	<i>Перевод В. Левика.</i>	286
19. Miserege.	<i>Перевод В. Левика.</i>	287
20. «Как ни прекрасен, — полон мук...»	<i>Перевод О. Румера.</i>	288
21. «В часах песочная струя...»	<i>Перевод В. Левика.</i>	289
22. Морфина.	<i>Перевод Е. Дмитриевского</i>	289
23. Предостережение.	<i>Перевод Вл. Разумовского.</i>	290
24. К сведению.	<i>Перевод В. Левика.</i>	290
25. «Ни увереньями, ни лестью...»	<i>Перевод М. Тарловского.</i>	290
26. Моему брату Максу.	<i>Перевод В. Левика.</i>	291
27. «Грубости средневековья...»	<i>Перевод И. Карпа.</i>	291
28. К телеологии.	<i>Перевод В. Левика.</i>	292
29. Аллилуйя.	<i>Перевод А. Мушниковой.</i>	295
30. Завещание.	<i>Перевод Ю. Тынлянова.</i>	297
31. Мушке.	<i>Перевод Л. Руст.</i>	299
32. Лотос (Мушке).	<i>Перевод В. Левика.</i>	300
33. «Вместо дел — засилье слова!..»	<i>Перевод М.Тарловского.</i>	300
34. «Пытай меня, избежь бичами...»	<i>Перевод В. Левика.</i>	301
35. «Я видел сон: луной озарены...»	<i>Перевод В. Левика.</i>	301
Варианты		307
Комментарии	<i>Я. Металлова.</i>	315

Генрих Гейне
Собрание сочинений, т. 3

Редактор Б. Б. Томашевский
Художник Л. С. Хижинский
Художественный редактор
А. М. Гайденков
Технический редактор
Л. А. Чалова
Корректор В. Н. Вишнякова

Сдано в набор 26.IV. 1957 г.
Подписано к печати 9/VIII
1957 г. Тираж 85000 экз. Бу-
мага $84 \times 108^{1/32} = 11,12$ печ. л.
18,24 усл. печ. л. Учетно-изд.
л. 16,35. Заказ № 417.
Цена 10 р. 50 к.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28.

Министерство
культуры СССР.
Главное управление полигра-
фической промышленности.
2-я типография «Печатный
Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26